ЛУЧШИЕ В МИРЕ УЧЕНИКИ,

ИЛИ КАК НАУЧИТЬ ДЕТЕЙ УЧИТЬСЯ

ОПЫТ ПЕРЕДОВЫХ ПЕДАГОГОВ – УЧИТЕЛЯМ И РОДИТЕЛЯМ

АМАНДА РИПЛИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Почему одни дети усваивают так много, а другие так мало? Почему во всем мире уровень образования нестабилен? Почему обеспеченность родителей не гарантирует успеха детей? Почему во многих развитых странах образование далеко от идеала? Где, кто и как учит и воспитывает самых умных детей? Ставшая международным бестселлером книга Аманды Рипли дает ответы на эти и многие другие вопросы. В книге рассказываются истории трех американских подростков, проходивших обучение в школах Финляндии, Польши и Южной Кореи в рамках национальной исследовательской программы. Результаты путешествий за образованием поразили всех, а образовательные системы далеко не ведущих на мировой арене стран признаны поистине выдающимися. Книга объединяет серьезное исследование с увлекательным, искренним стилем изложения и будет полезна как современным педагогам, которых интересует опыт передовых коллег, так и родителям.

- Аманда Рипли
  - ○
  - ○ Главные герои
    - ■ Германия
    - ■ США
    - ■ Южная Корея
    - ■ Польша
    - ■ Финляндия
  - ○ Введение
    - ■ Загадка
    - ■ Легендарные скандинавские роботы
    - ■ Агенты на местах
  - ○ Часть I
    - ■ Глава 1
      - ■
      - ■ География умников
      - ■ Пилотное исследование
      - ■ Мои оценки PISA
    - ■ Глава 2
      - ■
      - ■ Приглашение
      - ■ «Они хотя бы пытаются»
      - ■ «Так делают богатые. А мы нет»
      - ■ Безумные мечты

- Глава 3
- «Ты в кого-нибудь стрелял?»
- Конкуренция «железных» детей
- Сопутствующий ущерб
- Одиночество в Корее
- Глава 4
- Страна Миннесота

○ Часть II
- Глава 5
  -
  - История двух учителей
  - «Почему ваши ребята такие неравнодушные?»
  - «А разве ты этого не знаешь?»
  - Жизнь после школы
- Глава 6
  -
  - География родительского подхода
  - Чемпионы по тревожности
  - Загадочное равновесие
  - География силы воли
- Глава 7
  -
  - Польское чудо
  - Из Пенсильвании в Польшу
  - Дети Бермудского треугольника
  - Алхимик
  - Шоковая терапия
  - «Мы не хотим отставать»
  - Одаренные и талантливые в Америке
  - Платонова пещера
  - Основы

○ Часть III
- Глава 8
  -
  - Виртуальная реальность
  - Проверка на стрессоустойчивость
  - Цветные в Финляндии
  - «Мне хочется относиться к ним так, будто они мне безразличны»
  - Страх и рынок
- Глава 9
  -
  - Highest, Inc

- Война хагвонам
- На дежурстве с учебной полицией
- Побег из «соковыжималки»

Глава 10

-
- Как американский, так и польский пирог
- День первый
- Первокурсник в Америке
- Кореянка в Нью-Джерси
- Белки в колесе и дети-алкоголики
- Мальчики без рюкзаков, девочки без «F»
- Одинокие воины

Примечания автора

Приложение 1

-
- Понаблюдайте за учениками
- Поговорите со школьниками
- Слушайте, что говорят родители
- Игнорируйте блестящие предметы
- Задавайте директору трудные вопросы

Приложение 2

- Введение
- Схема опроса
- Ограниченность данных

Библиография

Алфавитный указатель

Об авторе

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48

Аманда Рипли
Лучшие в мире ученики, или Как научить детей учиться

Amanda Ripley
The Smartest Kids in the World: And How They Got That Way

Copyright © 2013 by Amanda Ripley. Simon & Schuster Inc. as the original publisher.

Перевод *Ольги Вирязовой*
Художественное оформление *Петра Петрова*

Главные герои

Германия

Томас Невилл Постлетуэйт – британский ученый. Первым провел международное исследование уровня знаний детей. Руководитель Андреаса Шляйхера.

Андреас Шляйхер – немецкий ученый из Организации экономического сотрудничества и развития, помогавший в разработке теста PISA[1], созданного для оценки навыков XXI века у 15-летних подростков из разных стран мира.

США

Скотт Бетель – тренер по футболу и учитель алгебры в классе Ким в Саллисо, штат Оклахома.

Марк Блэнчард – директор средней школы Тома в Геттисберге, штат Пенсильвания.

Шарлотта – мать Ким и учитель начальной школы в Саллисо, штат Оклахома.

Скотт Фармер – школьный инспектор района, в котором находится школа Ким в Саллисо, штат Оклахома.

Дебора Джист – руководитель комитета образования штата Род-Айленд.

Элина – финская школьница, в 16 лет приехавшая по обмену в США, покинув Хельсинки, чтобы прожить год в Колоне, штат Мичиган.

Эрни Мартенс – директор средней школы Ким в Саллисо, штат Оклахома.

Уильям Тэйлор – учитель математики средней школы в Вашингтоне, округ Колумбия.

Южная Корея

Ча Бьонг Хул – глава группы соблюдения комендантского часа для учащихся отдела образования района Гангнам в Сеуле, Южная Корея.

Ли Чэй Юн – владелец пяти академий внешкольного образования в Южной Корее, в Сеуле.

Эрик – американский школьник, в 18 лет приехавший по обмену в Южную Корею из Миннетонки, штат Миннесота, чтобы провести 2010/11 учебный год в Бусане.

Дженни – корейская школьница, которая раньше жила в США и подружилась с Эриком в корейском Бусане.

Ли Ю Хо – министр образования, науки и техники Южной Кореи. Экономист с докторской степенью от Корнеллского университета.

Эндрю Ким – английский учитель, наживший состояние в «Мегастади», одной из крупнейших корейских частных академий внешкольного образования.

Польша

Мирослав Хандке – химик, министр образования Польши в 1997–2000 гг. В период проведения серьезных реформ.

Урсула Спалка – директор средней школы Тома в Польше, во Вроцлаве.

Том – американский школьник, в 17 лет уехавший из Геттисберга, штат Пенсильвания, по программе обмена, чтобы провести 2010/11 учебный год во Вроцлаве, Польша.

Пола Маршалл – генеральный директор «Bama Companies» в Оклахоме, Китае и Польше.

Финляндия

Ким – американская школьница, в 15 лет уехавшая из Саллисо, штат Оклахома, по программе обмена и проучившаяся 2010/11 учебный год в Финляндии, в городе Пиетарсаари.

Тиина Стара – учитель финского языка Ким в Пиетарсаари.

Сюзанна – принимающая мать Ким в первые полгода ее пребывания в Пиетарсаари.

Хейкки Вуоринен – учитель в школе «Тиистила», находящейся под Хельсинки, в городе Эспоо, где треть учеников – эмигранты.

Введение

Загадка

Работая в «Тайм» и других журналах, я старательно избегала тем, связанных с образованием. Если мои редакторы просили меня написать о школах или экзаменах, я в ответ предлагала написать о терроризме, авиакатастрофах или пандемии гриппа. Обычно это срабатывало.

Я не заявляла об этом во всеуслышание, но истории об образовании казались мне, ну, немного вялыми. Такие статьи обычно озаглавливались шрифтом, имитирующим надпись мелом, и украшались карандашными каракулями. Они были полны добрых намерений, но не фактов. И цитировались в них преимущественно взрослые люди, а дети появлялись только на фото, улыбающиеся и молчаливые.

Потом редактор попросил меня написать о загадочной новой главе управления муниципальных школ в Вашингтоне, округ Колумбия. Я мало что знала о Мишель Ри, кроме того, что она носит туфли на шпильках и в интервью нередко вставляет слово «чушь». И решила, что это будет хорошая история, даже если придется углубиться в туманную тему образования.

И в этом тумане со мной случилось нечто неожиданное. Я несколько месяцев общалась с детьми, родителями и учителями, а также людьми, которые творчески исследуют образование по новым методикам. И довольно скоро поняла, что Ри интересна, но не она здесь самая большая загадка.

Настоящей загадкой было вот что: почему одни дети усваивают так много, а другие так мало?

Мы вдруг узнали об образовании много нового. Мы узнали о том, что происходит – или не происходит – в разных районах или классах. И это было необъяснимо. Всюду, куда я приезжала, я видела огромные подъемы и спады в знаниях детей: в богатых и бедных районах, белых и черных, в государственных и частных школах. Официальные данные показывали те же подъемы и провалы, напоминающие бесконечные, вызывающие тошноту американские горки. Падения и повороты можно было отчасти объяснить, как всегда, деньгами, расовой или этнической принадлежностью. Но не полностью. Было кое-что еще.

В последние годы, пока я писала все новые статьи об образовании, меня ставила в тупик одна загадка. В начальной школе Кимболл в Вашингтоне, округ Колумбия, я видела учеников пятого класса, буквально умоляющих учителя вызвать к доске решить задачу на деление в столбик. Если они отвечали правильно, то выбрасывали вверх кулаки и громко шептали:

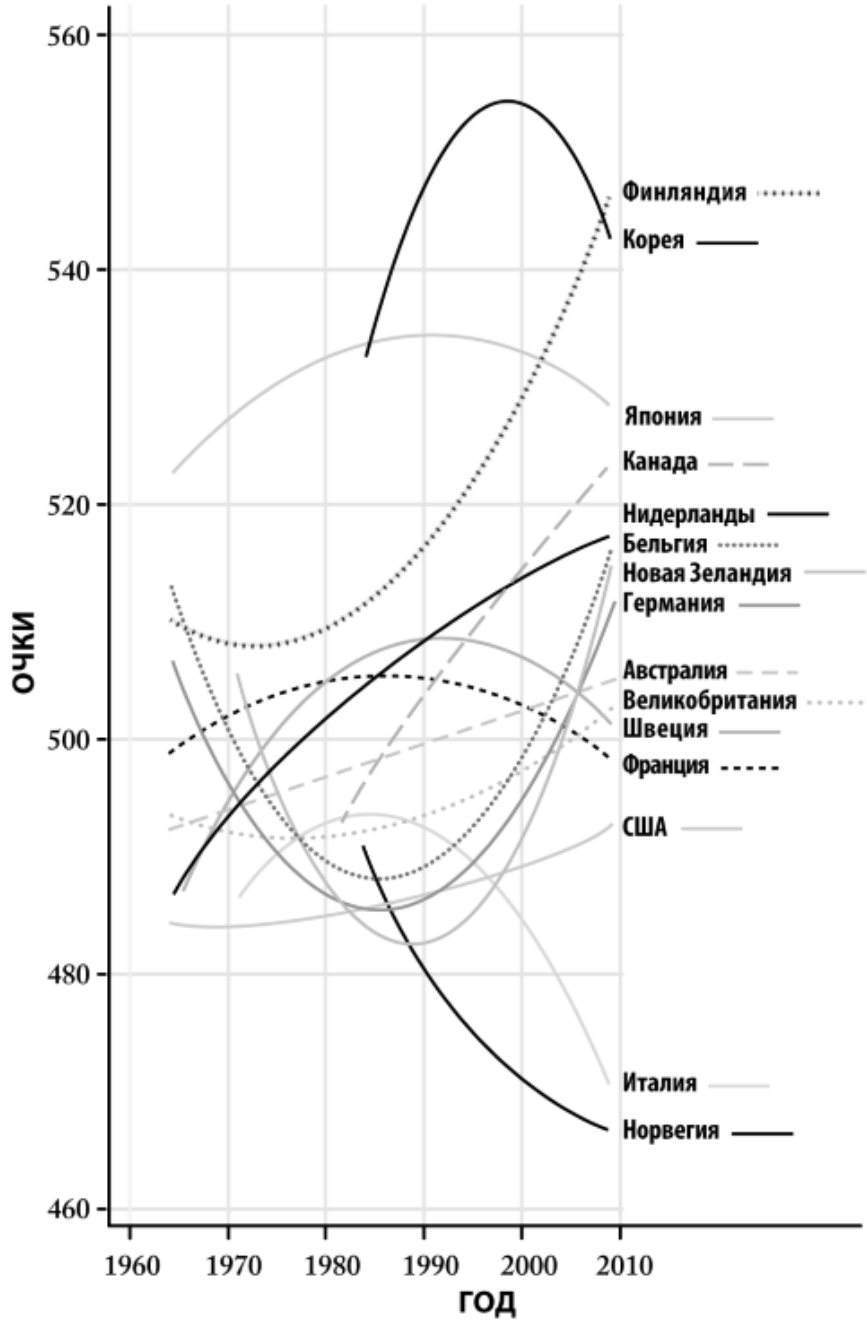
«Есть!» Это было в районе, где чуть не каждую неделю кого-то убивали и где 18 % безработных.

> Настоящей загадкой было вот что: почему одни дети усваивают так много, а другие так мало?

В других местах я видела детей, которым до одурения скучно, детей, которые поднимают голову, когда в класс входит кто-то незнакомый вроде меня, и смотрят с надеждой, чтобы я, бога ради, придумала им какое-нибудь развлечение и спасла их от этой бессмыслицы.

Какое-то время я говорила себе, что это зависит от района, директора или учителя. Некоторым детям повезло, думала я, но чаще всего такие различия связаны с деньгами и привилегиями.

А однажды я увидела этот график, и он меня потряс.



Танец наций: За полвека в разных странах проведены 18 различных тестов для детей. Экономисты Лудгер Вейсман и Эрик Ханушек составили график по результатам этих тестов. Они показывают, что уровень образования может со временем сильно меняться – и меняется в лучшую и худшую сторону.

США, может, и успевали в целом ровно, но выяснилось, что это исключение. Посмотрите на Финляндию! Она взлетела с самой нижней позиции в мире на вершину, не делая передышек. А что творилось в соседней Норвегии, которая съезжала в пропасть, несмотря на фактическое отсутствие детской бедности? И была еще Канада, вырвавшаяся из среднего уровня, поднимаясь к высотам Японии. Если образование – это функция культуры, могла ли культура меняться так сильно и быстро?

Во всем мире уровень образования детей повышается и снижается загадочным или многообещающим образом, иногда за короткое время. Загадка, которую я заметила в Вашингтоне, округ Колумбия, становилась гораздо интереснее при взгляде извне. Огромное большинство стран не могло дать образование высшего уровня даже детям состоятельных родителей. В сравнении с большинством стран США были типичными, не намного лучше и не намного хуже. а в нескольких странах – вообще-то всего в горстке эклектичных наций – творилось нечто невероятное. Фактически все дети учились навыкам критического мышления в математике, естествознании и чтении. Они не просто заучивали, а учились решать задачи и применять знания на практике. То есть учились выживать в современной экономике.

Как это объяснить? Американские дети были в среднем лучше обеспечены, чем типичные дети Японии, Новой Зеландии или Южной Кореи, однако знали гораздо меньше, чем они. Наши самые привилегированные подростки имели высокообразованных родителей, учились в самых богатых школах мира, однако в математике они 18-е в сравнении со своими привилегированными сверстниками во всем мире, успевая гораздо хуже обеспеченных детей Новой Зеландии, Бельгии, Франции и Кореи, помимо других. Типичный ребенок из Беверли-Хиллз успевал ниже среднего в сравнении со всеми детьми Канады (а Канада не так уж далеко!). Прекрасное образование по стандартам американских пригородов со стороны кажется весьма средним.

Сначала я решила не поддаваться этому очковтирательству. Действительно ли это что-то значило, если мы заняли первое место в мире по результатам образования? Или даже 10-е? Наши ученики начальной школы хорошо справлялись с международным тестированием, особенно по чтению, и слава богу. Проблемы возникли с математикой и естествознанием, и они становились более очевидными, когда наши дети взрослели. Тогда американские школьники занимали 26-е место по тестам на критическое мышление в математике, а это ниже среднего для развитого мира. Ну и что? Наши подростки успевали средне или ниже среднего в международных тестах столько лет, сколько

ведутся эти подсчеты. До сих пор это немного значило для экономики, так почему это должно иметь какое-то значение в будущем?

США были большой многообразной страной. У нас были другие преимущества, которые перевешивали посредственное полное среднее образование, верно? У нас все еще были исследовательские институты мирового класса, и мы продолжали вкладывать в исследования и развитие больше, чем любая другая нация. Здесь легче было начать бизнес, чем в большинстве других мест на земле. Такие ценности, как трудолюбие и независимость, как и раньше, подпитывали США.

Но везде, куда бы я ни ехала как репортер, я видела напоминания о том, что мир изменился. Те 2300 дней, что наши дети проводили в школе до того, как ее окончить, значили больше, чем когда-либо. В Оклахоме исполнительный директор компании, производящей яблочные пироги для «Макдоналдс», сказал мне, что ему трудно найти американцев, способных освоить современные промышленные специальности, – и это во время рецессии! Дни раскатки теста и упаковки пирогов в коробки миновали. Им нужны были люди, умеющие читать, решать проблемы и сообщать, что случилось в течение смены, и среди выпускников оклахомских средних школ и местных колледжей таких людей не хватало.

Глава «Manpower», кадровой и рекрутинговой фирмы с офисами в 82 странах, сказал, что во всем мире одной из самых сложных профессий стала профессия продавца. Некогда продавец был толстокожим и хорошо играл в гольф. Однако со временем продукция и финансовые рынки стали дико сложными, а информация – доступной каждому, включая покупателя. Умение общаться было уже не так важно. Чтобы преуспеть, продавцы должны были разбираться во все более и более сложных товарах, которые они продавали. Почти так же хорошо, как разработавшие их инженеры.

> Во всем мире уровень образования детей повышается и снижается загадочным или многообещающим образом, иногда за короткое время.

Довольно неожиданно посредственная успеваемость стала слишком тяжелым наследием. Без диплома средней школы ты не мог работать мусорщиком в Нью-Йорке, ты не мог вступить в ВВС. Однако четверть детей по-прежнему бросала среднюю школу и не возвращалась.

Не так давно наша страна занимала первое место по уровню знаний выпускников средней школы, а к 2009 году около 20 стран

уже были лучше нас. Почему в эпоху, в которой знания значат больше, чем когда-либо, наши дети знали меньше, чем должны были знать? Наши минусы – это скорее неудачи в политике или культуре; неудачи политиков или родителей?

Мы говорили себе, что растим более творческих детей, которые пусть и не превосходят остальных в электротехнике, но имеют смелость высказывать свое мнение, изобретать и переопределять возможное. Но разве так разберешься, правы мы или нет?

Легендарные скандинавские роботы

Специалисты в области образования здорово поработали, пытаясь объяснить крайне разные результаты разных стран. Они совершали плановые поездки в отдаленные школы. Они выслушивали отчеты руководителей и директоров школ и проводили презентации по возвращении. Однако их выводы были раздражающе абстрактными.

> Я решила на год поехать в научную командировку в те страны, где дети самые умные. – хотела сама посмотреть на этих «маленьких роботов».

К примеру, возьмем Финляндию, которая находится на первом месте в мире. Американские педагоги описали Финляндию как райский уголок, место, где восхищаются всеми учителями и любят всех детей. Они утверждали, что Финляндия достигла такого блаженного состояния, потому что у них очень низкий уровень детской бедности, тогда как в США он был высоким. Исходя из такой аргументации, мы не наведем порядок в своих школах, пока не победим бедность.

Ссылка на бедность интуитивно понятна. Уровень детской бедности в США составлял около 20 % – это позор для государства. Бедные дети испытывали своего рода тяжелый стресс, с которым не могли справиться. Они в среднем меньше занимались дома и нуждались в большей помощи в школе.

Загадка, однако, решалась не так просто. Если бедность была главной проблемой, тогда что случилось с Норвегией? Норвегия, «страна всеобщего благоденствия» с высокими налогами, всеобщим здравоохранением и богатыми природными ресурсами, имела меньше 6 % детской бедности, как и Финляндия, – один из самых низких в мире показателей. Норвегия тратила на образование примерно столько же, сколько мы, т. е. огромные деньги, в сравнении с остальным миром. И все же в 2009 году норвежские дети сдали международный тест на естественнонаучную грамотность так же слабо, как наши. В Норвегии было что-то не так, и бедность тут ни при чем.

> Американские педагоги описали Финляндию как райский уголок, место, где восхищаются всеми учителями и любят всех детей.

Тем временем финны сами предложили туманные объяснения

своего успеха. Мне сказали, что в Финляндии всегда ценилось образование. Вот чем все объясняется. Но тогда почему в 1950-е в Финляндии всего 10 % детей окончили среднюю школу? Почему в 1960-е в Финляндии было огромное расхождение между тем, что знали и умели сельские и городские дети? Тогда стремление к образованию в Финляндии было довольно слабым. Что же случилось?

Однако президент Барак Обама и его министр образования сказали, что завидуют южнокорейской системе образования, превознося ее высокоуважаемых учителей и требовательных родителей. По крайней мере на первый взгляд Корея, казалось, не имела ничего общего с Финляндией. Корейская система основана на тестах, а корейские подростки проводят за учебой больше времени, чем наши бодрствуют.

Вслушиваясь в эту какофонию, я пыталась представить, как живется детям в этих загадочных странах высоких оценок, нулевого отсева и выпускников колледжей. Действительно ли финские дети – это скандинавские роботы, о которых я читала? Сладко ли живется корейским детям? И каково их родителям? О них никто не говорил. Разве родители значат не больше учителей?

Я решила на год поехать в научную командировку в те страны, где дети самые умные, – хотела сама посмотреть на этих «маленьких роботов». Что они делают в 10 утра во вторник? Что родители говорят им, когда они приходят домой? Счастливы ли они?

Агенты на местах

Чтобы познакомиться со скандинавскими роботами, мне нужны были внутренние источники: дети, которые видели и делали те вещи, которые я не могла делать сама. Поэтому я набрала команду юных экспертов.

В 2010/11 учебном году я наблюдала за тремя замечательными американскими подростками, жившими в самых умных странах. Эти дети вызвались участвовать в нашем проекте, когда поехали на год по программе обмена школьниками с другими странами, покинув свои семьи. Я навещала их в зарубежье, и мы поддерживали тесные контакты.

Их зовут Ким, Эрик и Том. Они познакомили меня с принимающими семьями и приютившими их кафетериями, вызвавшись быть моими проводниками в чужой стране. Ким отправилась из Оклахомы в Финляндию, Эрик из Миннесоты в Южную Корею, а Том из Пенсильвании в Польшу. Они приехали из разных частей Америки и уехали оттуда по разным причинам. Я познакомилась с Ким, Эриком и Томом с помощью «Американской полевой службы»[2], организации «Молодежь за взаимопонимание»[3] и клубов «Ротари»[4].

Я выбрала этих американцев как консультантов, но они оказались главными героями. Они не представляли всех американских детей, и их опыт не мог отражать миллионы реальных ситуаций в принимавших странах. Но в их историях я нашла реальность, отсутствовавшую в методических указаниях.

Ким, Эрик и Том заставили меня быть честной. Они не хотели говорить о системе контрактов с преподавателями[5] или матерях-тигрицах. Свободные от эмоциональных проблем взрослых, они много говорили о других детях, больше всего влияющих на жизнь подростка. Они целыми днями наблюдали совершенно новую для них жизнь, от кухни принимающей семьи до туалетов средней школы. Им было что сказать.

В каждой стране мои агенты на местах знакомили меня с детьми, родителями и учителями, ставшими соучастниками моего исследования. Например, в Корее Эрик направил меня к своей подруге Дженни – девушке, которая в детстве жила сначала в Америке, а потом в Корее. Дженни, случайный эксперт в области образования, терпеливо отвечала на те вопросы, на которые не смог ответить Эрик. (Видеоинтервью с моими информаторами-школьниками можно посмотреть на веб-сайте этой книги www.AmandaRipley.com.)

Чтобы рассмотреть выводы этих информантов в контексте, я

опросила сотни других школьников по обмену об их опыте пребывания в США и за границей. В отличие от большинства рассуждающих об образовании в других странах, эти ребята имеют непосредственный опыт. Я спрашивала их о родителях, школах и жизни там и на родине. Их ответы изменили мое мнение о наших проблемах и сильных сторонах.

Вернувшись наконец в США, я была настроена более, а не менее оптимистично. Стало очевидно, что мы потратили массу времени и денег впустую, а наши школы и семьи более всего озадачивало отсутствие ясности цели, которая была в Финляндии, Корее и Польше. Кроме того, я нигде не видела ничего такого, чего бы наши родители, дети и учителя не могли бы однажды сделать так же хорошо или лучше.

Что я видела, так это целые поколения детей, получающих такое образование, какого заслуживают все дети. Они его получают, несмотря на политику, бюрократию, устаревшие коллективные договоры и непонимание родителей – универсальные болезни всех систем образования. Главное, это осуществимо. И другие страны покажут нам дорогу.

Часть I
Осень

Глава 1
Карта сокровищ

Андреас Шляйхер тихо сел в конце аудитории, стараясь не привлекать внимания. Он иногда так делал; забредая в аудитории, он не имел намерения вникать в суть предмета. Была середина 1980-х, официально он изучал физику в Гамбургском университете, одном из самых элитарных университетов Германии. Однако в свободное время он приходил на лекции и наблюдал – так, как другие смотрят телевизор.

В этой аудитории преподавал Томас Невилл Постлетуэйт, сам себя называвший «исследователем образования». Шляйхер счел этот титул любопытным. Его отец преподавал педагогику в университете и всегда говорил о педагогике как своего рода загадочном искусстве, наподобие йоги. «Нельзя измерить то, что важно в педагогике, – человеческие качества», – любил говорить его отец. Из чего Шляйхер сделал вывод, что в образовании нет ничего научного, и потому предпочел физику.

Но этот британец, чью фамилию Шляйхер не мог произнести, кажется, считал иначе. Постлетуэйт был членом новой загадочной группы исследователей, пытавшихся анализировать неточный предмет точными методами – как физик изучал бы педагогику, если б мог.

Шляйхер сосредоточенно слушал дискуссию о статистике и выборочном методе, его светло-голубые глаза были внимательны и серьезны. Он знал, что отец этого не одобрит, но попытался представить, что бы было, если б действительно можно было сравнить знания детей разных стран, одновременно учитывая влияние таких факторов, как национальность или бедность. И обнаружил, что тянет руку и присоединяется к дискуссии…

По его опыту, немецкие школы не были исключением, как бы ни считали немецкие педагоги. В школе он большую часть времени скучал и получал средние отметки. Но когда он был подростком, несколько учителей поощряло его тягу к науке и цифрам, и его оценки улучшились. В средней школе он завоевал государственную награду за естественные науки, а это означало, что после колледжа ему была гарантирована более-менее высокооплачиваемая работа в частном бизнесе. И до того, как вмешаться в лекцию Постлетуэйта, именно это он и собирался делать.

В конце занятий профессор попросил Шляйхера остаться. Он заметил что-то необычное в худом, как жердь, молодом человеке, говорившем едва слышным голосом.

– Не хотите помочь мне в этом исследовании?

Пораженный Шляйхер посмотрел на него.

– Я ничего не знаю о педагогике.

– Это не важно, – улыбаясь, сказал Постлетуэйт.

После этого они стали работать вместе и в итоге создали первый международный тест по чтению. Это был примитивный тест, почти не замеченный работниками образования, включая отца Шляйхера. Но молодой физик верил фактам и последовал бы за ними куда угодно.

География умников

Весной 2000 г. треть миллиона подростков в 43 странах села на два часа за тест, не похожий на все, что они когда-либо видели. Этот странный тест назывался PISA (Program for International Student Assessment) и представлял «Международную программу по оценке образовательных достижений учащихся». Вместо типичного вопроса из тестов, например о том, какая комбинация монет вам нужна, чтобы что-то купить, тест PISA просил вас создать собственные монеты прямо в тестовом буклете.

PISA был разработан своего рода мозговым центром для развитых стран под названием «Организация экономического сотрудничества и развития», и ученый Андреас Шляйхер находился в центре проведения эксперимента. Это было более 10 лет спустя после того, как Шляйхер забрел в аудиторию Постлетуэйта. Все эти годы он работал над тестами, обычно оставаясь безымянным. На своем опыте он убедился, что мир нуждается в хитроумном тесте, способном оценивать особенности современного мышления и коммуникативные навыки, нужные людям для того, чтобы преуспевать в современном мире.

До теста PISA проводились другие международные тесты, названные незапоминающимися аббревиатурами, но они обычно оценивали, что запомнили дети или что учителя вбили им в головы на уроках. Эти тесты, как правило, определяли готовность учащихся к дальнейшему обучению, но не их подготовленность к жизни. Ни один из них не исследовал способность подростков критически мыслить и решать новые задачи по математике, чтению и естественным наукам. А PISA должен был определить, в каких странах детей учат самостоятельно мыслить.

К 4 декабря 2001 года были готовы результаты. ОЭСР[6] созвала пресс-конференцию в Шато де ла Мюетт, величественном особняке Ротшильда, – ее штаб-квартире в Париже. Шляйхер со своей командой, представ перед небольшой группой репортеров,

пытался объяснить нюансы PISA.

– Нам не нужны были решения уравнений или ответы на многовариантные вопросы, – сказал он. – Нам нужна была способность к творческому мышлению.

Репортеры заволновались, нетерпеливо ожидая рейтинга, и получили то, чего хотели. Первой страной в мире стала… Финляндия. Последовала пауза. Шляйхер сам был немного озадачен таким результатом, но не показал этого.

– В Финляндии все хорошо, – сказал он, – и социальное происхождение не оказывает большого влияния на успеваемость.

Финляндия? Вероятно, тут какая-то ошибка, шептали специалисты в сфере образования, включая тех, кто жил в Финляндии.

Страны-участники провели собственные пресс-конференции, чтобы обсудить результаты. Их публично объявили в столице Финляндии Хельсинки, в 1500 милях отсюда. Министр образования вошла в зал, собираясь представить обобщенное заключение той же группе финских журналистов, с которой всегда встречалась, и была поражена, обнаружив, что там полно фотографов и репортеров со всего мира. Она, запинаясь, прочла официальный отчет и удалилась.

> Мир нуждается в хитроумном тесте, способном оценивать особенности современного мышления и коммуникативные навыки, нужные людям для того, чтобы преуспевать в современном мире.

Позже иностранные съемочные группы брали интервью около здания министерства образования у его смущенных сотрудников – в декабре при температуре ниже нуля, – и пиджаки их развевались на морском ветру Финского залива. Они всю свою жизнь работали, ориентируясь на других – американцев, немцев – и их мнения относительно образования. Но никто никогда не оглядывался на них.

Немцы же были шокированы. Председатель комиссии по образованию в бундестаге назвал эти результаты «трагедией для немецкого образования». Немцы считали, что их система одна из лучших в мире, но их дети успевали ниже среднего в развитом мире по чтению, математике и естественным наукам – даже хуже, чем американцы (американцы!).

«Неужели немецкие школьники глупые?» – вопрошал «Шпигель» с обложки.

«Dummkopf[7], – заявил «Экономист».

Работники сферы образования всех стран, включая Германию, помогали Шляйхеру и его коллегам писать вопросы для тестов,

поэтому не могли отвергать результаты. Вместо этого одни комментаторы винили учителей, а другие – видеоигры. Слово «PISA» вошло в разговорный немецкий, даже вдохновив режиссеров на создание телевикторины в лучшее эфирное время – «Шоу PISA». Специалисты по образованию стали совершать регулярные паломничества в Финляндию в поисках спасения. Даже отец Шляйхера изменил свое мнение, прочтя результаты и обсудив их с сыном.

А США оказались где-то выше Греции и ниже Канады – это средняя успеваемость, которая будет повторяться в каждом последующем цикле тестирования. Американские подростки лучше успевают в чтении, но это мало утешает, поскольку знания по математике обычно лучше прогнозируют будущую зарплату.

Даже в чтении пропасть более чем в 90 баллов отделяла лучше успевающих американских детей от их хуже успевающих ровесников. В то время как всего 33 очка разделяли наиболее и наименее продвинутых корейских учащихся, и почти все они успевали лучше американских сверстников.

– Средне – это мало для американских детей, – сокрушался министр образования США Род Пейдж. И поклялся (как окажется, напрасно), что закон президента Джорджа Буша «Ни одного отстающего ребенка», основанный на отчетности, исправит положение в американском образовании.

Другие американцы защищали свою систему, виня разнородность учащихся в бледных результатах. Шляйхер же с присущей ему дотошностью ответил фактами: иммигрантов нельзя винить в слабых показателях Америки. Страна имела бы те же баллы, даже если б их результаты не учитывались. На самом деле во всем мире доля детей иммигрантов объясняет всего 3 % расхождений между странами.

Национальность и семейный доход имеют значение, но их влияние в разных странах резко различается. Состоятельность родителей не всегда означает высокие оценки их детей, а бедность – низкие.

Американские дети в частных школах обычно успевали лучше, но ни один из них не успевал лучше, чем обеспеченные же дети, учившиеся в государственных школах. Частные школы, по статистике, не так уж много дают.

По существу, PISA показал то, что должно быть, но не было очевидным: что расходы на образование не делали детей умнее. Все зависело от того, как учителя, родители и школьники использовали эти инвестиции. Как и во всех больших организациях, от «Дженерал электрик» до морского флота, результат зависел от исполнения, т. е. того, что трудно сделать

хорошо.

Дети всего мира снова участвовали в тесте PISA в 2003, 2006, 2009 и 2012 годах. К нему присоединились новые страны, и к 2012-му тестовый буклет издали более чем на 40 языках. И каждый раз результаты разрушали стереотипы: не все умные дети жили в Азии – это во-первых. Во-вторых, дети США не имели монополии на творческие способности. PISA требовал творческого подхода, и его проявили многие другие страны.

К тому же деньги не ведут к большим знаниям. Налогоплательщики самых умных стран мира тратят значительно меньше на обучение одного ребенка, чем налогоплательщики США. Участие родителей также было неоднозначным. В странах с наилучшими системами образования родители не обязательно больше участвуют в обучении своих детей – они участвуют в нем иначе. И больше всего воодушевляет то, что умные дети не всегда были такими умными.

> Состоятельность родителей не всегда означает высокие оценки их детей, а бедность – низкие.

Результаты теста по истории показали, что финские дети не родились умными, а стали такими не так давно. Эти перемены, как выяснилось, могут произойти за одно поколение.

По мере того как из ОЭСР поступали новые порции данных, Шляйхер становился знаменитым. Он выступал с заявлением в конгрессе и консультировал премьер-министров.

– Никто не понимает глобальных проблем лучше, чем он, – сказал министр образования США Арни Дункан. – И он говорит мне правду – то, что мне нужно слышать, а не то, что я хочу слышать.

Министр образования Великобритании Майкл Гоув назвал его «самым главным человеком в английской системе образования», не важно, что Шляйхер немец и жил во Франции.

На всех континентах PISA подверглась критике. Кто-то говорил, что тест был культурно пристрастен или же многое утратил в результате перевода. Другие говорили, что объем выборки в США – 5233 школьника из 165 школ – слишком мал или так или иначе искажен. Многие говорили, что Шляйхер и его коллеги должны были просто собирать баллы за тест и не строить предположений о том, что могло привести к высоким или низким показателям.

Шляйхер в целом отразил нападки критиков. PISA не идеальна, признал он, но она лучше, чем любой другой вариант, и становится лучше с каждым годом. Он, как библейский торговец, возил свою презентацию PowerPoint из одной страны в

другую, гипнотизируя публику анимированными диаграммами разброса данных PISA за разные годы и в разных странах. Его последний слайд в виде непрерывной бегущей строки гласил: «Без данных вы лишь еще один человек с очередным мнением… Без данных вы лишь еще один человек с очередным мнением…».

Пилотное исследование

Я познакомилась со Шляйхером в апреле 2010 года в Вашингтоне, округ Колумбия, как раз когда зацвели вишни на Национальной аллее. Мы с ним разговаривали в фойе офисного здания рядом с Капитолием во время его единственного перерыва среди напряженного дня. К тому моменту у Шляйхера были седые волосы и усы, как у Алекса Требека. Он был приветлив, но сосредоточен, и мы сразу же перешли к делу.

Я сказала, что меня впечатлил PISA, но я настроена скептично. Ко времени моего исследования США тратили на тестирование больше времени и денег, чем любая другая страна. У нас были огромные массивы данных, из которых мы узнали весьма мало. Действительно ли PISA отличается от тех дутых тестов, которые наши дети должны механически сдавать каждую весну?

Даже не присев, он ответил один за другим на все мои вопросы, отбарабанил статистические данные и пояснения, как Люк Скайуокер[8], с легким немецким акцентом.

– PISA – это не обычный школьный тест, – сказал он. – На самом деле он сложный, потому что здесь приходится думать.

Я возразила, что ни один тест не может оценить все.

Шляйхер кивнул:

– PISA не оценивает все успехи, которые важны для жизни. Думаю, вы правы.

Я чувствовала, что отстояла свое мнение. Даже Шляйхер подтвердил, что данные имеют свои недостатки. Но он продолжал, и я поняла, что ошибалась.

– Я действительно считаю, что PISA нуждается в развитии и сборе более широкого ряда исходных показателей. Ведется большая работа, чтобы оценить, например, навыки совместного решения проблем. Мы работаем над этим.

У меня возникло ощущение, что, по его мнению, не существует практически ничего, что PISA не мог бы оценить. Если не сейчас, то когда-нибудь. Он даже настаивал, что PISA радикально отличается от всех других тестов, которые я когда-либо сдавала.

Мы пожали друг другу руки, и он пошел обратно – на

следующее заседание. Уходя, я размышляла о том, что он сказал. Шляйхера, единственного из всех людей, нужно было понимать буквально. Если PISA действительно отличалась от всех тестов, которые я проходила, то существовал единственный способ узнать, прав ли он.

Мои оценки PISA

Я приехала туда рано и была, наверное, единственным человеком в истории, жаждущим пройти стандартизированный тест. У исследователей, проводивших PISA в США, был офис в даунтауне округа Колумбия, около Белого дома, зажатый между юридическими фирмами и лоббистами.

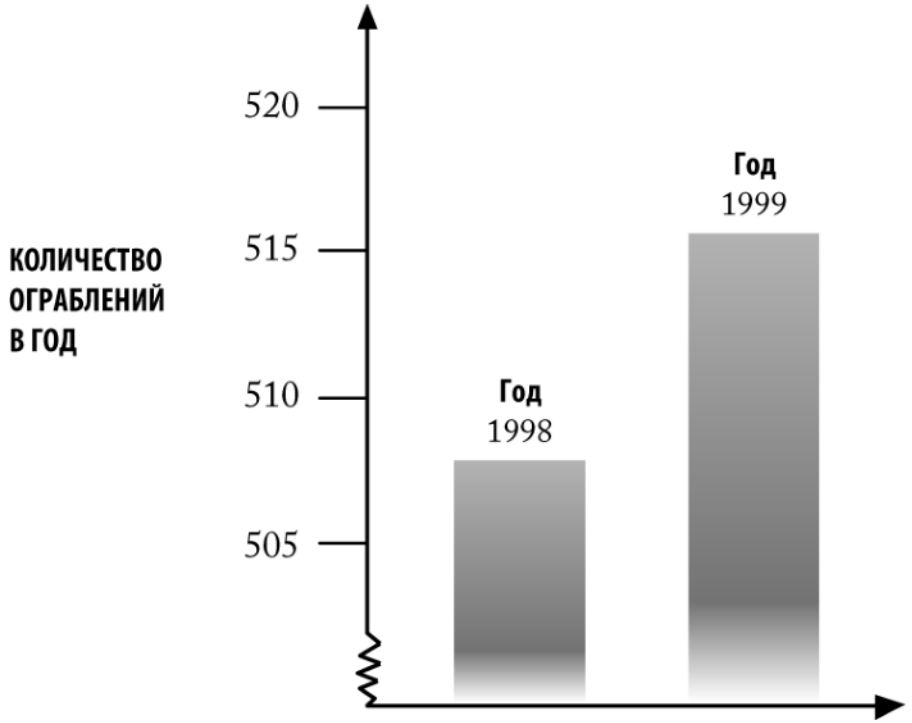
В лифте мне пришло в голову, что я 15 лет не сдавала тестов. Это могло усложнить дело. Я устроила себе короткую устную проверку. Формула извлечения квадратного корня? Величина π? И ничего не вспомнила. Двери лифта открылись.

Приятная молодая женщина, которой велели со мной нянчиться, провела меня в офис. Она положила на стол карандаш, калькулятор, буклет с тестом и вслух прочла официальные инструкции, объясняя, что PISA создан для того, чтобы выяснить, «чему вы учились и что такое для вас школа».

Следующие 2 часа я отвечала на 61 вопрос по математике, чтению и естествознанию. Поскольку определенные вопросы могли снова появиться в более поздних версиях теста, сотрудники PISA взяли с меня слово не рассказывать, что это за вопросы. Однако я могу поделиться похожими примерами из прошлых тестов PISA и другими примерными вопросами, которые PISA согласилась предать огласке. Вот, например, вопрос по математике.

Тележурналист указал на график и сказал:

– Этот график показывает огромный рост количества ограблений с 1998 по 1999 год.



Как вы думаете, верно ли журналист интерпретирует график? Обоснуйте свой ответ.

Еще в нескольких подобных вопросах требовалось высказать свое мнение, а дальше оставалось несколько строчек для ответа. Это было странно. С каких пор стандартизированные тесты интересуются чьим-то мнением?

Другие вопросы напомнили мне о задачах, с которыми я сталкивалась во взрослой жизни, вынужденная расшифровывать мелкий шрифт медицинской страховки, прежде чем ее выбрать, или сравнивая ставки по текущим счетам, предлагаемые конкурирующими банками. Это больше напоминало тест на умение жить, а не учиться.

Все математические формулы давались, слава богу, включая значение π. Но я заметила, что должна серьезно размышлять над ответами. Когда я попыталась побыстрее проскочить математический раздел, мне пришлось вернуться и стереть несколько ответов.

Один примерный вопрос на чтение представлял собой объявление о вакцинации в некоей компании – вежливое сообщение, которое можно увидеть на доске объявлений на работе. Листовка, написанная сотрудницей по имени Фиона, ничем не примечательная. Совершенно как настоящее объявление! Тест просит проанализировать работу Фионы:

Фиона хотела, чтобы стиль этого информационного листка был доброжелательным и воодушевляющим. Как вы считаете, удалось ли ей это? Поясните свой ответ, подробно комментируя расположение, стиль текста, картинки или другие графические данные.

Для меня самым сложным был раздел естествознания. Я не раз прибегала к догадкам. Многие вопросы были из области повседневной жизни. Что происходит с вашими мышцами, когда вы тренируетесь? В каких продуктах много витамина С?

Когда я закончила, у меня оставалось в запасе около 20 минут. В отличие от школьника, я сама оценивала собственные ответы. Это заняло около часа, поскольку каждый ответ мог получить оценку «0», полный или частичный зачет, в зависимости от того, насколько он близок к вариантам ключа теста. Хорошие тесты, как правило, хотя бы частично оценивались людьми, и это делало их дорогостоящими и редко используемыми.

За ответ на вопрос об ограблениях ставился полный зачет за любой вариант ответа из 10 возможных – но только если ответ был «нет» и включал критическую оценку искаженного графика, который начинается не с 0, или замечание, что повышение уровня грабежей было довольно маленьким в процентном отношении. (Кстати, только около трети участников в Финляндии, Корее и США правильно ответили на этот вопрос.)

Для вопроса об объявлении о прививках не было одного правильного ответа. Да или нет, но единственным способом получить полный зачет было защитить свое мнение, сославшись хотя бы на одну специфическую особенность листовки и дать ей подробную оценку. Просто повторить, что стиль текста «доброжелательный» и «воодушевляющий», было недостаточно: эти слова уже содержались в вопросе. «Интересная», «легко читаемая» и «понятная» рассматривались как слишком неопределенные. Оценка должна быть оригинальной, и требования были высокими. Во всем мире только 4 из 10 подростков правильно ответили на этот вопрос.

Вопросы для разных стран немного различаются. Школьников из Мексики, к примеру, не просили определить диаметр озера Эри. Но подобные детали не очень важны, потому что PISA – это тест не только на знание фактов. Это тест на способность извлекать пользу из фактов.

Наконец я назвала свою оценку наставнице, так как никого больше не было. Я сделала всего одну ошибку (естественнонаучный вопрос).

– Прекрасно! – сказала она великодушно.

Мы обе знали, что у меня 22-летний опыт работы сверх того, на что рассчитан PISA, включая четыре года учебы в колледже.

Я покинула здание, и чувство облегчения исчезло. Я понимала, что моя оценка мало что сулит подросткам моей собственной страны. Этот тест был не таким уж легким, хотя и не слишком сложным. На один вопрос, на который я ответила верно, ответили всего 18 % 15-летних американцев. Были еще подобные вопросы, на которые многие или большинство финнов и корейцев отвечали верно, как и я, но большинство американцев ответили на них неправильно.

PISA требовал быстроты в решении задач и умения вести диалог, другими словами – основных навыков, которые мне были нужны для выполнения своей работы и заботы о семье в мире, задыхающемся от информации и подверженном неожиданным экономическим переменам. А если большинство подростков не могло справиться с тестом, что это значило для страны? Не все наши дети становятся инженерами и юристами, но разве не всем им нужно уметь мыслить?

Я все же не думала, что PISA может оценить все, но теперь убедилась, что он оценивает способность к критическому мышлению. Американская ассоциация профессоров университетов назвала критическое мышление «отличительным признаком американского образования – образования, предназначенного для того, чтобы формировать мыслящих граждан свободного общества». Если критическое мышление было отличительной особенностью, почему оно не проявлялось к 15 годам?

Невольно напрашивался вывод: американские дети и налогоплательщики разбазаривают массу времени и денег. В 2009 г. подростки США стояли 26-ми по математическому тесту PISA, 17-ми по естественным наукам и 12-ми по чтению. Мы вторые в мире только в одном – в затратах на ученика. (Единственная страна, тратящая больше, – Люксембург, где школьников меньше, чем в Нэшвилле, штат Теннесси.)

О последствиях таких затрат было больно думать. Экономисты нашли точное соответствие между оценками PISA и длительным экономическим ростом страны. Разумеется, на экономический рост влияли многие вещи, но способность трудящихся к учебе, мышлению и адаптации – это набор основных стимулов. Если б у США были оценки финнов по PISA, то валовой внутренний продукт рос бы со скоростью в $1–2 триллиона в год.

Оценки PISA лучше, чем табели успеваемости, предсказывали, кто из школьников пойдет учиться в колледж.

Детей, чьи навыки чтения оценивались тестом PISA ниже, чаще отчисляли из средней школы. PISA не оценивал запоминание – он оценивал жажду знаний.

Я изучала тест с противоречивыми чувствами. Экзамен и 1000 страниц анализа, сопровождавшие результаты PISA, в целом обрисовывали карту сокровищ мира. Эта карта могла помочь мне решить, в каких странах всех детей учат мыслить, а в каких нет.

Самые успешные или приближающиеся к ним страны соответствовали трем основным категориям:

1) утопической модели Финляндии, системе, построенной на ответственности, где в детях развивали мышление более высокого порядка без излишнего соперничества или родительского вмешательства;

2) стрессовой модели Южной Кореи, где дети учились столь усердно, что правительство должно было ввести комендантский час для школьников;

3) метаморфозной модели Польши, развивающейся страны с почти такой же детской бедностью, как и в США, но с новыми и вдохновляющими целями в отношении образования.

Однако PISA не мог показать мне, как эти страны стали такими умными или какой была повседневная жизнь детей в этих странах в сравнении с жизнью в Америке. Жизненные шансы детей зависели от чего-то большего, чего не мог оценить этот тест. Хотели корейские девочки и мальчики учиться или же просто добиться успеха? Это разные вещи, а у финских подростков такой же сильный характер, как и способности к математике? У меня были данные, но мне нужно было узнать, как они живут.

Я решила посетить Финляндию, Корею и Польшу, чтобы увидеть, чему остальной мир может научиться у детей, которые там живут. Я изучила также другие страны с очень высокими результатами, такие как Китай и Сингапур, но решила сконцентрироваться в основном на развитых демократиях, странах, где перемены происходят не принудительно. Я хотела поехать туда, где родители, дети и учителя должны были терпеть причуды политиков и безрадостный и трудный путь компромиссов и все равно добивались успеха. Это было загадкой, которую нужно увидеть, чтобы поверить в нее.

Глава 2
Отъезд

Если Саллисо в штате Оклахома и был чем-то знаменит, то местные жители обсуждали это нечасто. В книге «Гроздья гнева», изданной в 1939 г., вымышленная семья Джодсов бежала из «пыльного котла»[9] во время Великой депрессии. В поисках лучшей жизни они уехали из Саллисо.

«Допотопный, перегруженный ”гудзон”, поскрипывая и кряхтя, добрался до федеральной дороги у Саллисо и под слепящим солнцем свернул на запад…» – писал Джон Стейнбек.

В начале 2008 г., когда Ким было 12, Саллисо оказался на грани второй страшной депрессии в истории США. Но этого не было заметно, во всяком случае не сразу. Рядом с городом проходило шоссе 1-40, связывавшее Оклахому и Арканзас, и здесь открылся ряд дешевых мотелей для водителей-дальнобойщиков. В чистом поле, меньше чем в миле от дома Ким, построили гипермаркет «Уол-март».

А немного дальше располагалось большое казино, принадлежавшее индейцу, в которое на обед приезжало довольно много народу. В прохладной полутьме пожилые мужчины в ковбойских шляпах играли на игровых автоматах. Пенсионеры приезжали специально ради обеда за $3,50. В туалете на стене, в пластиковом красном контейнере, установленном для игроков-диабетиков, было полно использованных игл для инсулина.

Несмотря на этот скромный бизнес, Саллисо был все же провинциальным городом с населением меньше 9000 человек. На месте банка, который ограбил Притти Бой Флойд во время Великой депрессии, был пустырь. В здании железнодорожной станции, куда его тело прибыло в сосновом ящике, теперь размещалась маленькая публичная библиотека.

Как и Ким, почти все в Саллисо были белыми, но национальность людей менялась в зависимости от того, какую форму они заполняли. Половина детей имела удостоверения индейцев, где они назывались потомками коренных американцев. Даже если вы были индейцем всего на 1,512, вы могли получить такое удостоверение, и оно давало бы определенные преимущества, как то: бесплатные школьные принадлежности или доступ в благотворительную столовую для чероки. Около четверти детей в школьном округе[10] Саллисо официально квалифицировались как бедные, так что преимущества индейцев – это не только историческое наследие, но и пища.

Школы в Саллисо считались просто хорошими – не лучшими, но и не худшими. Однако многое зависело от того, из чего вы исходите при их оценке. Государственный тест Ким и большинство ее одноклассников сдавали хорошо, но тот тест был, как всем известно, откровенно легким. В более серьезном тесте, проводившемся по всей стране, всего 1 из 4 восьмиклассников в Оклахоме показал хороший уровень знания математики. (Дети из Саллисо успевают примерно так же, хотя на местном уровне тест сдавало недостаточное количество детей, чтобы узнать это точно.)

Чем дальше вы едете, тем хуже обстоят дела. Если б штаты были странами, Оклахома имела бы мировой рейтинг около 81 по математике или примерно столько же, сколько у Хорватии и Турции.

Каждую зиму Ким и ее дедушка участвовали в рождественском родео, проезжая на старом тракторе по центру города. Ей нравилось медленное тарахтенье трактора модели H, гром марширующих позади оркестров и громкие крики детей, когда она бросала конфеты в их протянутые руки.

Но все же, как и многие 12-летние, Ким чувствовала, что ее место не здесь. Она всячески пыталась добиться успеха в Саллисо. Так как она не слишком преуспела в традиционных видах спорта, то стала заниматься чирлидингом[11] в детском саду. Она позировала перед фотокамерой в своей бледно-желтой форме, распрямив плечи и улыбаясь. Но к третьему классу так и не научилась делать «колесо» и все бросила.

После этого она мечтала играть в школьном духовом оркестре. Это ей подходило: идти до футбольного стадиона, до центра культурной жизни города, без искусственной улыбки и сальто вперед. Она выбрала флейту и каждый день занималась, пока у нее не начинала болеть челюсть. Тем не менее и через два года звуки получались хриплые и тонкие, и дирижер определил ее на четвертое место.

Ким был свойствен интерес к миру. Она серьезно относилась к учебе и принимала близко к сердцу несправедливость в далеких странах. Во втором классе она увидела в теленовостях, что ученые используют крыс для поиска бомб. Это было уже после 11 сентября 2001 года, и страна только что выбрала своего первого министра госбезопасности. Репортер объяснял, что ученые вживили электроды в мозг крыс, чтобы направлять их в нужную сторону – туда, куда не решаются пойти люди, превратив их в бомбоискатели с дистанционным управлением.

Ким ощутила укор совести. Она не особенно любила крыс и понимала, что жизнь крысы менее ценна, чем человеческая. Но ей

казалось неправильным вторгаться в мозг любого живого существа. Это страшно, а возможно, и безнравственно. Она думала о своих черепашках и представляла, что государство станет управлять и их мозгом. Когда это закончится? Наверняка можно иначе заставить животных идти в нужную сторону. Может, предложить им угощение?

Потом Ким сделала кое-что необычное для ребенка, да и для взрослого. Она кое-что предприняла, чтобы исправить несправедливость, имеющую к ней мало отношения. В тот день она села у торгового автомата в своей школе и написала письмо президенту Джорджу Бушу, подробно изложив свои опасения относительно этих опытов с крысами. Она старалась быть вежливой и уважительной, старательно выписывая буквы в своей тетради.

Когда мимо проходили две ее подруги, Ким рассказала им о крысах и спросила, не хотят ли они подписать письмо. Может, они смогут подать петицию, если подпишется вся школа.

Удивленно глядя на нее, девочки прокричали:

– Фуууууууу! Ким, какая гадость! Кому они нужны?!

Их смех разнесся по освещенному флуоресцентным светом коридору. Потом они сочинили песенку о Ким и ее подзащитных. Она больше напоминала рекламный куплет и была не очень лиричной:

Спасите крыс! Спасите крыс!

Тем не менее песня стала популярной.

Ким ощутила, какая пропасть пролегла между ней и ее подругами. Она бы не беспокоилась, если б они думали, что робокрысы – это хорошая идея, ее расстроило то, что им было все равно. Почему их это не волнует? В такие мгновения ей казалось, будто ее подруги говорят на другом языке, которому она может подражать, но никогда не поймет.

Она перестала говорить о крысах и притворилась, что не слышала песенку, когда шла по коридору. Но все-таки послала письмо в Белый дом.

Приглашение

Однажды в седьмом классе учитель Ким по английскому языку остановил ее в коридоре.

– Тебя приглашают в Оклахома-Сити на отборочный тест[12], – сказал ей учитель. – Это почетно.

Ким растерялась – ей было всего 12. Она смотрела на учителя, ее темно-карие глаза ждали разъяснений. Учитель объяснил, что по результатам стандартного теста она соответствует требованиям Конкурса по поиску талантов университета Дьюка[13] для семиклассников. Баллы не будут приниматься во внимание, просто это будет интересный опыт.

В машине по дороге из школы домой Ким вручила маме свой буклет.

– Я хочу поехать в Оклахома-Сити и участвовать в тесте, – заявила она.

Мать поверх маленьких очков в металлической оправе посмотрела на документ, а потом на дочь. Оклахома-Сити находится в трех часах езды на машине от Саллисо. Но Ким как будто не настаивала.

Шарлотта, мама Ким, преподавала в местной начальной школе. Это была маленькая женщина с короткими кудрявыми волосами, откровенно замедленной оклахомской речью и резким смехом. Она обожала Ким и каждый день возила ее в школу и из школы, так что ей не приходилось ездить на автобусе. Стены их одноэтажного домика она увешала фотографиями Ким, посещающей сенат штата Оклахома, и Ким в форме чирлидера.

Позже ее стало беспокоить поведение дочери. Когда Ким не сидела с книгой у себя в комнате, она часто жаловалась на школу и Саллисо. У Шарлотты было несколько соображений насчет такого поведения. Во-первых, они с мужем давно и часто ссорились, и когда Ким стала взрослеть, она приняла ее сторону, защищая от папы и умоляя ее развестись.

Во-вторых, «промежуточная школа»[14]. В шестом классе Ким пришла домой с первой «С». Она сказала, что боялась попросить о помощи, потому что учительница сердилась, когда дети ее не понимали. Шарлотта пожаловалась директору, но ничего не изменилось. Она убедила Ким все равно просить учителя помочь, и Ким ходила в школу на утомительные дополнительные занятия. К концу года она решила, что у нее просто нет способностей к математике, и поклялась избегать ее по мере возможности.

Шарлотта сочла, что у Ким такой возраст. В конце концов, она почти подросток и имеет право хлопать дверями и подражать Аврил Лавин. Но, как учитель, она знала, что «промежуточная школа» – это своего рода тюрьма для детей, в эти годы американские дети начинают отставать, и когда это становится очевидным, некоторых из них в итоге отчисляют.

Эта Ким – захотевшая ехать три часа, чтобы сдать стандартный тест, – напомнила ей прежнюю, увлекавшуюся Ким. Пока они ехали до дома, Шарлотта про себя подсчитывала, во

сколько обойдется поездка в Оклахома-Сити. Им, наверное, придется заночевать в отеле, чтобы вовремя прийти на экзамен, уж не говоря о бензине и еде. Подъехав к дому, она решила:

– Ладно, поедем, посмотрим, как ты справишься.

Несколько недель спустя в почти пустой средней школе Оклахома-Сити Ким с небольшой группой детей сдавала стандартный тест. Она написала эссе так хорошо, как только могла, накручивая свои длинные темные волосы на указательный палец. Она всегда любила писать, и люди говорили, что у нее это хорошо получается.

Однако, когда она перешла к математическому разделу, в задачах стояли буквы там, где должны быть цифры. Может, это опечатка? Она оглянулась: никто, кажется, не удивился, и она сосредоточилась на арифметических задачах и пыталась решить остальное. За это время Ким скрутила из своих волос целое гнездо. У нее мучительно болела голова, будто мозг поджаривался на медленном огне. Она приняла четыре таблетки аспирина и проспала всю дорогу до дома.

…Месяц спустя Ким с мамой изучали в машине результаты теста.

– Ой, смотри: ты сдала аналитическое чтение лучше, чем 40 % учащихся выпускных классов средних школ Оклахомы при колледжах! – сказала мама.

– Что? – воскликнула Ким, хватая документ. – Этого не может быть!

Ким читала и перечитывала. Как ей удалось сдать лучше любого старшеклассника школы при колледже, не говоря уж о 40 % старшеклассников? Что эти дети делали последние пять лет?

– Я очень разочарована в нашем образовании.

– О, Ким! – сказал ее мама, округлив глаза и заводя машину.

Но по дороге домой у Ким возникла другая реакция. Она впервые где-то победила. Это был не приз чирлидеру, но все же. Она снова просмотрела оценки. Затем отвернулась к окну, чтобы мама не увидела ее улыбки.

Той же весной Ким с родителями поехала в Тулсу на поощрительный ужин для лучших учеников по результатам стандартного теста. На Ким было платье без рукавов с желтыми цветами, которое она купила для концерта своего оркестра. «Секвойя кантри таймс» напечатала короткую статью с фото Ким и ее серебряной медалью. Обычно эта газета печатала статьи о баскетболистах и футболистах Саллисо, местных знаменитостях, и ей казалось странным видеть свое имя, напечатанное тем же шрифтом.

Дома Ким положила медаль в ящик стола. Она нервничала, когда видела ее. А вдруг это последнее, что она выиграла в жизни? Лучше забыть обо всем этом, пока она по-настоящему не сдаст стандартный тест в средней школе.

Но через несколько недель она получила буклет из летнего лагеря университета Дьюка для одаренных детей. Ее оценки за тест привлекли их внимание, эта история все же не закончилась. Ее пригласили учить Шекспира и психологию в Дарем, штат Северная Каролина.

Читая буклет, Ким ощущала растерянность, будто она случайно открыла новую планету. Там заявлялось, что программа будет «интенсивной и сложной», эквивалентной одному году обучения в средней школе всего за три недели. Не может быть! А еще Шекспир и психология!

«Это мой шанс стать нормальным человеком. Мы сможем обсуждать серьезные вещи!» – пронеслось у нее в голове.

Ким всегда была немного застенчива. Может, в этом лагере она сможет быть собой, делать то, что ей захочется, и осмелится задать кому-то свои вопросы?

Но программа стоила денег, и помимо этого Шарлотта не спешила отпускать ребенка из дома на лето. И сказала «нет».

«Они хотя бы пытаются»

Оклахома, как и остальная Америка, уже долгое время пытается улучшить качество школьного образования. С 1969 по 2007 год штат больше чем удвоил затраты на одного ученика. За эти годы Оклахома приняла на работу тысячи новых помощников учителей, повысила ставки учителям и уменьшила количество учеников на одного учителя. К 2011 г. более половины бюджета штата пошло на образование, но большинство оклахомских детей не могли продемонстрировать удовлетворительного знания математики.

Чтобы мотивировать детей и школы, законодатели штата решили создать стимул. В конце 1980-х был издан закон, обязывающий учеников сдавать тест за среднюю школу. Такого рода выпускной тест был обычным для стран, имевших лучшие оценки в мире за тест PISA. Он ставил перед детьми и учителями ясную задачу, и это делало диплом более ценным.

Однако через несколько лет законодатели Оклахомы отложили введение теста. По их словам, это было сделано из сострадания: слишком многие ученики завалят тест. Как это будет выглядеть? Дети четыре года учились в средней школе и не получат диплом? Несправедливо! Родителям это не понравится. И

тест отменили, а детям позволили провалиться чуть позже – в реальной жизни, если они будут недостаточно хорошо знать математику, чтобы сдать зачет, или не получат работу, оплачиваемую выше минимума.

После этого губернатор Оклахомы испробовал более мягкую стратегию. Он подписал исполнительный приказ, требующий от детей пройти ряд тестов на грамотность, начинающихся в 8-м классе. Это означало, что у них было 4 года, чтобы пересдать тест, если они его завалят. Однако сразу после того, как новый указ должен был вступить в силу, законодатели Оклахомы отменили и это требование, опасаясь возможных исков от недовольных родителей.

> Тест отменили, а детям позволили провалиться чуть позже – в реальной жизни, если они будут недостаточно хорошо знать математику, чтобы сдать зачет, или не получат работу, оплачиваемую выше минимума.

История штата воспринимается как замедленная упорная борьба между надеждами и страхами, как будто никто не решался определить, что умеют дети Оклахомы. И это неверие, конечно, просачивалось вниз, к школьникам. «Дети очень хорошо чувствуют, к чему взрослые относятся серьезно и что важно. Если они видят, что это не важно, то не станут упорно трудиться», – отмечалось в докладе Союза учителей 1997 г.

В 2005 г. Оклахома все же попыталась еще раз принять закон, требующий от школьников продемонстрировать владение алгеброй, геометрией, биологией и историей США, чтобы получить аттестат. У штата было 7 лет на то, чтобы постепенно, мягко и гуманно ввести это требование. Дети, не сдавшие тест, могли бы пересдать его до 3 раз в год или же выбрать альтернативные тесты, такие как SAT[15]. Или могли бы выполнять специальные проекты, демонстрирующие их компетентность в любом предмете, который они завалили.

В 2011 г., когда выпускной тест должен был наконец вступить в силу, местная пресса предупредила, что тысячи детей могут не закончить школу. Представитель Ассоциации отделов среднего образования штата Оклахома предсказывал, что результаты будут «неутешительными». Один школьный инспектор сообщил «Tulsa World», что выпускники могут стать «потерянным поколением». И законодатель от Республиканской партии внес законопроект о приостановке введения этого теста еще на два года.

Когда я впервые приехала в родной город Ким, школьный инспектор Саллисо провел меня по кирпичной одноэтажной школе, по ее шлакобетонным коридорам с оранжевыми и

желтыми шкафчиками.

Прежнее здание средней школы было построено рабочими от Управления общественных работ[16] во время Великой депрессии. Эта, открывшаяся в 1987 году, походила на все американские средние школы: казенная, но чистая, с цветными блоками. Гордость школы – баскетбольная площадка. Эмблема школы с черным алмазом, сияющая на деревянном полу, датировалась 1920-ми, когда добыча угля была основной местной отраслью промышленности.

Скотта Фармера только что назначили главным школьным инспектором города впервые за последние 20 лет. У него коротко стриженные темные волосы и мальчишеское лицо. В штате Оклахома было 430 таких инспекторов, каждый на собственной территории. Инспекторов в Оклахоме примерно столько же, сколько членов конгресса во всей стране. Эта традиция сугубо местного контроля, запрограммированная на неэффективность, подсказывала, почему США тратят намного больше других стран на образование.

Зарплата в $100 000 в год делала Фармера одним из самых высокооплачиваемых людей в Саллисо. А еще у него был помощник, не считая 8 управляющих уровня директора и отдела среднего образования. Большая организация для района, в котором всего 4 школы. Но едва ли это было необычно. В сравнении со всем штатом Саллисо был одним из самых эффективных школьных округов[17] Оклахомы.

Когда я попросила Фармера описать самую большую проблему средней школы Саллисо, он говорил в основном о родительском участии, сетуя на низкую явку на родительские собрания.

– Я не думаю, что родители перестали заботиться о детях, – сказал Фармер, качая головой, – но над этим нам нужно работать – напоминать им о важности учебы.

Я часто слышала этот аргумент в школах США, не только в Оклахоме. Общеизвестно, что родители не посещают школу без уважительной причины. Так считали даже другие родители. В опросе о том, как нам лучше всего наладить образование, большинство взрослых американцев упоминали о необходимости большего участия родителей.

Однако на самом деле американские родители появляются в школах чаще, чем 20 лет назад. В 2007 году 9 из 10 родителей посетили хотя бы одно родительское или школьное собрание. Некоторые приходили в школу на дисциплинарные собрания – неприятные встречи с помощниками школьного инспектора и окаменевшими детьми. Как бы там ни было, родители не так

пассивны, как думает большинство из нас.

Так что же объясняло эту разобщенность? Наверное, все зависело от того, как вы понимаете слово «участие». Эрни Мартенс, инспектор средних школ Саллисо в последние 10 лет, не жаловался на родительскую безучастность. Конечно, родительские собрания не так хорошо посещают, как в младших классах, но это нормально, сказал он. Ученики средней школы не нуждаются в таком контроле. Вместо этого около трех четвертей родителей Саллисо участвуют в жизни детей иначе, как правило, в клубе футбольных и баскетбольных фанатов или в отделении организации «Будущие фермеры Америки»[18]. Только примерно один из четырех его родителей был тем, что называется «пассивный».

Главная проблема, считает Мартенс, вовсе не родительская безучастность, а слишком высокие ожидания. Политики и так называемые реформаторы слишком многого ожидали от школьников.

– У нас много детей из неблагополучных семей, – сказал инспектор. – Мы – единственная нормальная вещь, которая есть в их жизни.

Хорошо рассуждать о высоких ожиданиях в политических спичах, но он жил в реальном мире, в той части страны, где некоторые родители читают книги своим детям, а некоторые не читают. В его мире некоторые матери считали, что пакет картофельных чипсов – это завтрак, а некоторые отцы прятали метамфетамин в барбекю на заднем дворе.

В Саллисо чуть ли не один из четырех учеников не может закончить среднюю школу за четыре года. Мартенс и Фармер называли разные причины, но оба они двигались в одном направлении. Ни один не считал само образование первостепенной проблемой или лучшим решением. И оба указывали на внешние силы: нерадивых родителей, социальные изъяны или неадекватные ожидания государства. То же самое повторяли работники образования всех штатов. И в чем бы ни заключалась эта проблема, в основном она была им неподконтрольна.

Конечно, они были правы. Длинный список отрицательных факторов находился за пределами их досягаемости, от того, сколько дети спят, до того, сколько они смотрят телевизор. Стресс, которому подвергались дети во многих семьях, истощал их тело и ум, нанося такой вред, какой не могла нанести ни одна школа.

Единственной проблемой в этой истории было то, что это сформировало привычку. Когда вы начинаете искать источник

своих проблем вне сферы ваших полномочий, им трудно положить конец.

Например, в Саллисо было много хороших учеников, а не только одиноких и бросивших школу. В средней школе Саллисо случались и счастливые истории, как и в каждом городе. Около половины выпускников из Саллисо поступали в государственные колледжи и университеты Оклахомы. Другие – в колледжи других штатов или находили работу.

А что было с этими хорошими учениками после их отъезда? Колледжи проверяли их основные умения и навыки и находили их недостаточными. Более половины этих студентов быстро переводили в корректирующие классы оклахомских государственных колледжей. Это значило, что некоторые из лучших учеников Саллисо платили хорошие деньги за колледж, часто в виде студенческих займов, но не получали зачета в колледже.

> Стресс, которому подвергались дети во многих семьях, истощал их тело и ум. нанося такой вред, какой не могла нанести ни одна школа.

Этим юношам и девушкам всю жизнь говорили, что нужно получить аттестат о среднем образовании и поступить в колледж, они об этом мечтали. Но когда они туда поступали, то увязали в неопределенности, пересдавая алгебру или английский, будто не окончили среднюю школу. Было нетрудно понять, почему, когда их задолженности росли, многие бросали учебу. Один из двух студентов Оклахомского университета не мог его окончить в течение 6 лет.

Я спросила инспектора Мартенса о выпускниках Саллисо, которые пересдавали математику или английский.

– Это меня не беспокоит, – сказал он, – потому что они хотя бы пытаются ее сдать.

Главной целью было попасть в колледж. А хорошо ли учились там его выпускники, от него не зависело или так только казалось.

То, что эти дети провели в его школе 4 года, готовясь к поступлению в колледж, и что он выдал им аттестат, означавший, что они к этому готовы, было не важно.

«Так делают богатые. А мы нет»

Было 4 июля – День независимости, прошел год с тех пор, как Ким сдала SAT, и они с мамой поехали навестить старших сводных сестер Ким в Техас. Было слишком жарко, чтобы

заниматься чем-то серьезным, и они держались около кондиционера – играли в «Скраббл» и гладили собак. Когда мама вышла покурить, Ким сказала сестре Кейт, что хочет уехать из Саллисо.

– Я хочу жить там, где люди чем-то интересуются.

Кейт слушала и кивала. Она была деятельной. Кейт работала в торговле, а в выходные любила прыгать с парашютом и исследовать пещеры. По ее мнению, если Ким хотела уехать, то она должна была мыслить масштабно.

– А почему бы тебе не поехать учиться по обмену?

– То есть в другую страну? – Ким представила себе ребенка с развевающимися волосами, с рюкзаком и в кожаных шлепанцах, путешествующего по Европе.

– А почему бы нет?

Ким засмеялась.

– Так делают богатые. А мы нет.

Так было, пока Ким не вернулась домой и снова не задумалась об этом. Если Кейт считает, что она может ехать в другую страну, может, это не такая уж дикая мысль. Она поискала в Интернете программы по обмену и час нажимала наугад на разные страны, представляя себя там.

Она узнала, что одна-две тысячи американских школьников каждый год уезжают за границу. Она нашла AFS[19] – одну из крупнейших программ по обмену, прочтя сетевой дневник одной американской девочки, живущей в Швеции. Ким понравилась история AFS. Она начинала как Американская полевая служба – колонна санитарного корпуса, созданная американскими добровольцами, чтобы помогать переправлять раненых солдат в безопасные места во время мировых войн. После освобождения узников концлагерей в конце Второй мировой войны водители санитарных машин устали от этой кровавой бойни. Они решили изменить эту службу, посвятив ее созданию доверительных отношений между странами посредством культурного обмена.

Чем больше Ким читала, тем менее странной казалась ей эта идея. Она решила поговорить об этом с мамой. Но в этот раз использовала новую стратегию.

– Я подаю заявление на участие в программе обмена школьниками, – сказала она однажды вечером твердым и решительным голосом. – Я хочу год пожить в Египте.

Шарлотта подняла глаза от чашки чая.

– О, это интересно, – сказал она, стараясь вести себя так, будто это не безумная идея. Ким никогда не покидала свою страну, и она тоже.

Естественно было бы сказать «нет», как это было, когда Ким

просилась в шекспировский лагерь. Но в этот раз она использовала новую стратегию.

Шарлотта и отец Ким давно развелись. Прошло уже много времени, и Ким сказала, что она успокоилась после их разрыва. Однако Шарлотта старалась бережно обращаться с дочерью. И если Ким хотела взбунтоваться, решив уехать так далеко, она не станет ее останавливать, она ее измотает.

– В Египте может быть небезопасно, – сказала Шарлотта своим самым рассудительным тоном. – Почему бы тебе не выбрать другую страну и не написать мне небольшое сообщение о том, почему ты хочешь туда ехать?

– Хорошо, – ответила Ким с вымученной улыбкой. Потом поднялась и пошла в гостиную, где стоял компьютер.

Шарлотта ощутила укол тревоги. Что она наделала!

– Да, Ким, – крикнула она ей вслед, – только не в пустыню!

За компьютером Ким рассматривала оставшиеся варианты. Она не хотела ехать во Францию или Италию. Она хотела быть оригинальной и стала читать о неизвестных ей местах: о таинственных странах с языками, которых она никогда не слышала, и блюдами, которых не пробовала.

Однажды она прочитала о Финляндии – заснеженной стране с белыми ночами и крепким кофе. Она прочла, что финны любят «тяжелый металл» и отличаются суховатым юмором. В этой стране ежегодно проводился «Чемпионат мира по игре на воображаемой гитаре». Это звучало многообещающе – страна, не относящаяся к себе слишком серьезно.

Потом она прочла, что в Финляндии самые умные дети в мире. Неужели? Финские подростки делали меньше домашних заданий, чем американские, но получали больше всех в мире баллов в международных тестах, что было странным, так как сравнительно недавно Финляндия была преимущественно нацией необразованных фермеров и лесорубов.

Все это было непонятно. Конечно, Финляндия – маленькая страна белых людей, но даже самые маленькие и белые штаты Америки не могли соперничать с финнами в области образования. Даже крошечный Нью-Хэмпшир, в котором 96 % белых, самый высокий средний доход в стране и один из самых низких показателей детской бедности. Почему Нью-Хэмпшир не добился того, что сделала Финляндия? Очевидно, каждый ребенок в Финляндии получал достойное образование независимо от того, сколько зарабатывали его родители. Это казалось Ким совершенно другим миром.

Ким нашла «свою» страну. Если Финляндия – самая умная страна мира, то она хочет туда. Она написала сообщение для

матери, как они договаривались. Ким сделала упор на ситуацию в образовании, в конце концов, ее мать была учительницей, и этот аргумент ей будет трудно опровергнуть. Она добавила благоприятные отзывы о жителях страны (их чуть более 5 млн), религии (в основном лютеранской) и еде (рыба, ржаной хлеб и много ягод с таинственными названиями, наподобие княженики и брусники).

В один осенний день она вручила маме свое сообщение о Финляндии. Шарлотта взяла его и пообещала прочесть. Потом они поехали в среднюю школу Саллисо, куда поступила Ким. Мама высадила ее у флагштока и смотрела, как Ким медленно входит в оранжевое кирпичное здание.

> Финляндия – маленькая страна белых людей, но даже самые маленькие и белые штаты Америки не могли соперничать с финнами в области образования.

Как во многих местах США, учебная программа в Оклахоме была нестрогой по международным стандартам. Программа штата по естествознанию считалась одной из самых легких в стране, особенно на уровне средней школы. К примеру, в этом документе объемом в 31 страницу вообще не упоминалось понятие эволюции. В том году Ким изучала биологию, и в тот день один урок она потратила на переписывание в тетрадь терминов и определений. Она не знала точно, зачем, может, переписывание информации с одного листа на другой поможет ей что-то запомнить, а может, и нет. В любом случае время тянулось медленно.

Любимым предметом Ким был английский, к которому в Оклахоме и большинстве штатов относятся более серьезно. Она читала «Вторники с Морри»[20], и книга ей нравилась. Лучшими были дни, когда учительница ставила парты в круг и все обсуждали эту книгу.

Самым ужасным предметом была математика. После мучений в 6-м классе Ким решила, что математика не для нее, ей хотелось лишь выполнить требования, необходимые для окончания школы.

Когда в тот день Ким входила в кабинет алгебры, учитель разговаривал с футболистами из ее класса. Им было о чем поговорить, так как он тоже был тренером по футболу и бывшей звездой футбола в этой же школе. Он был хорошим парнем, но, как почти все в Саллисо, кажется, интересовался футболом больше Ким.

Она смотрела из окна на американский флаг, развевающийся на ветру, и размышляла, какими будут ее финские учителя. Она прочла, что в Финляндии быть учителем так же престижно, как

здесь врачом. Это трудно было представить. Хотелось бы ей, чтобы к ее матери относились так же, как к врачу, в той школе, где она работала.

Она знала, что финны не играют в американский футбол, может, вместо этого они увлекаются хоккеем на льду? Интересно, они проводят столько же учебного времени на ESPN.com[21]?

В тот день, когда за ней заехала мама, Ким проскользнула на пассажирское сиденье «Хендай Соната» и попыталась удержаться от вопроса, прочла ли та ее сообщение о Финляндии.

– Как прошел день? – спросила Шарлотта.

– Было до ужаса скучно, – ответила Ким, глядя прямо перед собой.

Шарлотта не среагировала. Она прочла сообщение и приготовила для Ким ультиматум.

– Если ты заполнишь все документы и соберешь нужную сумму, то можешь ехать в Финляндию.

Ким повернулась к ней.

– Это стоит $10 000.

– Я знаю.

Безумные мечты

Ким разместила фотографии своей флейты на сайте eBay и поставила цену $85. Это было заполночь в начале октября 2009 года, когда ее мама уже давно легла спать. Она когда-то делала так со своими старыми платьями из «промежуточной школы» и не нашла покупателей. Унизительное поражение. На этот раз она старалась не обольщаться. Некоторое время она спокойно смотрела на экран, а потом заставила себя лечь спать.

Через два дня Ким вошла на eBay. Ее глаза расширились. Со всего мира шли предложения, включая самое выгодное из Арабских Эмиратов – $100. Ее флейта многим была нужна. Она закричала и вскочила со стула, затанцевав на ковре. Потом стала искать коробку. Ей и правда не терпелось от нее избавиться.

Той осенью Ким все свободное время зарабатывала деньги на Финляндию. Рациональная часть ее мозга думала, что она никогда не соберет $10 000, но все остальное ее существо отчаянно хотело попытаться. Она купила в сети ящик вяленого мяса и продала его с доставкой на дом. Общая прибыль: 400$. Неплохо.

Она всю ночь пекла сладости с воздушным рисом и продавала их со стола у бакалейного магазина «Марвинс». Прибыль: 100$. При таких условиях ей нужно было торговать сладостями каждые три дня, чтобы поехать в Финляндию.

Ким воспользовалась Интернетом – как известно, там лучше всего искать легкие деньги в Америке XXI века. Она создала блог, прося людей спонсировать ее поездку: «Я понимаю, что в экономике сейчас спад, но я с удовольствием приму даже небольшую сумму, – написала она. – Надеюсь, вы сможете расстаться с несколькими долларами для одной девочки, у которой есть безумная мечта». Чтобы показать людям, где находится Саллисо, она поместила карту с коридором I-40.

К ее удивлению, стали поступать небольшие пожертвования. Все они были от родственников, которые, видимо, просто жалели ее, но она приняла эти деньги.

Ким все же не решалась сказать о Финляндии своему дедушке, будучи уверенной, что он сочтет это еще одним ее хипповым планом наподобие того, как она три месяца была тайной вегетарианкой. Как она скажет ему, что хочет на год уехать в Европу? В Европу! Он и так все время называл президента Обаму «президентом Ким».

Ким и ее дед были очень близки. Он был начальником буровых работ нефтяной компании. Они проводили много времени вместе, хотя и мало разговаривали. Он был традиционалистом, не имевшим никакого желания покидать Оклахому. Она боялась, что он не поймет, зачем ей ехать в Финляндию.

Тем временем экономика Оклахомы разваливалась. Фабрика по производству дверей и окон «Therma-Tru», ссылаясь на спад на рынке жилья, объявила, что планирует закрыть соседнее предприятие, а вместе с ним и 220 рабочих мест. Скаковой круг для лошадиных бегов «Blue Ribbon Downs», один из крупнейших центров развлечений в Саллисо, тоже закрылся. Уровень безработицы составлял 10 %. За короткое время окружная тюрьма израсходовала все средства.

Даже в хорошие новости подмешивалась тревога: «Bama Companies» – оклахомский поставщик яблочных пирогов «McDonald's», расширялась. Компания уже имела четыре производства в штате. В тот год она открыла еще одну новую фабрику – в китайском Гуанчжоу.

Для Ким эти новости были как дымовые сигналы, предупреждающие ее, что нужно бежать отсюда, пока не поздно. Она подала заявление в Американскую полевую службу и сдала анализы на туберкулез. Начала самостоятельно учить финский язык и смотреть видео финских музыкантов на «YouTube», и на нее произвело впечатление, что в любом языке существует шесть синонимов слова «розовый». Она купила рака-отшельника и назвала его Тарья – так же, как зовут первого финского

президента-женщину.

Деньги были не единственной ее проблемой. Американская полевая служба не могла найти никого в ее районе, чтобы взять интервью у нее дома, – очевидно, она жила слишком далеко от цивилизации. Ее мама была готова отвезти ее в Талсу, но Американская полевая служба настаивала на том, что интервьюер должен приехать к ней домой и побеседовать с Ким в ее собственной комнате. Она ждала и волновалась.

Чтобы отвлечься, она публиковала сообщения в блоге, пытаясь объяснить миру себя. Иногда ей это удавалось, она находила верный тон – исповедальный, искренний. «В общем, я само противоречие. Может, внешне я кажусь саркастичной и холодной, но на самом деле я чувствительна», – писала она. «Я переживаю, когда убивают паука… Но считаю, что белки – это чистое зло (они на меня дважды нападали и дважды кусали, было три таких случая)».

В ноябре она собрала все свое мужество и села рядом с бабушкой и дедушкой, чтобы рассказать о своих планах, но бабушка прервала ее: «Ты имеешь в виду поездку в Финляндию?» Ким была в шоке. Оказывается, они давно все знали. Бабушка Ким заходила на «Фейсбук» и ежедневно все читала. Ежедневно! К облегчению Ким, они не возражали. Дед спросил Ким, знает ли она столицу Финляндии. Хельсинки. Он больше ничего не рассказывал, а Ким не спрашивала. Она тогда вспомнила, что в молодости он ездил на нефтяные скважины в семи странах. Он наверняка знал, что мир большой и его стоит посмотреть.

Сразу после Дня благодарения Ким получила грант в $3000. Она не знала, где взять остальные деньги, но заметила, что бабушка и дедушка стали говорить о том, «когда» она поедет в Финляндию, а не «если».

В декабре они с мамой поехали в «Уол-март» сделать фото на паспорт. Она боялась сглазить, но ей не терпелось начать жить собственной жизнью. Потом ей снова повезло, она выиграла грант в $2000, предназначавшийся для кого-то из Арканзаса. И руководители Американской полевой службы решили, что Саллисо находится не так уж далеко.

Наконец Американская полевая служба нашла кого-то для проведения собеседования. Прошло три месяца. Этой женщине пришлось ехать в Саллисо издалека. Ким и ее мама убрали в ванной, расставили ароматизированные свечи и нервничали в ожидании. Когда интервьюер приехала, Ким заметила, что ее мысли путаются. Она услышала саму себя, как она критикует родной город, и поняла, что сделала ошибку. Женщина, казалось, встревожилась.

– Вы как будто хотите бежать.

Ким старалась ее переубедить: да, может, она и хочет уехать, но она также хочет посмотреть мир, узнать, как живут люди в других странах. И попробовать там пожить.

Скоро пришло письмо. Ким выдержала собеседование и официально стала школьницей по обмену.

Наконец, всего за два месяца до отъезда, Ким получила последнее пожертвование – от бабушки и дедушки. Она пыталась отказаться, но бабушка выписала ей чек и ушла.

Теперь у Ким было $10 000.

Так постепенно будущее становилось осязаемым…

Ким сидела в дедушкином кресле, когда зазвонил телефон. Она узнала код страны, схватила трубку и выбежала из дома, чтобы был лучше сигнал.

– Алло!

– Здравствуйте, это Сюзанна из Финляндии! – донесся издалека голос ее принимающей мамы. Она отлично говорила по-английски, только с небольшим твердым скандинавским акцентом. – Мы очень тебя ждем!

Босая Ким ходила кругами по горячей каменной дорожке. Сюзанна сказала ей, что она журналист и мать-одиночка двух девочек-близнецов пяти лет. Они живут в Пиетарсаари, маленьком городке на западной границе Финляндии. Ким предстоит переехать из одного провинциального города в другой, от одной матери-одиночки к другой. Сюзанна сказала, что нужно взять самые теплые вещи.

Глава 3
Соковыжималка

Все это казалось невероятным, пока он не увидел надпись синими буквами на темно-розовом фоне – он заметил ее сквозь раздвижные стеклянные двери, когда катил свою багажную тележку к залу прибытия международного аэропорта Gimhae в Бусане.

«Эрик, добро пожаловать в Корею!» – гласила надпись, сделанная энергичным округлым шрифтом, каким официантки пишут «Спасибо!» внизу своих чеков. А мальчик с плакатом, стоявший рядом с матерью и отцом, должно быть, его принимающий брат. Рядом с омма и аппа. А может, аппа и омма.

Он сбавил шаг, его маленькое тело окончательно принимало последствия этого решения. Он провел все 11 лет своей жизни в Миннетонке, штат Миннесота, белом богатом пригороде Миннеаполиса. Теперь все это закончилось. Следующий год он решил прожить в Южной Корее, в Бусане, с совершенно незнакомыми людьми. Он запустил пальцы в густые темные волосы на лбу, которые мгновенно начинали кудрявиться – в тот самый момент, как он вышел из самолета, его будто шерстяным одеялом окутала сырость. Стеклянные двери открывались, закрывались и снова открывались. Он сделал глубокий вдох и выкатил свою тележку в дверь.

До того как покинуть США, Эрик в некотором смысле жил в другой стране, чем Ким из Оклахомы. Миннесота был одним из очень немногих штатов, числившихся среди лучших 20 стран мира по результатам образования. Миннесота не поднялся на высшую ступень вместе с Финляндией и Кореей, но по математике подростки штата успевали почти так же, как и подростки Австралии и Германии.

Эрик посещал даже по этим стандартам особенно сильную среднюю школу. «Newsweek» регулярно называл среднюю школу Миннетонки среди лучших школ Америки. В ней четыре спортзала и хоккейная площадка, и она больше напоминала маленький колледж, чем среднюю школу.

Эрик решил присоединиться к программе Международного бакалавриата – интенсивного школьного курса, соответствующего международным стандартам. Несколько его учителей были хорошо известны в Миннетонке. Учительница истории мисс Дункан проводила ежегодный суд над Наполеоном. Ее ученики представляли стороны защиты и обвинения, изучали

доказательства и затем в исторических костюмах представляли дело судейской коллегии, состоящей из выпускников. В любом случае Эрик фактически ехал из одного из умнейших штатов Америки в одну из умнейших стран мира.

Эрик уже отрепетировал, как будет себя вести, когда встретится с принимающей семьей. Следуя корейским правилам этикета, он низко поклонился им в знак благодарности и уважения. А еще широко улыбнулся, как правильный мальчик со Среднего Запада. Вся корейская семья поклонилась в ответ – не очень низко, но было ясно, что им приятны его старания.

После этого Эрик застыл. Он не обдумал заранее, что делать после поклона. Стоит ли их обнять? Нет, это слишком. Может, пожать им руки? Это чересчур официально. Вместо этого он попытался представиться корейцам. И это было ошибкой: его губы не слушались. Изо рта вылетали скрипящие звуки, напоминавшие судорожные крики попугая. «Розетта Стоун» мало ему помогла[22].

– Ничего, – улыбаясь, прервала его корейская мать, – мы научим тебя говорить.

А корейский брат обнял его и стал болтать, торопясь опробовать свой неровный английский на настоящем американце по пути к закрытой автостоянке. Эрик затолкнул тяжелые чемоданы в багажник хэтчбека «Дэу», и они отправились в его новый дом.

Эрик фактически ехал из одного из умнейших штатов Америки в одну из умнейших стран мира.

Сначала машина мчалась по длинному тоннелю, который все тянулся и тянулся, скрывая новый для Эрика город. А потом «Дэу» вдруг вырвалась на открытое пространство. Он оглянулся через заднее окно и увидел крутую, покрытую буйной растительностью гору. Они проехали сквозь гору и теперь оказались в центре Бусана – оживленного города с населением, примерно в 10 раз превышающим население Миннеаполиса.

Эрику показалось, что в Бусане (произносится «Пусане»), в этом калейдоскопе коммерции и цвета, дома поставлены один на другой. Он тянул шею, выглядывая в окно, и увидел нечто вроде аптеки, построенной над полицейским участком, возвышающимся над «Данкин доунатс»[23]: их зеленые, желтые и розовые светящиеся знаки нависали над улицей. Краны перерезали горизонт, как ветряные мельницы, обозначая стройки высоток.

– Потрясающе! – воскликнул Эрик на английском, когда машина въехала на Алмазный мост – висячий мост над морем длиной в 80 футбольных полей; принимающая мать улыбнулась

ему с переднего сиденья.

С одной стороны моста до горизонта простирался спокойный и гладкий Тихий океан. К тому времени стало темно, и белые блики прожекторов расплескались по водному простору, а с другой стороны моста Эрику был виден весь город, будто на полиэкранном телевизоре. Освещенные неоновым светом небоскребы выстроились, как костяшки домино, вдоль края воды, словно боги уронили растущий мегаполис прямо на берег.

Принимающая семья жила на седьмом этаже роскошного комплекса небоскребов под названием «Lotte Castle». У Эрика была своя ванная комната – редкое удобство в перенаселенных городах Кореи.

Однажды утром вскоре после приезда он и его принимающая мама пришли на остановку автобуса № 80. К тому моменту Эрик оправился от смены часовых поясов и очень хотел побывать в Намсане – корейской средней школе, в которую будет ходить в следующем году. Он читал, что корейские школьники, как и финские, лучше других сдавали международные тесты. Еще он знал, что у выпускников корейских школ одни из самых высоких в мире баллов, гораздо выше, чем в США, несмотря на низкий уровень жизни.

Садясь в автобус, он волновался, но сохранял отстраненность, как антрополог во время исследования. Эрик уже окончил среднюю школу в Миннесоте и не беспокоился о выпускных экзаменах или сдаче зачета. В Корею он приехал отдохнуть, как ему казалось.

За последние несколько лет в его жизни произошло много событий. Он очень много занимался, чтобы идти в ногу с курсом Международного бакалавриата. А еще в 16 лет он открылся своим родным. Родители его поддерживали, и теперь он мог спокойно говорить о своей сексуальности. В Корее он не собирался говорить всем, что он гей, – это очень консервативная страна, но и не хотел никого обманывать. Он надеялся, что, как человек посторонний, будет свободен от наиболее жестких культурных ограничений. Эрик приехал сюда для того, чтобы получить некий опыт, и был открыт всему, что он здесь встретит. На следующий год он пойдет учиться в колледж, и трудно было сказать, когда ему снова выпадет такое приключение.

Автобус остановился на вершине длинного склона, у хрупкой металлической арки. Эрик и его принимающая мать вышли и пошли через поле, где школьники играли в футбол, поднимая облака пыли во влажном утреннем воздухе. За полем на склоне виднелось здание школы Намсан – массивное четырехэтажное строение из красного кирпича, бесконечно длинное, образующее

угол, словно чтобы уместиться между соседними высотками.

Вдоль каждого его этажа шел единственный коридор. Здание казалось очень тесным и вытянутым вверх в сравнении со школой Эрика на родине. Школа была не грязной, но явно видала виды: стены обшарпаны, а белые доски пола истерты. Занавески подхвачены кое-как – чтобы впустить немного свежего воздуха, а не для красоты. В этой школе функциональность явно ценилась выше внешнего вида.

Эрик и его принимающая мать встретились со школьницей по обмену из Канады, которая тоже только что приехала. В коридоре было тихо, и через открытые двери Эрик видел учеников, сидящих за партами.

Вдруг раздался дикий крик или визг, какой он слышал когда-то на видеозаписи из программы новостей, на которой группа «Битлз» появляется в шоу Эдда Салливана. Этот высокий несмолкающий звук запустил цепную реакцию, школьники высыпали в коридор, чтобы разузнать, что происходит.

К нему подошла группа девочек, все так же визжа, и тут Эрик понял, что вся эта истерия возникла из-за него.

– Привет! – крикнул один мальчик по-английски с сильным акцентом.

– Здравствуй, – улыбнулся Эрик, и его брови поднялись. Он не знал, следует ему считать себя польщенным или нужно испугаться.

Мальчик протянул ему руку, и он осторожно ее пожал.

– Мы рок-звезды, – шепнул он девочке-канадке.

Взрослые проводили их к директору. У него они пробыли недолго; для школьников-иностранцев занятия начнутся на следующей неделе. И вскоре они с канадкой отправились восвояси. Спускаясь с крыльца и проходя по полю, они услышали позади крики. Эрик оглянулся и увидел, что из окон выглянули дети, улыбаясь и махая им руками. Эрик улыбнулся и махнул рукой в ответ. Как бы странно это ни выглядело, было приятно, что их так тепло встретили.

Подходя к остановке, Эрик еще раз оглянулся. Дети все еще смотрели им вслед, высовываясь из окон и свесив руки – как будто хотели оказаться как можно дальше от школы.

Он глядел на них, и теплое чувство постепенно исчезало. А на его месте возникало какое-то дурное предчувствие.

«Ты в кого-нибудь стрелял?»

Он надеялся, что форма поможет ему не выделяться. Было раннее утро его первого учебного дня, и Эрик надевал темно-синие брюки и рубашку с белым воротничком, обязательные для всех учеников школы Намсан. Его консультант по обмену из клуба «Ротари» достала для него форму. И еще сообщила, что его определят в класс с детьми на два года младше него. Старшие дети, сказала она, слишком заняты, чтобы с ним разговаривать. Им нужно готовиться к вступительному экзамену в колледж. Это такой важный экзамен, такой всепоглощающий, что учиться с ними – как находиться в одиночном заключении. Эрик кивал, как будто понимает: в Миннетонке стандартизованный тест тоже считался важным.

Когда Эрик шел на социологию, свой первый урок, он старался сделаться как можно меньше, чтобы вокруг него было меньше шуму. В классе он разулся и поставил туфли в угол, сменив их на шлепанцы, как и другие ученики. Он заметил, что многие дети носят цветные носки с какими-то непонятными ему надписями или мультипликационным Бэтмэном. В школе запрещалось краситься, носить серьги, длинные волосы и красить их, так что носки были главной отдушиной для самовыражения.

Эрик нашел впереди свободный стул и ждал начала урока. Оглядевшись, он заметил, что классная комната очень похожа на класс в Миннесоте, каким он был 30 лет назад. В нем стояли ряды парт из дерева и металла и висела поблекшая классная доска.

В его школе в Миннетонке в каждом классе была интерактивная электронная белая доска за пару тысяч долларов, а у учителей были беспроводные пульты, которые они давали ученикам для проведения текущего опроса. Однако одержимость корейцев цифровыми игрушками как будто не распространялась на этот класс.

Ученики входили в класс и скапливались вокруг парты Эрика. Класс, по его представлениям, был большой – из более чем 30 учеников, – но типичный для Кореи.

– Ты когда-нибудь ездил верхом?

– Ты встречался с Брэдом Питтом?

– У вас есть своя ферма?

– Ты в кого-нибудь стрелял?

Эрик вспомнил, что корейцев называют азиатскими итальянцами – они более эмоциональны и словоохотливы, чем японцы и китайцы. Теперь, когда крики ослабли, он находил, что любопытство детей очаровательно. К тому же он всегда любил

поболтать.

– Да, я ездил верхом, – сказал он. – Я не встречался со знаменитостями. У нас нет своей фермы, и я никогда ни в кого не стрелял.

В класс вошла учительница. Она была высокой в сравнении с большинством корейских женщин и в очках. В одной руке она держала маленький микрофон, а в другой палочку с чучелом лягушки на конце, напоминавшую палку для чесания спины, которую можно увидеть в магазине подарков в любом торговом центре. Эрик замолчал и сел прямо, размышляя, зачем ей лягушка.

Как ни странно, никто на нее не реагировал. Дети продолжали болтать между собой, а учительница стояла и ждала. Это было больно видеть. Наконец учительница хлопнула палочкой о стол, чтобы привлечь их внимание, и ученики постепенно расселись по местам. Когда она объясняла, несколько человек на задних партах разговаривали. Эрик был удивлен. В Штатах он видел и худшее поведение, но по какой-то причине ожидал, что корейские дети будут более почтительными.

Несколько минут спустя он оглянулся. Потом оглянулся еще раз, округлив глаза. Треть класса спала. Не клевала носом, а открыто, бессовестно спала, положив головы на парты. А одна девочка подложила под голову специальную подушку, надетую на предплечье. Это был запланированный сон.

Как же так? Эрик прочел все о трудолюбивых корейцах, которые побили американцев в математике, чтении и естествознании. Но он ничего не читал о бессовестном сне на уроке. Словно чтобы загладить вину своих одноклассников, он сел еще прямее и ждал, что будет дальше.

Учительница невозмутимо продолжала урок.

В конце урока дети проснулись. Предстоял 10-минутный перерыв, и каждая секунда была на счету. Девочки уселись на парты или перевернутые мусорные корзины, болтая друг с другом и набирая эсэмэски. Несколько мальчиков стали барабанить по партам карандашами. В этом кабинете они чувствовали себя удивительно свободно, как в собственной комнате.

Следующим был урок естествознания. И снова как минимум трое детей из класса уснули. Это было нелепо. Как корейские дети получают рекордные баллы за тесты, если столько спят на уроках?

Скоро он узнал, зачем учителю чесалка для спины. Это был корейский вариант будильника. Некоторые учителя слегка постукивали ею детей по головам, если те засыпали или разговаривали на уроке. Дети называли ее «добрая палочка».

В обед Эрик пошел за другими школьниками в кафетерий и делал то же, что и они, набирая тарелки с кимчи – острой квашеной капустой, которая в Корее всегда на столе, а также прозрачной лапшой и чем-то вроде тушеных овощей с мясом. Он заметил канадку и с облегчением сел рядом с ней. Приятно было поесть настоящей свежеприготовленной еды, а не разогретой, как в Миннетонке.

В какой-то момент, сидя в этом теплом кафетерии и накручивая лапшу на палочки, Эрик почувствовал, что принял верное решение поехать в Корею. Дети, с которыми он окончил среднюю школу, как раз начинали учиться в колледже. Они покупали себе сверхдлинные простыни в «Bed Bath & Beyond» и знакомились с соседями по общежитию, ходили на семинары для первокурсников и студенческие вечеринки. Эрик обдуманно сошел с этой проторенной дорожки. Он 13 лет учился в школе и большую часть этого времени вежливо скучал. Как многие дети во всем мире, он часто смотрел на часы, рисовал на полях и думал: неужели так будет всегда?

Последние два года программа Международного бакалавриата потребовала от него полной самоотдачи. И напомнила, что значит учиться по-настоящему – думать и открывать что-то ради самого этого открытия, а не потому, что он должен это делать.

А после того как его приняли в университет Де Пола в Чикаго[24], он поставил галочку против пункта «отсрочка». Эрик хотел пожить в Азии – открыть совершенно иной мир, о котором вообще ничего не знал, и повариться в этой неизвестности. А потом вернуться, отремонтировать комнату в общежитии и начать новую, студенческую жизнь.

Корейские дети проглатывали еду и выбегали наружу, чтобы насладиться оставшимся свободным временем. Некоторые мальчики играли в футбол, а несколько девочек сели на ступени и склонились над своими мобильными, подключившись к CyWorld – это что-то вроде Facebook, только с бóльшим количеством элементов управления. Эрик одним из последних доел обед и покинул кафетерий.

На перемене Эрик спросил одного из учеников о тесте, о котором постоянно слышал, – его ученики старших классов Кореи сдают перед выпуском.

– Это что-то вроде отборочного теста SAT в Америке, – сказал мальчик. – Разница только в том, что результат определяет всю будущую жизнь. Если у тебя высокий балл, то у тебя хорошее будущее, низкий – ну, сам понимаешь.

Самый высокий балл гарантировал поступление в один из

трех наиболее престижных корейских университетов, а после него тебе обеспечена хорошая работа, красивый дом и безбедная жизнь. Все будут тебя уважать. Ты избран Богом, как полушутя говорил другой школьник.

Но была одна проблема: только 2 % выпускников попадало в лучшие вузы. Одноклассники Эрика говорили об этом тесте с ужасом. Они проведут два года жизни за учебой, мыслями о будущем и молитвами об успешной сдаче теста. Ни один из них не жаждал его сдавать.

Как корейские дети получают рекордные баллы за тесты, если столько спят на уроках?

В Миннесоте есть собственный выпускной тест. Эрик сдал математику в 11-м классе, но тест был таким простым, что детей, получивших меньше баллов, чем нужно, автоматически зачисляли в специальный класс, и им приходилось пересдавать тест до тех пор, пока не сдадут. Корейский же тест трудный, его сдают раз в году. Пересдать его можно, но этого приходится ждать целый год.

На следующем уроке учитель написал баллы каждого ученика за тест на доске, используя идентификационные номера, а не имена. Но все дети знали номера друг друга. Впервые в жизни Эрик видел, как его одноклассников публично оценивают. Одна девочка обхватила голову руками, другая покачала головой.

Большая часть результатов школьных тестов строилась в виде графика, и только 4 % детей могли получить высший балл. Это была бесконечная иерархия, вплоть до «девятки» – наихудшей отметки, которую получают 4 % самых слабых учеников класса.

Все в классе Эрика знали баллы остальных не только за этот тест, но и за другие. Лучшие 28 детей этого выпуска были героями класса, а также страдальцами. Поскольку им было что терять, они работали больше всех.

В 14.10 Эрик ушел из школы. Так как он был школьником по обмену, его освободили от полной нагрузки. Он спросил, что будет после того, как он уйдет домой.

– Будем заниматься.

– До которого часа?

– Уроки кончаются в 16.10, – услышал он в ответ. – Потом мы убираем школу, моем полы, вытираем доски и т. п. Наказанные за плохое поведение или длинные волосы надевают красные фартуки и моют туалеты. И ни для кого исключений не делается. В полпятого мы опять готовимся к тесту. А потом ужинаем в школьном кафетерии. После обеда у нас яджа – двухчасовые занятия под надзором учителя. Мы просматриваем свои записи за

день или онлайн – подготовительные лекции к тесту. Около 9 вечера мы расходимся и… едем в частные академии внешкольного образования – хагвоны. Здесь мы учимся по-настоящему. И только после этого мы едем домой спать. И снова в школу к 8 утра.

Эрик слушал эту эпопею с растущим чувством ужаса. Как подростки могут не заниматься ничем – буквально ничем, – кроме учебы? Тут он понял, что наблюдал сегодня в классе. Дети вели себя так, будто они живут в этой аудитории, потому что, по существу, так и было. Они каждый день проводили здесь больше 12 часов и уже ходили в школу почти на два месяца дольше, чем дети в Миннесоте. Его одноклассники спали в своих классах по одной простой причине: потому что были измучены.

Неожиданно Эрику ужасно захотелось уйти пораньше.

В 2.15 они с канадкой уже шли от школы через поле – на 7 часов раньше, чем смогут уйти их одноклассники. Пока корейские дети учились, школьники, приехавшие по обмену, пошли в магазин. Эрик увидел там мороженое в форме рыбы с фасолевой пастой. Он его купил, надеясь, что вкус у него не рыбный. И правда, вкус был ванильный! Примерно в полтретьего он сел в автобус и поехал домой. А корейские дети продолжали учиться.

Лежа на кровати, Эрик думал о том, что услышал. По сути, корейские дети ежедневно дважды ходили в школу. А значит, оценки корейцев в тесте PISA объяснялись просто: дети много учились, возмутительно много!.. Глядя в окно на город, он думал о том, что американцы жалуются на слишком сложные тесты и переутомление детей, и чуть не смеялся. По крайней мере для большинства американских детей стандартные тесты привычны, просты и не оказывают никакого влияния на их жизнь. Если школьник в США получает плохую оценку, всегда была отговорка: «Оценка несправедливая» или «Ничего страшного! Не все понимают в математике». В Корее это предостережение: «Вы недостаточно усердно учитесь, в следующий раз будьте усерднее».

Эрик начинал сознавать, что нагрузка – понятие относительное и тестирование тоже. Он видел, что школа Намсан как будто создана для того, чтобы через аскетическую обстановку и жесткую иерархию выражать одну идею: будущее зависит не от твоих личных достижений, самооценки или статуса в Facebook, а от того, насколько усердно ты трудишься. Стоит ли такой ценой становиться лучшим, размышлял он. Если так, Эрик не был уверен, что хочет стать лучшим.

Конкуренция «железных» детей

Я встретилась с министром образования Кореи Ли Джу Хо в его кабинете в Сеуле. У него был мальчишеский чуб и спокойное выражение лица, искусно скрывавшее амбицию, благодаря которой он дослужился до этого поста.

Ли – продукт корейской «соковыжималки». Он учился в элитарной средней школе и Сеульском государственном университете, одном из трех лучших университетов страны. Затем он получил степень доктора экономических наук в Корнеллском университете, стал профессором, затем ушел в политику. Но пост министра просвещения он занял с целью демонтировать эту «соковыжималку».

> Эрик слушал эту эпопею с растущим чувством ужаса. Как подростки могут не заниматься ничем – буквально ничем. – кроме учебы?

Мы пили чай за большим столом в окружении его советников, и ни один из них не проронил ни слова. Когда я спросила, согласен ли он с пламенной риторикой президента Обамы в отношении корейской системы образования, он устало улыбнулся. На этот вопрос ему часто приходилось отвечать, особенно корейским журналистам, которые не могли понять, что президенту США или кому-то еще может нравится в корейском образовании.

– Вы, американцы, видите светлую сторону корейской системы образования, – сказал он, – а корейцы ею недовольны.

В некотором смысле Корея – крайнее проявление старой азиатской традиции. Корейские родители нанимали репетиторов для подготовки детей к экзаменам начиная с XVII века. Экзамены для госслужащих восходят к допечатным временам. В Корее X века амбициозные молодые люди должны были выдержать экзамен, чтобы поступить на госслужбу. Сдавали этот сложный экзамен только юноши из знатных семей, которые могли себе позволить древний вариант подготовки к тесту.

Несмотря на расхожее мнение о том, что азиаты превосходят всех в математике и естествознании, раньше корейцы не были такими умными. Конфуций смог привить корейцам умение ценить долгое обучение, но в этой стране раньше не проявляли особых способностей к математике. На самом деле не так давно, в 1950-е годы, огромное большинство ее граждан было неграмотным. Когда страна стала заново отстраивать школы

после Корейской войны, в корейском языке даже не было математической и естественнонаучной терминологии. Чтобы печатать учебники, нужно было придумать новые слова. В 1960 г. Корея имела соотношение «ученик – учитель» 59:1. Только треть корейских детей посещала среднюю школу. Бедность предвещала неуспеваемость. Если бы тогда существовал тест PISA, то США побили бы Корею по всем предметам.

За следующие 50 лет Корея стала тем, что Ли назвал «силой таланта». Страна не имела природных ресурсов и взамен стала культивировать своих людей, превращая образование в валюту. Этот период бурного экономического роста создал своего рода лотерею для корейских родителей: если их дети попадут в лучшие промежуточные школы, это приведет их в лучшие средние школы, что даст им шанс попасть в лучшие университеты – и тогда они получат престижную, хорошо оплачиваемую работу, что поднимет всю семью.

Эта конкуренция следовала очень ясным правилам: набрав больше определенного количества баллов на экзаменах в колледж, ты автоматически попадаешь в лучший университет. И потом тебе всю жизнь будут платить больше других, даже за ту же самую работу. Эта система была так же предсказуема, как и жестока. Она несла детям очень ясную идею о том, что для них важно: прием в университеты основан на знаниях школьников, оцененных тестом. И точка. Никого не примут из-за спортивных достижений или потому, что твои родители здесь учились. Эта система в чем-то более меритократична[25], чем когда-либо были многие американские колледжи.

Без одержимости образованием Южная Корея не стала бы такой экономически сильной, какой она стала в 2011 году. (С 1962 г. ВВП страны поднялся примерно на 40 000 %, сделав ее 13-й крупнейшей экономикой мира.) В Корее образование явилось прививкой от бедности, со временем делая социальное происхождение все менее и менее значимым для возможностей детей.

Но этого было недостаточно для поступления в университет или получения желаемой работы, и лотерея превращалась в своего рода конкуренцию «железных» детей, которой возмущались родители и дети, даже при том, что они ее увековечили. Это была предельная меритократия для детей, которая сцементировалась в кастовую систему для взрослых. Даже когда открылись новые университеты, общественность была по-прежнему зациклена на трех лучших. Это было предупреждение для всего остального мира. В Корее самоцелью стала конкуренция, а не учеба, к которой она должна была

мотивировать.

Страна породила чудовище, сказал Ли. Система стала излишне конкурентной, ведущей к нездоровой озабоченности баллами за тест и зависимости от частных академий внешкольного образования. Даже во время летних каникул в библиотеках было так много посетителей, что детям приходилось брать билеты, чтобы туда попасть. Многие платили $4 за аренду кондиционируемой кабины в богатых городских коммерческих библиотеках для самостоятельной работы.

Высокие оценки корейцев за тесты PISA – в основном результат неустанных усилий школьников, считает Ли, а не школьной системы. Эти итоги обусловили дети и их родные. Другими словами, мотивация объясняла оценки корейцев в PISA больше, чем учебная программа.

На одного школьника корейские налогоплательщики тратили половину того, что американские налогоплательщики тратили на школы, но корейские семьи восполняли почти всю разницу из собственного кармана. В дополнение к плате за хагвон им приходилось платить за государственную школу, так как правительственные субсидии не покрывали все затраты. Школа Эрика, не самая лучшая в Бусане, стоит около $1500 в год.

> Без одержимости образованием Южная Корея не стала бы такой экономически сильной, какой она стала в 2011 году.

Теоретически средние школы Эрика в Миннесоте и Корее имели много общего. И Миннетонка, и Намсан гордились отсевом менее 1 %, и обе школы платили своим учителям одинаково высокие зарплаты. Однако пока дети Миннетонки выступали в мюзиклах, дети Намсана учились и учились. Проблема была не в том, что корейские дети мало или недостаточно усердно занимались, а в том, что они учились неправильно.

Культ «железного ребенка» заразителен, детям и родителям трудно противостоять необходимости учиться все больше. Но в то же самое время они жаловались, что зацикленность на рейтингах и баллах тестов убивает их душу, лишает их не только сна, но и рассудка.

Сопутствующий ущерб

Одним воскресным утром того учебного года подросток из Сеула по имени Цзи заколол свою мать, чтобы она не пошла на родительское собрание. Цзи боялся, что она узнает о том, что он соврал ей насчет своих последних результатов теста.

После этого Цзи хранил свой секрет 8 месяцев. Он каждый день уходил и приходил из школы, словно ничего не изменилось. Он говорил соседям, что его мать уехала. Чтобы запах разлагающегося тела не распространялся по дому, он запечатал дверь ее комнаты клеем и клейкой лентой. Он приглашал к себе друзей на лапшу. В конце концов его отдельно живущий отец обнаружил труп, и Цзи арестовали за убийство.

Эта жуткая история приковала к себе внимание всей страны. Преступление Цзи, по мнению многих корейцев, – не просто трагедия, а отражение культа учебы, сводившего детей с ума.

По оценкам теста, Цзи входил в 1 % лучших учеников средних школ страны, но в абсолютных величинах занимал всего лишь 4000-е место в стране. Его мать требовала, чтобы он стал первым любой ценой, говорил Цзи. Когда его оценки разочаровывали ее, она его била и лишала еды.

Многие корейцы симпатизировали больше сыну, чем его умершей матери. Комментаторы переносили собственные неприятные воспоминания о средней школе на преступление Цзи. Некоторые заходили настолько далеко, что винили во всем мать. Передовица «Корея таймс» описывала жертву как одну из «напористых мамаш-тигриц, вечно недовольных достижениями своих детей независимо от их оценок».

Цзи сознался в преступлении, плача оттого, что убитая мать является ему во сне. На суде обвинитель потребовал приговорить его к 50 годам тюремного заключения. Судья, сославшись на смягчающие обстоятельства, осудил мальчика на 3,5 года.

Тем временем корейские политики пообещали исцелить страну от образовательной лихорадки. Когда Ли занял пост министра, министерство наняло и подготовило 500 руководителей приемных комиссий, чтобы помочь университетам страны отбирать кандидатов так, как это делают в университетах США, т. е. на основе чего-то еще, помимо баллов за тесты.

Однако почти всю ночь новые хагвоны помогали школьникам ориентироваться в схеме новых альтернативных условий приема в вузы. Сотни школьников были обвинены в фальсификации своего места жительства, для того чтобы получить льготное место для малоимущих сельских жителей. Один родитель сфабриковал

развод, чтобы ребенок получил право на льготы для детей разведенных родителей. Лихорадка продолжала бушевать.

Главы страны беспокоились, что экономический рост застопорится и коэффициент фертильности продолжит снижаться, так как семьи ощущают груз расходов на внешкольное обучение.

Чтобы исправить ситуацию в средних школах так, чтобы родители не чувствовали большой необходимости в хагвонах, Ли старался улучшить преподавание. В Корее уже были более высокообразованные учителя начальной школы. Корейских учителей начальной школы выпускала всего дюжина университетов, принимавших лучшие 5 % кандидатов, и они были хорошо подготовлены. Будущие учителя промежуточной школы Кореи сдали лучше всех в мире математический тест, проведенный в шести странах, победив будущих учителей США.

Однако корейские учителя средней школы не столь впечатляли. Во времена дефицита учителей десятилетия назад правительство сделало роковую ошибку, позволив слишком многим колледжам обучать учителей средних школ. Эти 350 колледжей, как и более чем 1000 педагогических колледжей США, штамповали гораздо больше будущих учителей, чем было нужно стране. Подготовка учителей была прибыльна, но заниженные стандарты сделали эту профессию менее престижной и эффективной. Потому что, как здорово сказал один корейский политик, «качество системы образования не может превосходить качество ее учителей».

Чтобы поднять уровень профессии, Ли запустил новую программу оценки учителей, которая давала бы учителям полезную обратную связь и поддерживала их ответственность за результаты: учителя оценивались учениками и их родителями, которых опрашивали онлайн, и другими учителями. Этот подход должен был приблизительно соответствовать оценке методом 360°, используемой во многих направлениях бизнеса. (В отличие от модели, используемой многими округами США, система оценки корейского учителя не включала в себя повышение оценок учеников. Руководители, с которыми я говорила, хотели использовать эти данные, но не знали, как распределить ответственность, так как очень многие школьники имели множество учителей, включая репетиторов, обучающих их тем же предметам.)

По новым правилам учителя с низкими баллами должны были пройти переподготовку. Но, как и в США, где реформаторы пытались навязать (школам) похожие стратегии, учителя и их союзы сопротивлялись, называя эту программу унизительной и

несправедливой. Неплохие методы в теории становились пагубными на практике. Некоторые корейские учителя в знак протеста дали всем своим коллегам самые высокие отзывы из возможных. В 2011 году менее 1 % корейских учителей послали на переподготовку, а некоторые просто отказались от нее.

После первого года в должности самым большим достижением Ли было то, что расходы на хагвоны снизились на 3,5 %, и все же он счел это значительной победой.

Слушая Ли, я сознавала, что остальной мир может учиться у Кореи как тому, что у них не получилось, так и тому, что получилось. Во-первых, страны могли меняться. Это обнадеживало. Корея надеялась на лучшее, несмотря на повальную бедность и неграмотность. Она не ждала, пока устранят бедность, чтобы радикально усовершенствовать систему образования. Эта вера в образование и людей подняла Корею.

Во-вторых, суровость была оправданна. Корейцы понимали, как важно учиться. Они не выбирали простых путей, особенно в математике, и считали, что успеваемость – скорее результат упорного труда, а не божий дар. При таком отношении все дети работали упорнее, и для страны это было ценнее, чем золото или нефть.

Как заметил Эрик в свой первый день, корейские школы существовали ради одной-единственной цели: чтобы дети усвоили сложный учебный материал, и в этом разница. Школы США, напротив, занимались многими вещами, и только одной из них была учеба. Эта нехватка целеустремленности способствовала тому, что они упускали из виду самое важное.

Например, школы США тратили довольно много на спорт и технику вместо того, чтобы, к примеру, потратиться на зарплаты учителей. Когда я опросила 202 школьников по обмену из 50 стран, они в большинстве согласились с тем, что в школах США больше техники. 7 из 10 американских подростков, поживших за границей, согласились с этим. Американцы наполнили классные комнаты интерактивными, высокотехнологичными проекторами и кучей iPad. Однако было мало доказательств тому, что эти приобретения принесли пользу кому-то, кроме самих продавцов техники.

В-третьих, и это Ли считал главным, в местах с самым высоким уровнем мотивации школьников победа в соревновании становится целью сама по себе. Родители и дети упускали из виду цель учебы и зацикливались на рейтингах и баллах. В некоторых богатых американских районах дети испытывали подобное насилие, трудясь день и ночь, чтобы попасть в колледж Лиги плюща[26], вероятно, только потом интересуясь, зачем. В США эта

одержимость относительно умеренна, как показывает устойчиво низкая успеваемость по математике даже состоятельнейших детей США и то, что лишь 15 % подростков США брали частные уроки (уровень ниже среднего для развитых стран). Тем не менее небольшое число детей (многие из них азиатского происхождения) жило собственным прозападным вариантом конкуренции «железного ребенка».

Наконец стало ясно, что настоящее образование в Корее дается в теневой системе – комплексе внешкольного обучения на много миллионов долларов. Его-то Ли и пытался расшатать. Я понимала, что если хочу увидеть, что такое по-настоящему свободная система образования, то нужно задержаться там подольше.

Лично Ли считал, что Финляндия – гораздо лучшая модель, чем его собственная страна. Все-таки Финляндия меньше тратила на образование одного ребенка, и только 1 из 10 детей брал дополнительные уроки. А в Корее 7 из 10 дополнительно занимались вне школы. Обе страны находились на вершине мира по успеваемости, но, как бы вы на это ни смотрели, у финских детей дела обстояли гораздо лучше. Существует не единственный способ стать лучшими, предостерегал Ли, нужно быть осмотрительными и избрать верную дорогу.

Одиночество в Корее

Посетив министра в Сеуле, я села на скоростной поезд на Бусан, растущий приморский город на южном побережье Кореи. Эрик пригласил меня на экскурсию. Он появился в холле моего отеля в темных очках с белой оправой и сумкой через плечо, готовый развлекаться.

– Вам нравится корейская кухня? Вы пробовали корейскую пиццу? Она потрясающая! Или можно поесть суши.

Эрику нравилась Корея. Когда мы шли через шумные торговые ряды, он показал мне носки с портретом Барака Обамы и угостил своим любимым йогуртом. Мы зашли в магазин сувениров посмотреть на печально известные подушечки, и он продемонстрировал, как их надевают на запястье, чтобы вздремнуть.

– Я очень легко привыкаю к новым местам, – сказал Эрик.

Он неустанно совершенствовал свой корейский и теперь легко общался в ресторанах. Он заказал для нас пиццу из батата. К тому времени Эрик провел ночь в буддистском храме высоко в горах, учился тхэквондо, одним ужасным вечером на рыбном рынке даже заставил себя съесть живого детеныша осьминога, обвившего его палочку для еды.

> Финляндия меньше тратила на образование одного ребенка.
>
> И только 1 из 10 детей брал дополнительные уроки. А в Корее 7 из 10 дополнительно занимались вне школы.

Эрик оценил таинственность Кореи и сердечность корейцев. Единственной проблемой была школа. Он старался быть открытым, но страшился тех дней в Намсане, когда сидел по 6 часов с одноклассниками, слишком напряженными – или измученными, – чтобы поговорить больше пяти минут между уроками, а потом один садился на автобус.

Дело не в том, что Эрик не мог быть один. Вообще-то он долго находился в изоляции. В Америке он несколько лет жил как скрытый гей и знал, что такое одиночество.

Но он узнал, что в Корее необходимость «соответствовать» выходит далеко за рамки сексуальности. Подростки часто находились в изоляции, иногда буквально – запертые в тесном душном пространстве и готовясь к тесту.

– Ребята, с которыми я говорил, просто ненавидят эту систему, – сказал он, качая головой.

Эрику нравилась одна часть корейской системы – высокие ожидания всех в отношении возможностей ребенка. Он интересовался хагвонами, где, как говорили его одноклассники, они научились очень многому. Однако он осознал, что на первом месте в мире можно быть очень одиноким и что важно не только какие дети там находятся, но и через что они проходят ради этого.

Глава 4
Задача по математике

А в 5000 миль оттуда учительница задала Тому вопрос.

Это был его первый учебный день в Польше. Он тихо сидел сзади, стараясь сделаться незаметным. Но сейчас она пристально и выжидающе смотрела на него. И он повторил фразу, которую знал наизусть:

– Nie mówię po polsku. Не говорю по-польски.

И невежественный школьник улыбнулся. Эта тактика до сих пор срабатывала.

Через две недели Тому исполнялось 18. У него была небольшая щетина на щеках и темные глаза – голова молодого мужчины, непрочно сидящая на плечах мальчика. Когда Том улыбался, появлялись ямочки на щеках, унаследованные от матери, и он казался минимум тремя годами моложе. Американские учителя обычно принимали отговорки Тома.

Но эта учительница повторила по-английски:

– Пожалуйста, решите эту задачу.

Она протянула Тому кусок мела и жестом пригласила выйти к доске. Это был урок математики, и она написала на доске задачу на многочлен.

Том встал, сердце у него сильно забилось, и он медленно пошел к доске, а остальные 22 польских ученика смотрели на американца, любопытствуя, что будет дальше.

История Польши, поэма о страданиях и освобождении, будет изложена дальше, а пока достаточно сказать, что Том очутился в мыслящей стране со сложным прошлым – именно поэтому он захотел там пожить.

В Америке Том жил в Геттисберге, штат Пенсильвания, где произошла самая кровавая битва Гражданской войны. На холмах родного города Тома были ранены и убиты примерно 51 000 человек. Ежегодно тысячи туристов проходят по пустым и тихим полям сражений в поисках призраков войны, следов боев или какой-нибудь запоздалой сенсации.

Однако, по мнению Тома, с 1800-х Геттисберг стал гораздо менее интересным местом. Это деревня в двух часах езды, но бесконечно далекая от столицы. Маленький Том не интересовался игрушечными солдатиками северян и южан, которые в огромном количестве продаются в сувенирных магазинах города, – он играл солдатиками Второй мировой войны.

Подростком Том играл на виолончели, слушал «Sonic Youth»

и смотрел фильмы Вуди Аллена. Он занимался тем, что находилось на периферии интересов средней школы, которые вращались вокруг спорта и «Будущих фермеров Америки». В августе футбольная команда «Геттисбергские воины» проводила соревнования «Съешь, сколько можешь» по поеданию жареной свинины в честь открытия сезона.

Вскоре Том узнал, что мир за пределами его города непрост. Его отец был адвокатом по семейному праву, а мать – главным общественным защитником города. Она работала в подвале без окон, представляя права наименее популярных жителей Геттисберга, включая молодого человека, ожидавшего смертной казни за убийство инспектора Общества охраны природы.

Родители Тома много читали. Они читали вместо того, чтобы ловить рыбу, как в других семьях, или смотреть телевизор, рядом, но не вместе. Вечером в пятницу они брали Тома и двух его братьев в «Барнс энд Ноубл»[27]. Если в субботу шел дождь, они читали, иногда в разных комнатах. Тишину нарушал только шум дождя…

В выпускном классе средней школы Том решил сменить Геттисберг на один из неизвестных городов Старого Света. Он хотел поехать в Восточную Европу, потому что думал, как романтично было бы пожить где-то там, где люди знают Достоевского и Набокова. Он мало путешествовал, но надеялся попасть в далекие романтические страны, о которых читал и мечтал. Том представлял, как разучивает произведения Шопена на его родине.

И вот наконец он в Польше. Все шло более-менее по плану. Дело в том, что когда в тот день Том вышел к доске, он нес на себе невидимый американский груз. Несмотря на футболку с «Йо Ла Тенго» и зиму, проведенную за чтением Чехова, Том хотя бы в одном был типичным американским подростком: он плохо разбирался в математике.

Он начал отставать в промежуточной школе, как и многие американские дети. Это происходило постепенно. Он не просил о помощи – боялся признать, что не так умен, как другие дети. Потом он получил ноль на предварительном тесте по алгебре в 8-м классе. На других занятиях плохую оценку можно было исправить, но в математике каждый урок строился на пройденном раньше материале. И как ни старался, он не мог наверстать упущенное. Он как будто бы становился все глупее, и это было унизительно. На следующий год он получил по математике «F»[28].

Математика давалась американским подросткам хуже всего. По чтению они получили 12 за тест PISA, это выше среднего для

развитого мира. Разрыв между привилегированными и бедными детьми был слишком велик, но общий средний уровень оставался неплохим, а вот средняя оценка по математике ставила США на 26-е место в мире – ниже Финляндии (3-е), Кореи (2-я) и Польши (19-е). Американские подростки слабо успевали и в естествознании, но их результаты по математике были, говоря языком статистики, наиболее угрожающими.

По успехам в математике можно было судить о будущей жизни детей. Подростки, овладевшие математикой на более высоком уровне, гораздо вероятнее окончат колледж, даже если отбросить другие факторы, такие как раса и доход. И будут больше зарабатывать по окончании колледжа.

Почему математика так много значит? Во-первых, все больше профессий требуют знания вероятности, статистики и геометрии. Во-вторых, математика – это не только математика. Математика – это язык логики. Это дисциплинированное, организованное мышление. Есть правильный ответ, есть законы, которым нужно следовать. Математика поддается более точному объяснению, чем другие предметы. Овладение языком логики помогает привить детям знания более высокого порядка: например, способность аргументировать, распознавать модели и делать квалифицированные предположения. Такие знания все выше ценятся в мире, где информация дешева и неупорядоченна.

Трудности с математикой в Америке влияли даже на детей самых состоятельных родителей. Однако эти дети, включая тех, кто посещал частные школы, все-таки заняли 18-е место по математике в сравнении с самыми богатыми детьми других стран. Они получили меньше баллов, чем богатые дети Словении и Венгрии, и сравнялись с самыми привилегированными детьми Португалии.

Самые бедные наши дети вообще-то сдали тест даже хуже, придя 27-ми, в сравнении в беднейшими детьми других развитых стран – гораздо хуже самых малоимущих детей из Эстонии, Финляндии, Кореи, Канады и Польши, а также многих других государств.

Почему наши не освоили универсального языка логики?

Исследования показали, что американским третьеклассникам задавали более легкие математические задачи, требовавшие более простых ответов, чем детям того же возраста в таких странах, как Гонконг. К моменту окончания средней школы менее половины наших детей были готовы к занятиям математикой в колледже. Если наша успеваемость была загадкой, то математика давала самые важные ключи к ее разгадке.

Тем утром во Вроцлаве Том взял в руку мел и снова ощутил

себя невеждой. Он начал писать. Том знал, что может это сделать, задача была не столь уж трудной, к тому же он был старше большинства детей в классе.

Мел разломился надвое. Половинка упала на пол, а он продолжал писать. Но что-то было не так, он, наверное, пропустил одно действие. Что бы он ни делал, ничего не получалось, но он продолжал писать. За спиной кто-то захихикал. Руки стали влажными от пота. Наконец учительница сказала:

– Кто еще хочет попробовать?

Том потащился обратно к своему месту. Она его больше не вызывала.

Когда семестр закончился, Том заметил разницу между уроками математики в Польше и в Пенсильвании. В Америке Том и все его одноклассники пользовались калькуляторами, а в Польше на уроках математики этого не разрешалось. Том знал, что дети делали многие вычисления в уме. Они делали их автоматически, освободив ум для выполнения более сложных задач. Это такая же разница, как между беглым и плохим владением языком.

После первого теста учительница объявила оценки классу, и все их слышали. Том, как новый студент по обмену, был освобожден от теста. Но слушать оценки ему было очень неудобно, как и Эрику в Корее.

Он не мог представить таких низких оценок: в Польше самой низкой оценкой была единица, а высокой – пять. После каждого теста он ждал, что кто-то получит пятерку, но пятерок никто не получал. Однако никто не выглядел удивленным или расстроенным. Они надевали сумки на плечо и шли на другой урок. Он пытался представить, что было бы, если б никто не получил «А» в Геттисберге. Сдадутся ли они или будут учиться усерднее?

> Если наша успеваемость была загадкой, то математика давала самые важные ключи к ее разгадке.

Казалось, дети в Польше привыкли к неудачам. В этом была логика. Если работа трудная, то повседневные неудачи – лишь дорога к знанию. Успех, как когда-то сказал Уинстон Черчилль, – это путь от неудачи к неудаче без утраты энтузиазма.

Том завалил математику в 8-м классе в Пенсильвании. И воспринял неудачу как личную травму. Провал в американских школах деморализовал, и его избегали любой ценой. Американские дети плохо переносили повседневные неудачи, или же так считали взрослые.

Как и многие молодые люди, Том сделал из своего провала

вывод, что он плохо разбирается в математике и ему нужно по возможности ее избегать. В средней школе он не знал, как важна математика для философии и музыки, двух предметов, которые он любил. Он не знал, что математика может быть космически красивой и что он может овладеть ею путем тяжелого труда и настойчивости.

Страна Миннесота

Из трех американских школьников, за которыми я наблюдала, Эрик единственный не испытывал отвращения к математике. Случайно или нет, но родной штат Эрика Миннесота был одним из всего двух штатов, приблизившихся к мировому уровню успеваемости по математике. Грубо говоря, Миннесота имела рейтинг ниже целой дюжины других стран (включая Канаду, Корею и Финляндию) в знании математики, в США только Массачусетс сдал тест лучше нее.

У Эрика была солидная математическая подготовка. Тому было много причин, и одна, вероятно, заключалась в том, что он родился в хорошее время. Родись он раньше, все могло бы сложиться иначе.

В 1995 г. четверо учеников начальной школы Миннесоты заняли место ниже среднего по США в международном математическом тесте. Хотя Миннесота штат преимущественно белый, с преобладанием среднего класса, школьники там не очень успевали по математике. Однако, когда Эрик двумя годами позже пошел в детский сад, в штате действовали более разумные и ясные стандарты. Когда ему было 11, Миннесота снова обновила эти стандарты, следя за международными критериями. К тому времени как он пошел в школу, его сверстники успевали намного лучше среднего для США и большинства стран мира. В 2007 г. ученики начальных школ Миннесоты поразили всех в главном международном тесте по математике, сдав его почти на том же уровне, что и японские дети.

Что же такое делали в Миннесоте, чего не делали в других штатах? Это не было тайной. Миннесота создала довольно сильную систему образования. Затем власти Миннесоты приняли единый комплекс ясных целевых стандартов. И это было радикальное изменение. С ним штат преодолел самую острую проблему раздробленной американской системы. Раньше учителей Миннесоты – как и всех учителей страны – донимали противоречивыми инструкциями о том, чему учить. Многие американские учителя должны были противостоять стандартам как штата, так и округа, часто споривших друг с другом, а каждую весну учителя должны были готовить детей к типовым тестам, которые часто никак не были связаны с учебными программами. Попав в паутину противоречивых требований, они должны были выбрать, какой им игнорировать и какому подчиниться.

Цель американского образования была туманна во всех

отношениях. Чем дальше я двигалась, тем более очевидным это становилось. Для такой путаницы не было лучшей аналогии, чем американский учебник.

Американских учителей готовили по учебникам, которые были написаны, чтобы одновременно удовлетворить требованиям тысяч округов и множества штатов, что подробно описал исследователь образования Уильям Шмидт. Это значило, что американские учебники, обычно слишком длинные, поверхностно освещают слишком много тем. В мире средний учебник математики для 8-го класса состоял из 225 страниц, а в США – в среднем из 800 страниц. Это примерно на 300 страниц больше, чем все 13 книг «Начал» Евклида.

Американская традиция местного контроля – кошмар для учителей. Им остается как можно осторожнее лавировать среди противоречивых требований, снова и снова повторяя те же темы под руководством скучных, пространных учебников. Некоторые дети, приходившие к ним каждую осень, изучали простые числа, а некоторые нет. Это было трудно предугадать.

Конечным результатом было то, что американские школьники каждый год, с 1-го по 8-й класс, учили, например, дроби, в то время как их ровесники в более умных странах проходили дроби с 3-го по 6-й. В большинстве штатов американские дети учили десятичные дроби 6 лет, чуть ли не впадая в кататонию от скуки, тогда как дети образовательных сверхдержав проходили десятичные дроби за 3 года и двигались дальше. Это значило, что все время, которое американские дети тратили на пережевывание дробей, нельзя было потратить на изучение другого.

Американские школьники каждый год, с 1-го по 8-й класс, учили, например, дроби, в то время как их ровесники в более умных странах проходили дроби с 3-го по 6-й.

Это также значило, что на разных уроках алгебры в одной и той же школе или районе проходили совсем разный материал, зависевший от выбранного учителем учебника. Учебники геометрии были составлены особенно произвольно: два американских учебника геометрии обычно не имели почти ничего общего между собой. Это частично объясняло резкий перепад данных между школами, большую и необъяснимую разницу в знаниях детей.

В Миннесоте логичный комплекс стандартов, нацеливающий на освоение лишь нескольких, а не дюжины тем ежегодно, помог исправить этот недостаток. В то же время ученики начальных

школ всего штата стали тратить 60 минут в день на математику по сравнению с 30 в 1995 г. И произошло кое-что еще. Новые стандарты охватывали не только меньше тем, но и изучали их глубже, они содержали более сложный материал. Может, Эрик временами и скучал на уроках, но далеко не так, как мог бы скучать в большинстве других мест США. Его штат намеренно привел свое математическое образование в соответствие с методиками, используемыми в странах с лучшим в мире образованием, и преуспел.

В том году, когда Эрик был в Корее, остальные штаты собирались сделать то же, что сделали в Миннесоте. Вопреки долгой истории несогласованных стандартов и неразумного местничества, 45 штатов договорились принять новые, более строгие стандарты по математике и чтению. Этот Единый комплекс был разработан по стандартам стран с наилучшим образованием. Дети не должны были больше барахтаться в дробях в течение 8 лет, они разделаются с этим за 5 лет, начиная на пару лет позже, чем раньше, но больше углубляясь в предмет.

И все равно критика нападала на Единый комплекс стандартов. Указывали на то, что, если учителя не имеют достаточных знаний математики или подготовки, чтобы воплотить их в жизнь, стандарты останутся лишь на бумаге. По иронии судьбы, власти Миннесоты отказались принять эти стандарты, предпочтя продолжать работать с уже существовавшими. Техас, Вирджиния и горстка других штатов сделали то же самое. Оставалось посмотреть, предпримет ли Америка этот очевидный шаг в направлении школ мирового уровня или повернет назад.

Интересно, что единственным уроком, который Эрик любил в Корее, была математика. Он заметил это в свой первый учебный день. В Корее преподавали математику как-то иначе – так, что даже в Миннесоте это трудно было вообразить.

Был, по-видимому, урок геометрии. Так как Эрик всегда разбирался в геометрии и окончил среднюю школу, он понимал большинство заданий. Однако он заметил, что здесь изучали геометрию совершенно не так, как учил ее он.

Учитель соединял тригонометрию и вычисления в одном уроке, проводя нить объяснений через дисциплины, будто геометрия была лишь одной солнечной системой в большой вселенной математики. Разные дисциплины вместе помогали решать задачи в реальном мире, где математика не помещалась в рамки четких категорий. Все-таки геометрия наука о формах, а вычисление – наука об изменении. Чтобы понимать, как ведут себя формы, меняясь – возможно, для разработки видеоигр, – вам

понадобятся обе.

Эрик словно пробуждался. Он не знал, что геометрия может быть такой интересной. Он всегда хорошо успевал по математике в Миннесоте, но иногда она казалась ему скучной. В третьем классе учитель сказал его матери, что у него трудности со сложением двузначных чисел и он ужасно сдал тест. Мама попросила показать тест и заметила, что Эрик оставил многие вопросы без ответа. Затем она взглянула на лист с ответами на расстоянии вытянутой руки и увидела, что заполненные графы образуют некую форму. Это была буква «Э». Эрику так надоела математика, что он развлекался, изображая свой инициал в опросном листе.

> В 2009 г. большинство опросов американских родителей показали, что они считают более важным для детей окончить среднюю школу с хорошими навыками чтения и письма, чем со знанием математики и естественных наук.

В Корее математика шла как по маслу. Когда учитель задавал вопросы, дети отвечали так, словно математика – это язык, который они знают наизусть. Как и в классе Тома в Польше, калькуляторы были под запретом и дети считали в уме.

Эрика впечатлило понимание исчисления на уровне второго курса. Эти корейские дети из обычного класса лучше справлялись с математикой, чем второкурсники у него на родине. Если в Миннесоте увидели, что дети могут подняться на более высокий уровень в знании математики, то Корея доказала, что это не предел.

А остальные штаты в основном продолжали недооценивать возможности детей, и сами дети это понимали. Когда Ким, Эрик и Том росли, 4 из 10 американских четвероклассников говорили, что их задания по математике слишком легкие. К 8-му классу 7 из 10 детей пошли в школу, которая даже не предлагала курса алгебры с содержанием, стандартным для большинства других стран. Не случайно американские дети отставали от сверстников из более умных стран – они, по существу, посещали дополнительные занятия по математике независимо от того, нужно им это или нет.

В сравнении с другими странами типичный урок математики в 8-м классе в США включал в себя задания 6-го или 7-го класса, по тем же меркам лучше всего успевающие страны учили восьмиклассников математике по программе для 9-классников.

Почему математические способности американских детей постоянно недооценивались?

В промежуточной школе и Ким, и Том решили, что математика – это предмет, который ты или понимаешь, или нет, и они не понимали.

Интересно, что о чтении большинство американских детей такого не говорили. Если ты плохо успеваешь по чтению, то можешь, как полагает большинство людей, все наверстать благодаря усердным занятиям и хорошему учителю. Но в США математика почему-то считалась едва ли не врожденной способностью, наподобие феноменальной гибкости.

А дело в том, что взрослые американцы не любили математику или не считали, что она важна для жизни. В 2009 г. большинство опросов американских родителей показали, что они считают более важным для детей окончить среднюю школу с хорошими навыками чтения и письма, чем со знанием математики и естественных наук. Как будто математика была факультативным предметом наподобие рисования. Половина этих родителей сказали, что в школе их детей нормально учили естественным наукам и математике, и они были правы, если исходить из стандартов другой эпохи.

Но по современным стандартам любая достойная работа требовала свободного владения математикой и естествознанием. Снабженцы должны были уметь учитывать инфляцию в смете. Рентгенотехники использовали геометрию. В реальной жизни математика уже давно не была факультативной.

Общепризнано, что маленькие дети легко обучаются языкам. В возрасте 2–3 лет их мозг воспринимает и интегрирует второй или третий язык с такой скоростью, с какой не могут соперничать десятилетки. Почему мы не поняли, что математический язык для них то же самое?

Программы для детей раннего возраста в Америке делали упор на чтение, искусство и творчество и поведение – важные навыки. Однако игра в цифры все же считалась запретной, предметом, который лучше оставить на потом, несмотря на очевидное и устойчивое отставание Америки.

Слишком долго то, чему учили американских детей, было случайным. Но дело в том, что математика – это иерархия. Если такие дети, как Том и Ким, пропускали одну ступень, они не справлялись и соскальзывали вниз, так и не достигнув следующей ступени. Начальный курс алгебры оказывает продолжительное влияние на ребенка, воздействуя на него независимо от того, будет он заниматься вычислениями в средней школе или совсем махнет рукой на математику.

Часть II
Зима

Глава 5
Американка в Утопии

К концу ноября дорога Ким до школы стала темной и холодной одиссеей. В то утро было –15° и ветер. Солнце не появлялось до 9. Ее шаги хрустели в ледяной тишине, и она удивлялась, как в Пиетарсаари вообще появились люди. Город, расположенный на западном побережье Финляндии, находился в 300 милях от Хельсинки. Как вообще здесь можно жить? К тому времени в Пиетарсаари было около 200 000 жителей, но, кроме изредка проезжающих машин, за всю дорогу она не встретила ни одного человека.

Впереди виднелись огни «Лукио» – ее средней школы. Снаружи она казалась даже более унылой, чем ее родная школа. Обе школы были невысокие, кирпичные, но эта построена из светлого кирпича, со временем становившегося серым и мрачным. Большие часы на здании школы давно остановились. По ее представлению, финские школы должны были выглядеть иначе.

Ким вошла внутрь. Мимо проходили группы смеющихся мальчиков и хорошеньких девочек, не замечая ее. Против входа были выставлены кубки, как и в средней школе Саллисо, но они казались тусклыми и неуклюжими, как запоздалые объяснения. Самому новому было 10 лет. Неужели за 10 лет никто не выиграл ни одного приза?

Ким села за парту, застенчиво улыбаясь соседкам. Финская учительница Ким была более оживленной, чем обычно, и говорила что-то по-фински, но Ким ее не поняла. Потом она стала раздавать ученикам толстые книги. Ким узнала название: это была классическая финская книга «Семь братьев», изданная в 1870 году.

Даже Ким знала о «Семи братьях». Эта книга была написана, когда финны считались низшим классом в собственной стране. Они 5 веков терпели шведское, а позже русское господство. Потом появились «Семь братьев» – первая значительная книга на финском языке. Эта сказка о семи неотесанных и беспутных парнях, которые со временем осваивают грамоту, стала символом Финляндии, страны, которая получила свою независимость только в 1917 году.

У Ким от страха заболел живот. Она понимала, что не сможет прочесть «Семь братьев». Книга была написана на старофинском языке, а она пока не понимала современный финский. Как быть? Она сделала вдох и попыталась изобразить на лице интерес,

будто всегда этого ждала.

Потом учительница подошла к ней. Тина Стара была стройной и привлекательной женщиной с темными волосами, подстриженными каскадом, и живой улыбкой. Она наклонилась к Ким. В ее руках была другая книга – гораздо тоньше, в глянцевой блестящей обложке.

– А это тебе, – сказала она тихо по-английски.

Ким посмотрела на обложку. Вместо «Семи братьев» на ней были изображены анимационные семь собак, одетые в старинные костюмы и воющие в унисон. Она перевела заголовок: «Семь братьев-собак». Ким улыбнулась. Это была детская книга.

– Она на финском, но простом, – пояснила Стара. Учительница, казалось, боялась ранить чувства Ким. – Надеюсь, ты не думаешь, что она детская. Просто я бы хотела, чтобы ты смогла познакомиться с этой историей, потому что она очень важна для нас, финнов. А сюжет здесь тот же, так что ты сможешь участвовать в обсуждении.

Ким взяла книгу, ее глаза были полны благодарности.

– Киитос, – сказала она. Спасибо.

За три месяца в Финляндии Ким составила небольшой список различий между школами здесь и в Оклахоме. Самым очевидным было то, чего не хватало. Здесь не было сверхсовременных белых досок в классе. Не было полицейского в холле. Со временем, однако, она стала замечать более важные различия – те, которых не увидит зашедший сюда взрослый.

Взять мальчика-алкоголика, как назвала его Ким. В тот день он вошел в класс, ища, чем похмелиться, как обычно, со стеклянными глазами. У него были короткие светлые волосы, светло-голубые глаза, а нос вечно чуть краснее самого лица. Он мало и тихо говорил в классе, но с друзьями, куря на улице, говорил громче.

Таких ребят хватает и в Саллисо. Но Ким не ожидала увидеть детей-алкоголиков в Финляндии, а они там были. Оказывается, дети-алкоголики есть везде. Это стало для нее первым уроком. Но было одно существенное отличие – и это стало вторым уроком. Финский парень-алкоголик был примерным учеником. Он появлялся в школе и был внимательным. Он делал записи. Когда Стара задавала написать эссе, что бывало часто, он их писал, как и остальные. В Оклахоме дети-алкоголики часто не выполняли заданий, им было все равно. А здесь все дети тоже жаловались на школу и каких-то учителей любили, а каких-то нет. Хотя большинство из них, казалось, считало, что учиться надо.

Иногда Ким замечала, что пристально смотрит на этого парня и его друзей. Они не подходили ни под одно знакомое ей

определение. Было трудно это объяснить, но здесь как будто что-то носилось в воздухе и заставляло всех серьезнее относиться к учебе, даже детей, которые не поддавались другим требованиям взрослых.

Ким заметила, что некоторые учителя тоже больше отдавались своей работе. Учительница финского Стара понимала, что Ким приходится непросто, и придумала альтернативу, чтобы подключить ее к занятиям. Детская книга была творческим решением. Ким открыла ее и стала читать о семи братьях-собаках.

История двух учителей

Как и учитель математики Ким в Оклахоме, Стара была опытным учителем со стажем почти в 20 лет. Как членов профсоюзов, обоих нелегко было уволить. Эта схема действует в большинстве развитых стран: учительские профсоюзы имеют большую власть, учителей увольняют редко.

Но на этом сходство заканчивалось. Стара входила в профессию совершенно иначе, чем учитель Ким в Оклахоме. Чтобы стать учителем в Финляндии, нужно закончить один из восьми педагогических университетов. Стара хотела преподавать финский язык и подала документы в университет Ювяскюля[29]. Абитуриенты должны сдать экзамен по финской литературе, прочитав предварительно 4 книги по выбору университета. Конкурс составляет около 5 человек на место.

Все педвузы Финляндии имеют одинаково высокие стандарты, что делает их почти столь же престижными, как Джорджтаун, Калифорнийский университет или Беркли в США. Сегодня отбор в финские вузы примерно столь же строг, как в Массачусетском технологическом институте. Трудно преувеличить вытекающие из этого последствия. Всего 1 из 20 педагогических факультетов США предъявляет столь высокие требования к абитуриентам. Гораздо большее их количество не имеет вообще никаких стандартов приема абитуриентов. Иначе говоря, чтобы дать образование нашим детям, мы приглашали кого угодно – независимо от того, насколько хорошо они подготовлены.

> Эта схема действует в большинстве развитых стран: учительские профсоюзы имеют большую власть, учителей увольняют редко.

Будущие педагоги США, как правило, сдают стандартные тесты, чтобы получить работу, но эти тесты просты и не особенно

существенны для эффективного преподавания. Что же удивляться тому, что в педагоги у нас идут не самые умные и что профессию учителя перестали уважать?

В Финляндии же попасть на педагогический факультет столь же престижно, как в медицинский вуз в США. Строгости начинаются сразу, худших студентов отсеивают, чтобы они не деморализовали остальных.

Объявление профсоюза учителей конца 1980-х начиналась бесподобной саморекламой: «Финский учитель имеет самый высокий уровень образования в мире». Такое заявление никогда не могло бы прозвучать в США, как и большинстве стран мира. Норвегия, к примеру, имеет общую границу с Финляндией и тратит на образование больше нее. Но Норвегия не столь щепетильна по отношению к будущим учителям. Норвежское правительство регулярно вмешивается в процесс обучения, пытаясь его улучшить, но без особого успеха: 15-летние норвежцы по результатам PISA успевают примерно так же, как подростки США, и даже самые лучшие из них сдают математику хуже, чем лучше всего подготовленные подростки во всем мире.

А в Финляндии Стара все еще помнит тот день, когда получила письмо о зачислении в университет, – радость ее матери, чувство облегчения. Она не праздновала это событие: в те времена финны были гораздо скромнее и не хвастали такими вещами. Но она была ужасно счастлива.

Приехав в университет Ювяскюля, Стара первые 3 года изучала финскую литературу. Она много читала и писала различные работы, анализировала романы, поэмы и рассказы – то, чего американские студенты-лингвисты обычно не делают. Одновременно Стара изучала другие предметы, включая статистику. На 4-м курсе (из 6 лет учебы) она начала программу педагогической подготовки. Все финские учителя должны получить степень магистра, значащую нечто совершенно другое, чем в США.

За первый год магистратуры Стара должна была стажироваться в одной из лучших государственных школ страны. Там у нее было трое руководителей, и она внимательно наблюдала за их занятиями. Когда она сама вела уроки, ее наставники и однокурсники делали записи. И потом она получала их отзывы, некоторые из которых были суровыми, во многом похожими на то, как врачей-экстернов критикуют в университетских клиниках.

Это было сложно, но воодушевляюще. Со временем она стала лучше учить. Когда Стара не преподавала и не наблюдала за работой других учителей, она вместе с однокурсниками

разрабатывала уроки, объединявшие материал всех предметов, включая историю и искусство. Потом они практиковались в ведении этих уроков, изображая учеников. Как все финские учителя, Стара написала диссертацию на 200 страниц о том, как устная речь финских подростков влияет на их письменную речь.

Теперь обсудим Скотта Бетеля – учителя математики Ким в Оклахоме. Он решил стать учителем скорее для того, чтобы работать футбольным тренером. В Америке это нормально. В 1989 г., учась в средней школе Саллисо, он был ведущим игроком штата.

– Мой отец работал учителем в школе примерно в 10 милях отсюда, – сказал мне Бетель. – Еще он был футбольным тренером, вот я и подумал, что могу стать тренером.

Бетель всегда неплохо успевал по математике и решил, что лучший способ стать тренером – это получить диплом учителя математики. Подобное совмещение преподавания двух предметов считалось бы странным в Финляндии и многих странах, где занятия спортом не являются основной задачей школы.

В одной Оклахоме Бетель мог выбирать из почти дюжины педагогических программ – это почти втрое больше, чем в Финляндии, которая гораздо больше Оклахомы. Как и большинство штатов, Оклахома выпускала намного больше учителей, чем требовалось. В большинстве вузов США педагогика считается одной их самых легких специализаций. На педагогические факультеты принимают едва ли не каждого, кто заявляет о любви к детям. Попав же в вуз, будущие педагоги обычно выбирают облегченные курсы.

Бетель учился в Северо-восточном государственном университете, как и директор школы Саллисо и многие учителя Оклахомы, включая маму Ким. Этот университет готовит больше учителей, чем любой другой вуз штата, и имеет хорошую репутацию. Однако принимают туда студентов с гораздо более слабыми знаниями математики, чтения и естественных наук, чем финские педвузы. Обычный балл за «Тест американского колледжа»[30] в этом университете ниже, чем в среднем по стране, – это закономерность для многих программ подготовки педагогов по всей Америке.

Чтобы учительствовать в Оклахоме, степень магистра не нужна. Во многих штатах от учителей не требуется наличия степени в предметной отрасли знаний – они предпочитают степень магистра педагогики. Степень магистра в целом не повышает профессионализма американских учителей, а некоторые исследования допускают, что даже понижает.

Во всех штатах ежегодно выпускается почти в 2,5 раза больше

учителей, чем нужно. Но особенно много готовят учителей начальной школы. В этом отношении США не исключение. Сочетание низких требований и большого предложения стало бедой для образования во всем мире и снижает уровень учительской профессии. Оклахомцы хвалили своих учителей за тяжелый труд, и справедливо, но они не хвалили их за образованность.

Финский ландшафт изобиловал маленькими педвузами разного качества – как и в США. Финляндия тоже некогда пользовалась лозунгом «Ни одного отстающего ребенка», знакомым учителям США и других стран. В 1970-е финские учителя вели поурочные журналы. Их донимали проверками, следуют ли они централизованному 700-страничному учебному плану. Центральные органы власти утверждали учебники. Учителям не доверяли принимать собственные решения.

В те времена финны сделали нечто – чего не бывало в США и большинстве других стран. Они «перезагрузили» свои педвузы, ужесточив правила приема и обучения в них. В ходе реформы образования правительство закрыло самые маленькие вузы и перевело подготовку учителей в более уважаемые университеты. Это была смелая реформа и небесспорная. Оппоненты доказывали, что новая система элитарна и, как предупреждала одна передовица, «закроет путь в учителя сельской молодежи». Некоторые ректоры тоже возражали, опасаясь, что включение такой предпрофессиональной практической подготовки может размыть академические стандарты остальных факультетов и снизить престиж университетов. Кстати, те же самые аргументы приводят и в США, когда бы кто ни пытался сделать подготовку учителей более серьезной.

Но Финляндия жаждала обновления, и власти понимали, что только образование способно спасти страну от отставания. Чем больше я читала об истории страны и говорила с финнами, тем больше мне нравился здравый смысл, пронизывающий эту историю. Финны решили, что повысить уровень образования может только учитель, талантливый и тщательно подготовленный. Это стало основой очевидной образовательной стратегии.

Финны сделали то. чего не бывало в США и большинстве других стран. Они «перезагрузили» свои педвузы, ужесточив правила приема и обучения в них.

И случилось чудо: в 1980–1990-е Финляндия превратилась в совершенно новую страну, каких еще не было в мире. С новыми, более высокими стандартами и более строгой подготовкой

учителей лозунг «Ни одного отстающего ребенка» стал ненужным. Более того, он стал бременем, мешающим учителям и школам достигнуть высочайшего уровня. Так Финляндия начала убирать свои наиболее суровые нормы, одну за другой, словно снимая леса с прекрасной скульптуры.

Правительство упразднило школьных инспекторов. Они уже не были нужны. Тщательно отобранным и обученным учителям доверили создание основного государственного учебного плана, заведование кабинетами и подбор учебников. Их учили так, как нужно учить учителей, и относились к ним так, как следует к ним относиться.

В начале 1990-х экономический кризис, как ни странно, ускорил эту эволюцию. Из-за глубокой рецессии местным властям Финляндии приходилось сокращать расходы. Бюджеты образования нужно было урезать на 15–20 %. Единственное условие, при котором местные руководители могли бы согласиться на большое урезание расходов, – это получить что-то взамен. И правительство решило предоставить местным властям еще больше самостоятельности – больше, чем в большинстве других стран. Это освобождение сработало лишь из-за всех произошедших раньше изменений. К тому времени финны разработали сильную систему. Как только была введена эта система, сдержки и противовесы[31] подотчетности стали не нужны. Руководителей школ и учителей освободили для того, чтобы они писали планы уроков, экспериментировали в своих школах, находя более эффективные методы, и создавали более творческую систему, чем могло бы создать централизованное управление.

К тому времени как Ким попала в Финляндию, учителя, директора школ, руководители профсоюзов и политики работали сообща, непрерывно совершенствуя систему образования. Они иногда расходились во взглядах, но сотрудничество было нормой, а доверие высоким. Правительство проводило стандартизованные тесты для целевых групп школьников – чтобы убедиться, что школы выполняют свою функцию. Но проверять всех школьников ежегодно не было нужды.

Почему этого не произошло в большинстве других стран? Хоть кто-нибудь пытался это сделать?

Примеров мало, но они показательны. В 2009 г. одним из первых указов нового руководителя комитета образования в Род-Айленде Деборы Джист было повышение минимальных проходных баллов за тест для будущих учителей. В то время в Род-Айленде разрешались более низкие оценки, чем почти во всех штатах страны. У нее были полномочия изменить этот закон

односторонне, и она его изменила, сделав шажок в направлении Финляндии и потребовав от новых учителей лучших оценок в отборочном тесте SAT, «Тесте американского колледжа» ACT[32] и квалификационном тесте для учителей Praxis.

Критики сразу же назвали ее элитисткой, бросая те же обвинения, которые критики использовали против реформаторов в Финляндии в 1970-е. Некоторые утверждали, что учитель, бьющийся изо всех сил, – это лучший учитель, потому что он может найти общий язык с неуспевающими школьниками. Извращенная логика! Может ли врач, плохо сделавший несколько операций, быть идеальным преподавателем медвуза?

Другие беспокоились, что более высокие требования приведут к нехватке учителей, хотя педвузы Род-Айленда штамповали 1000 учителей в год – на 800 больше, чем было нужно. Пополнение, особенно учителей начальных школ, не было проблемой. Более того, законы человеческой натуры заявляли: когда станет труднее работать учителем, это может стать и более привлекательным. Больше людей захочет этим заниматься и меньше заслуживших признание учителей оставят профессию.

Америка – многоликая страна с долгой историей расизма в колледжах, школах и других учреждениях, так что усилия Джист критиковали как дискриминирующие. Руководители образования предостерегали, что новые стандарты помешают стать учителями студентам из нацменьшинств, обычно хуже сдававшим тесты.

В реальности среди преподавателей Род-Айленда было уже слишком много белых и слишком много женщин, и можно было говорить о том, что эта профессия, чтобы стать более многообразной и привлечь больше мужчин, должна быть более, а не менее престижной. Главное, что дети из нацменьшинств нуждались в более образованных и разнообразных учителях. Кстати, более высокие стандарты рассматривались не как инвестиция в учащихся, но прежде всего как угроза учителям.

В Род-Айленде ежегодно выпускалось впятеро больше учителей, чем требовалось. Единственным учреждением, выигрывавшим от этой системы, казалось, были сами вузы, но их директора жаловались, что потеряют студентов, если требования повысят. Журналисты цитировали их без всякой иронии.

– Это лишит гражданских прав слишком многих студентов, – сказал «Провиденс джорнал» Роджер Г. Элдридж Дж., бывший тогда деканом педагогического факультета колледжа Род-Айленда.

Знаменательное заявление: речь идет будто о лишении права голоса. А фактически это означает, как большинство американцев воспринимает профессию учителя, понимает, как она сложна и

важна, но… многие, включая учителей, будто не считают, что она требует серьезного интеллектуального багажа!

– По новым высоким стандартам около 85 % студентов-педагогов Колледжа Род-Айленда не пройдут по конкурсу, – пугал декан.

Поразительно: эта статистика должна была вызвать глубокий стыд, но не вызвала!

Джист, однако, не отступала.

– Я более чем уверена, что будущие учителя Род-Айленда способны на такой уровень успеваемости, – сказала она.

Она согласилась в течение 2 лет постепенно вводить более высокий проходной балл и позволить колледжам делать исключение для многообещающих абитуриентов, не набравших проходного бала. Спустя 3 года она не получала запросов на такие исключения. В Колледже Род-Айленда процент студентов-педагогов из нацменьшинств изменился с 8,8 на 9,24, оставшись, по сути, неизменным, несмотря на все предупреждения об обратном.

Для некоторых американских учителей отсутствие серьезной подготовки ничего не значило, они ликвидировали пробелы на работе. Некоторым везло – у них были сильные директора или наставники, – другим не очень. Кроме того, большинство их учеников стремились поступить в вузы и экономика требовала все более и более развитого мышления, все большему числу учителей приходилось преподавать материал, который они сами никогда не изучали.

Помимо практических результатов, низкие стандарты содержали деморализующий посыл: в Америке, Норвегии и других странах не ожидали, что их учителя будут самыми лучшими и интересными людьми в своем поколении. Им сообщали об этом тысячами способов, начиная с того дня, когда они поступали в вуз.

Когда Ким в 2000 г. пошла в детский сад, 10 из 10 новых финских учителей входили в треть лучших выпускников средней школы, как всего лишь 2 из 10 американских учителей. В Финляндии государство платило за обучение Стары и всех студентов университетов. В Оклахоме Бетелю тоже платили за обучение, но эта дармовщина складывалась из тщательно продуманной «страховочной сетки»[33] грантов Пелла[34], частично из спортивной стипендии[35] и индейских грантов. Большинство студентов не способно проделать такой трюк.

На втором курсе Северо-восточного университета Бетель подал заявку на зачисление в педагогический колледж университета. Здесь у университета была еще одна возможность

отбирать самых лучших и талантливых кандидатов в педагоги. Но, чтобы быть принятым, Бетель должен был иметь средний балл всего лишь 2,5 или выше (из 4). Ему был бы нужен высший балл, чтобы сегодня стать оптометристом в том же университете. Чтобы быть учителем, ему также нужно было получить на первом курсе хотя бы «С»[36] по английскому и «С» по «Основам устной речи».

Ему также нужно было получить 19 баллов или выше за «Тест американского колледжа» – стандартизованный тест наподобие отборочного[37]. Средний балл по стране за «Тест американского колледжа» тогда равнялся 20,6. Как говорится, без комментариев.

В педагогическом колледже Бетель узнал, что не должен специализироваться в математике, чтобы стать учителем математики средней школы. Он так и сделал. Во всей стране менее половины учителей математики специализировались в математике. Почти треть даже не изучали математику, как не основную дисциплину.

У студентов, готовящихся учить маленьких детей, проблема была еще серьезнее.

– Большинство студентов, специализирующихся на начальном образовании, боится математики, – сообщил один оклахомский профессор факультета математики в ответе на опрос 2005 г., – и этот страх передастся их ученикам.

Кто-то другой сосчитал, что примерно 1/4 учителей, выпускаемых тем или иным колледжем, активно ненавидели математику и не проявляли желания это исправить.

Бетель любил математику, но его главной целью было стать тренером, и он специализировался в преподавании физкультуры, а дополнительной дисциплиной была математика. Он легко сдал тест для учителей математики средней школы. Большая часть материала была уровня 10–11-го классов, и для него это было нетрудно.

По всей стране люди, готовящиеся стать учителями математики, не обязаны знать математику так же хорошо, как учителя педагогических сверхдержав. Особенно настораживал дефицит учителей математики в промежуточной школе. Протестировав тысячи желающих стать учителями в 16 странах, исследователи обнаружили, что будущие учителя математики промежуточной школы США знают математику примерно так же, как их ровесники в Таиланде или Омане. Они были весьма далеки от знания математики студентов-педагогов Тайваня, Сингапура или Польши. И неудивительно, что ученики этих учителей впоследствии успевали так же посредственно. Нельзя научить тому, чего не знаешь.

Все же самая ценная составляющая любой программы обучения педагогов – это, наверное, практика, которую студенты получают в школьном классе. Нет лучшего способа подготовки к учительству, чем учить самому.

В Оклахоме педагогическая практика помогала Бетелю научиться планировать уроки. Но она длилась всего 12 недель – недолго в сравнении с годичной президентурой, принятой в Финляндии. Во всех педагогических колледжах США требуется в среднем лишь 12–15 недель педпрактики, и качество ее сильно варьируется в зависимости от места.

Начав работать учителем, Бетель быстро понял, что было бы полезно специализироваться в математике. Но что сделано, то сделано. К тому времени когда Бетель учил Ким, он зарабатывал около $49 000 в год, что больше обычного заработка в Саллисо, но не так много, а за Атлантическим океаном Стара зарабатывала $67 000. Стоимость жизни в Финляндии выше, но заработок Стары был ближе к тому, что другие выпускники колледжей зарабатывали в Финляндии, чем зарплата Бетеля в США.

Все же самая ценная составляющая любой программы обучения педагогов – это. наверное, практика, которую студенты получают в школьном классе.

Интересно, что большая зарплата не гарантирует высоких результатов. Самые высокооплачиваемые учителя живут в Испании, где подростки успевают по математике, чтению и естественным наукам хуже школьников США. Но в более функциональных системах образования большие зарплаты могут помочь школе привлечь лучше образованных учителей и дольше их удерживать, определяя уровень профессионализма и престижа. Во всех педагогических сверхдержавах доход учителей ближе к зарплатам других образованных профессионалов, чем в США. В большинстве случаев классы там больше, чем в США, что делает реальными высокие зарплаты.

Слушая таких учителей, как Стара и Бетель, я стала подозревать, что все эти различия взаимодействовали в хронологическом порядке. Поскольку в Финляндии и других педагогических сверхдержавах педвузы отбирают только лучших кандидатов, эти школы могут тратить меньше времени на обучение «вдогонку» и больше на тщательную практическую подготовку. А это ведет к тому, что их учителя реже разочаровываются и увольняются, нежели американские. Эта модель подготовки и стабильности сделала возможным дать учителям бóльшие классы и платить им достойно, так как

затраты на текучку ниже, чем в других странах, а при такой подготовке и поддержке у них были ресурсы, чтобы помогать детям учиться и в итоге сдать трудный тест по окончании средней школы.

> Поскольку в Финляндии и других педагогических сверхдержавах педвузы отбирают только лучших кандидатов, эти школы могут тратить меньше времени на обучение «вдогонку»

Столь же сильно подсознательное влияние. Вот как пояснил это один из американских школьников, живший по обмену в Финляндии, в опросе, проведенном при написании этой книги:

– Моя школа воспитывает в учениках уважение к этому учреждению и преподавателям. Это можно отчасти объяснить трудностями, которые учителям пришлось преодолеть на пути к овладению своей профессией. Ученики хорошо сознают, как прекрасно образованы их учителя.

Одно обусловило другое. В других обстоятельствах одно обусловило гораздо меньшее. Если трудности не возникают в самом начале, то самый сложный в мире выпускной тест средней школы успешно не сдать. Указами едва ли можно было такого добиться. Без высокообразованных и подготовленных учителей и директоров школ дети ежегодно могли делать лишь небольшие успехи. Понимая, что они никогда не выдержат выпускной экзамен, многие расслаблялись и сдавались.

Чем дольше я была в Финляндии, тем больше волновалась, что реформы, развернувшиеся в США, тянут нас назад. Мы пытались осуществить вскрытие технологии высокоэффективного обучения посредством ослепляюще сложной оценки успеваемости и дополнительного анализа данных. Имело смысл вознаграждать, готовить и увольнять больше учителей на основе их оценок. Но этот подход предполагал, что худших учителей будут сменять лучшие, а посредственные учителя будут совершенствоваться для того, чтобы давать ученикам такое образование, какого они заслуживают. Однако было не так много свидетельств, что эти сценарии действительно работали.

Что, если главной проблемой была не мотивация? Можно ли было выковать из 3,6 млн американских учителей квалифицированных преподавателей, если их баллы за SAT ниже средних?

Система, созданная финнами, имеет четкую ступенчатую структуру: чтобы получить хорошую систему образования, надо начинать с самого начала. Следуя примеру Финляндии, педвузам нужно в национальном масштабе разрешить принимать студентов

с лучшими баллами SAT – только третью часть всех выпускников – или потерять государственное финансирование и аккредитацию. Поскольку с 2011 по 2021 г. должны уйти на пенсию 1,6 млн американских учителей, революция в их найме и подготовке может за короткий срок изменить профессию.

Почему это не сделано ни в одном американском штате? Учитывая, что вузы готовили гораздо больше учителей, чем нужно было школам, это изменение не должно вызвать их нехватку. Более того, со временем это могло повысить популярность профессии, сделав ее престижнее.

Странное упущение! Поразительно, что вместо того, чтобы тратить время и энергию на восхваление Финляндии, американские преподаватели не настояли на этом очевидном шаге. Будто они хотели пользоваться таким же авторитетом, как финские учителя, но на самом деле не думали, что наши учителя нуждаются в прекрасном образовании и культуре, чтобы заслужить такой престиж. Тогда почему так думали финны?

«Почему ваши ребята такие неравнодушные?»

Перемена – целых 17 минут! Еще одно огромное отличие Финляндии от Америки: ничем не объяснимые куски драгоценной свободы. Ким будто выпустили в небо, доверяя самой искать себе занятие на это время. Она могла даже выйти из школы среди учебного дня и сидеть в кафе до начала следующего урока. К этому трудно было привыкнуть.

И вне стен школы Ким чувствовала эту свободу. Она узнала, как добраться до супермаркета «Halpa-Halli» на велосипеде, и ее принимающая мать, казалось, не беспокоилась, если она не возвращалась домой вовремя.

Здесь родители больше доверяли детям. Ким ежедневно видела восьмилетних детей, самостоятельно идущих в школу в светоотражающих жилетах, чтобы их было видно в темноте. В средней школе она почему-то редко видела родителей. К подросткам относились скорее как к взрослым людям. Здесь не было регулярных родительских собраний. Совсем. Если у учителей были проблемы с учеником, обычно они просто беседовали с ним.

Ким вышла в холл и села на серый диван. Дома перемены длились всего 5 минут, и если кто-то задерживался, ему попадало. Она еще отчасти была в Оклахоме и ждала, что кто-нибудь ее поймает.

Две девочки из ее класса сели рядом. Они сказали Ким «привет» и заговорили о том, сколько они готовились к экзаменам

в прошлом году, сетуя на то, сколько еще предстоит выучить.

Большую часть времени финские школьники держались отчужденно – именно так, как о них писали в путеводителях. Но Ким набралась смелости и выпалила вопрос, который был у нее на уме:

– Почему ваши ребята такие неравнодушные?

Девочки посмотрели на нее смущенно. Ким почувствовала, как ее щеки вспыхнули румянцем, но продолжила:

– То есть… почему вы так много учитесь?

Она понимала, что это трудный вопрос, но должна была спросить. Эти девочки ходили на вечеринки, писали эсэмэски в классе и рисовали в тетрадях – словом, были обычными девочками. Тем не менее они уважали основные правила школьной жизни, и Ким хотела знать почему.

Теперь девочки выглядели озадаченными, будто Ким спросила их, почему нужно дышать.

– Это же школа, – наконец сказала одна из них. – Как еще я ее закончу, поступлю в университет и получу работу?

Ким кивнула. Это верно. Может, на самом деле загадка не в том, почему финские дети такие прилежные, а в том, почему многие ее оклахомские одноклассники – нет. В конце концов, для них хорошее образование – это тоже единственный способ попасть в колледж и найти хорошую работу.

Но где-то на полпути многие из них переставали верить в эту формулу. Они относились к образованию не слишком серьезно. Может, потому, что были ленивыми, испорченными или неспособными, а может, потому, что для них образование не так уж важно.

«А разве ты этого не знаешь?»

Слушая Ким, я размышляла, есть ли еще такие, как она. Ким была родом из штата с довольно низкой успеваемостью, и никто бы не сказал, что она слишком нетребовательна по отношению к своему родному городу. Заметят ли другие школьники из программы обмена те же различия? А что скажет подросток, поехавший в обратном направлении? Увидит ли финская девочка, решившая приехать в США, зеркальное отражение того, что Ким увидела в Финляндии?

Каждый год около 400 финских детей едут учиться в США. Большинство из них оказываются на Среднем Западе в государственных средних школах. Чтобы узнать, что они думают о чужой стране, я стала следить за их жизнью. И вскоре заметила общую закономерность.

Элина приехала в Америку из Хельсинки в 16 лет, как и Ким. Она поехала туда, потому что большую часть жизни мечтала об американских школах, которые видела по телевизору и в кино: о школьных балах, собраниях и других ярких ритуалах американского подростка.

В Америке Элина жила в принимающей семье в штате Мичиган, в городке Колоне, названном в честь знака препинания[38]. Сначала новое для Элины место показалось ей похожим на родину. Колон, расположенный неподалеку от Каламазу[39], окружен озерами и лесами. Население его на 95 % состоит из белых и индейцев. По выходным мужчины надевают стеганые куртки и играют в хоккей на льду замерзших озер. И зима тут тянется больше полугода – как на родине.

Однако Элина быстро обнаружила одно важное отличие Америки. Дома она считалась хорошей ученицей. В Колоне же она стала одной из первых. Она выбрала Второй алгебраический класс, самый продвинутый в школе. За свой первый тест она получила 105 %. Раньше Элина считала, что получить 105 % по чему-нибудь математически невозможно.

Она думала, что ей придется труднее на занятиях историей США, поскольку она все-таки не американка. К счастью, учитель раздал классу пособие, включавшее в себя все экзаменационные вопросы (и ответы). В день экзамена Элина ответила на все вопросы… потому что уже видела их.

Элина не удивилась, что получила «А», и была поражена, что некоторые ученики получили «С». Один из них посмотрел на нее и засмеялся над этой нелепостью.

– Разве ты это знаешь?

– А разве ты этого не знаешь? – ответила Элина.

Я говорила с Элиной после того, как она, покинув США, вернулась в Финляндию продолжать образование. В будущем она собиралась работать в области международных отношений. Теперь, по прошествии некоторого времени, меня интересовало, какое мнение сложилось у нее о том, что она увидела в американской школе. Были ли школьники слишком изнеженны? Или перегружены? Слишком разные? Может, они были деморализованы этим стандартным тестированием?

Элина так не думала.

– Американские дети мало занимаются, потому что, ну, им это не нужно. От них многого не требуют, – сказала она. – В Финляндии экзамены представляют собой обычно эссе – 3–4 страницы в качестве ответа. Здесь нужно серьезно учиться. Нужно доказать, что ты это знаешь, а в США я обычно сдавала тест с многовариантными ответами. Это напомнило мне финскую

начальную школу.

На том уроке истории, вспоминала она, класс потратил слишком много времени на изготовление плакатов.

– Мы сделали столько плакатов! Я, помню, сказала подругам: «Вы что, шутите? Еще плакат?» Это было похоже на занятие прикладным искусством, только скучнее. Учитель дал каждому материалы для плаката, а детям нужно было только все это вырезать и склеить. Все плакаты были на одну тему.

Элина сделала вывод, что в Америке ожидания ниже и результаты тоже. Она выбрала курс журналистики в Колоне, который вела знаменитая преподавательница. Ее любили все, включая Элину. И, наверное, важнее, что ее уважали и знали, что на ее уроке чему-то научатся. Тем не менее, когда преподавательница велела всем написать 10 статей к концу семестра, их написала только Элина. Преподавательница рассердилась, но остальные ученики все-таки перешли в следующий класс.

Наблюдения Элины и Ким были крайне анекдотичны. О многом ли можно судить по детским воспоминаниям? Но примечательно, как много детей из разных стран сошлись во мнении по этому вопросу. В большом национальном опросе более половины американских учеников средней школы повторили впечатление Элины, сообщив, что их занятия по истории часто или всегда были слишком легкими. Меньше половины сказали, что им казалось, будто они всегда или почти всегда занимаются математикой.

В моем опросе 202 иностранных школьников по обмену подавляющее большинство сказало, что учиться в США им было легче, чем за границей. (9 из 10 иностранных школьников, приехавших в Америку, сказали, что учиться в США легче, и 7 из 10 американских подростков, уехавших за границу, это подтвердили.) Школы в Америке были разными, но учеба в целом не была трудной.

За год, проведенный в Америке, Элина посмотрела бродвейское шоу и посетила мемориал Джорджа Вашингтона. Она занималась бегом и готовила альбом выпускного класса. Ее удивило, как активно родители участвуют в школьной жизни, гораздо больше, чем финские. Однако в школе Колона – не задавленной бедностью, иммигрантами, преступностью или другими пороками, которые так часто обвиняют в нашем невысоком уровне образования, – она научилась немногому в общепринятом смысле.

Жизнь после школы

Когда в 3.45 заканчивался учебный день, было уже темно. Одноклассники Ким расходились в разные стороны. Ребята из рок-группы шли репетировать, некоторые девочки отправлялись по магазинам. И Ким знала, что никто из них не занимался дополнительно после школы. У финских детей больше свободного времени, чем у американских, и не только потому, что им задают меньше. Они меньше занимаются спортом и меньше подрабатывают.

Ким шла через город в библиотеку и была полна оптимизма. Она подолгу оставалась наедине со своими мыслями. К своему облегчению, она поняла, что жизнь в Финляндии другая. Различия были небольшими: свобода, свежеприготовленная еда в кафетерии, учтивость. Было трудно описать совокупное влияние этих различий, но оно ощущалось в такие дни, как этот – будто ее выпустили из заключения за хорошее поведение.

Этот город был чище и красивее Саллисо, он был построен для людей, а не для машин. Ким шла по кирпичному тротуару, минуя мальчиков с волосами, как у Джастина Бибера, девочек с тату и рекламные щиты с рекламой бикини «H&M». Люди здесь одевались чуть лучше, чем у нее на родине, но не намного. И было не так уж много высоких блондинок, как она ожидала.

В районе, где находилась ее школа, было много деревянных домов XVIII и XIX веков, построенных после того, как в XVIII веке русские разграбили эту деревню и изгнали большинство горожан. Ким помнила все испытания, которые перенес Пиетарсаари, от голода до коммунизма. Его сжигал британский военный флот и бомбили союзные войска во время Второй мировой войны. Загадочная земля умных детей и «Nokia», о которой она читала в Америке, сформировалась довольно недавно.

После библиотеки она пошла в кафе «Немо», одно из ее любимых. Ким приходила сюда так часто, что хозяин-англичанин прозвал ее Оклахомой. Она сделала заказ по-фински, гордясь тем, что привыкла к крепкому финскому кофе.

Пришло время идти домой. У нее не было оправданий. Ким обожала Сюзанну, свою жизнерадостную принимающую маму, но возвращаться домой было тяжело. Несмотря на все ее старания, пятилетние принимающие сестры ее невзлюбили. Они обижались на то, что их мама уделяла внимание этой незваной гостье. Им (а иногда даже самой Ким) было непонятно, зачем их мама пустила в дом еще одну дочь.

Когда Сюзанны не было рядом, девочки называли Ким *tyhmä* и смеялись. Ким посмотрела в словаре: это значило «глупая». Когда она садилась заниматься, они входили и стучали по клавиатуре ее ноутбука. Цифра 4 недавно совсем перестала

работать. Но ее спальня была одновременно их игровой комнатой, и Ким не считала себя вправе их выгонять.

Девочки испытывали ее, как и все маленькие дети. У Ким не было младшей сестры, и она не имела понятия, как и можно ли призвать близнецов к порядку. Это были не ее дети, а она не их сестра. Она винила себя. Каждый день она снова клялась, что сумеет заставить их полюбить себя.

Финляндия во многом стала тем приключением, какого она ожидала. Она прыгала в прорубь на замерзшем озере, следуя дикой традиции, согласующейся с великолепной историей финского стоицизма. Она предвкушала тепло крошечной домашней сауны хозяев, замерзнув по пути домой. Она даже подружилась кое с кем, и не все они были школьниками, приехавшими по обмену.

Для нее самой большой трудностью было то, что она сама не очень-то менялась, – во всяком случае пока. Ким почти все время чувствовала себя неуверенно. В школе она мало общалась, а дома, желая угодить принявшей ее семье, скрывала свою неудовлетворенность. А когда неудовлетворенность в ней нарастала, она становилась тихой и мрачной. Ким сказала себе, что все дело в языковом барьере: трудно иметь собственный голос, когда ты буквально не знаешь слов. Но это ощущение казалось неприятно знакомым, как плохая привычка, которую она привезла с собой из-за океана. В самые темные часы, лежа без сна на своей двухъярусной кровати в Пиетарсаари, она думала: неужели это чувство будет преследовать ее везде?

Глава 6
Целеустремленность

В субботу Эрик вошел в переполненный автобус № 80, идущий от школы до дома. Девчонки перестали визжать при виде его, слава Эрика поблекла. Он подолгу читал «Улисса».

– Привет. Как дела?

Эрик поднял глаза. Корейская девочка с волосами до плеч, собранными под повязку, говорила на безупречном английском с американским акцентом. Он видел ее в школе Намсана и знал, что она живет в том же многоквартирном комплексе, однако не слышал ни у кого столь знакомой интонации, с тех пор как покинул Миннесоту.

– Меня зовут Дженни.

У нее был низкий голос и невозмутимое выражение лица. Но потом она улыбнулась, и все ее лицо осветилось. Эрик тоже улыбнулся.

– Откуда у тебя такой отличный английский?

Дженни засмеялась. Она объяснила, что родилась в Корее, но провела большую часть детских лет в Америке. Потом ее семья возвратилась в Корею. Корейская школа ее шокировала, и она хорошо понимала, что чувствует Эрик.

– Я не могла поверить своим глазам, увидев, как дети спят в классе, но скоро стала одной из них, – сказала она.

В США Дженни занималась плаванием и играла на виолончели. Чаще всего она ложилась спать до 10 часов. В Корее же она стала ходить в хагвоны, как и все другие дети, которых она знала, и почти каждый день ложилась заполночь. Дженни была живым подтверждением того, что ученые называют влиянием ровесника: она вела себя по-разному в зависимости от того, кто сидит рядом с ней.

– Здесь я почувствовала, что надо учиться, потому что все мои друзья делали то же самое.

Эрик проговорил с Дженни всю дорогу до дома. Он испытывал облегчение оттого, что настоящая кореянка подтвердила его мнение. Он не был белым мальчиком, который чего-то не понимал, корейская средняя школа действительно была ужасна. Они с Дженни были одного мнения.

– Дети в обеих странах одинаковые, – сказала Дженни. – Дети есть дети! Просто их по-разному воспитали. У корейских детей есть целеустремленность.

И у Дженни она теперь тоже была. Дженни была 27-й среди

второклассников школы Намсан – примерно из 400 учеников. У нее были другие требования к себе самой в сравнении с теми, какими они были в США.

– Мне нужно больше заниматься. Я жалею, что мало работала в этом году, – сказала она Эрику, качая головой.

Она казалась искренне расстроенной, несмотря на свои успехи. Эрик был озадачен. Это все равно что услышать жалобы олимпийского чемпиона по плаванию, что он не в форме. Дженни входила в 10 % лучших учеников класса, но этого ей было мало. Он стал понимать, что учеба в корейской школе – это мазохизм. Дети ругали себя, чтобы заставить работать.

Как и большинство корейцев, с которыми он познакомился, Дженни многого от себя требовала и была невысокого мнения о своих результатах. Интересно, как бы она стала относиться к себе, живи она в США? Снизились бы ее стандарты до самой земли, точно так же, как они взлетели до самых звезд в Корее? Было ли это побуждение обусловлено окружением?

Дженни собиралась это выяснить. Она сказала Эрику, что на следующий год снова поедет в США, на этот раз в Нью-Джерси. Они опять переезжают.

– Я не хочу расставаться с друзьями, – сказала Дженни, и ее лицо омрачилось. – Но они завидуют тому, что я отсюда вырвусь.

География родительского подхода

Вернувшись домой, Эрик взял игру «Nintendo DS», привезенную из дома. Его младший принимающий брат стал расспрашивать Эрика об играх, в которые он играет.

– Хочешь поиграть? – предложил Эрик.

– Нет, нет, мне нельзя, – сказал тот, покачав головой.

Некоторое время тому назад мама поймала его старшего брата за игрой в «Nintendo DS» до того, как он сделал уроки, и отобрала у него игровую консоль. И это не все: она забрала «Nintendo DS» и у младшего брата. Он был совершенно не виноват, но даже спустя несколько месяцев игрушку ему не вернули. И он не знал, получит ли ее вообще когда-нибудь.

Что до учебы, то принимающую маму Эрика нельзя было не понять: тут она не шла на компромиссы. Они обязаны были усердно заниматься, особенно английским языком, и школа была важнее всего остального.

С американцем она была не столь строга, за что Эрик был ей очень благодарен. Она относилась к нему с терпением и добротой, как будто он ее обожаемый внук. С собственными же детьми обращалась так, как тренер с лучшими игроками. Ее

задачей было готовить этих детей, заставлять их работать и даже штрафовать, чтобы отстоять свое мнение, но не оберегать их от нагрузки.

Из чего Эрик понял, что его принимающая мать вполне типична. Большинство корейских родителей считали себя наставниками своих детей, в то время как американские родители чаще вели себя скорее как чирлидеры. Он видел, что корейские дети очень рано сталкиваются с высокими ожиданиями, и не только в школе.

Воспитание в детях, к примеру, упорства и трудолюбия часто игнорировалось международными исследованиями образования. Собранные данные обычно касались только одной страны и в целом показывали то, чего можно ожидать: дети вовлеченных в их жизнь родителей лучше успевают и ведут себя в школе. Эта динамика в США распространяется на все возрасты, национальности и уровни дохода. Но какого рода родительское участие было важнее всего? И поступали ли родители разных стран по-разному?

Андреас Шляйкер, ученый PISA, после первого теста PISA 2000 г. заметил, что домашнее окружение школьника сильно влияет на оценки. Он решил узнать, как родные влияют на образование ребенка, и пытался убедить страны-участницы опрашивать родителей. Однако большинство руководителей стран были больше заинтересованы в традиционных рычагах образовательной политики – внутришкольных факторах, таких как затраты и величина классов, которые они могли контролировать. И это печально, поскольку родители тоже могут контролировать многое, знай они, что делать.

К 2009 г. Шляйкер и его коллеги убедили 13 стран и регионов включить в PISA родителей. 5000 школьников, сдававших тест PISA, принесли домой специальную анкету для родителей. В анкете спрашивалось, как они воспитывали своих детей и участвовали в их обучении, начиная с самого раннего возраста.

Обнаружились странные закономерности. Например, дети родителей, добровольно участвовавших в школьных мероприятиях, в среднем хуже успевали по чтению, чем дети не участвовавших, даже после проверки других факторов, например, их социоэкономического статуса. Из 13 очень разных стран было только две (Дания и Новая Зеландия), в которых родительское участие вообще оказывало некоторое положительное влияние на оценки, и то небольшое.

Невероятно! Разве родители, участвовавшие в школьной жизни, не показывали своим детям, как высоко они ценят

образование? Разве матери, сопровождавшие детей на экскурсиях, и отцы, приносившие нарезанные апельсины на футбольные матчи, не посвящали своим детям больше времени и энергии? Данные удивляли. Хотя другой ученый в США обнаружил ту же загадочную динамику: участие в школьной жизни и посещение школьных мероприятий не очень-то влияли на успеваемость.

> Корейские дети очень рано сталкиваются с высокими ожиданиями, и не только в школе.

Одно возможное объяснение состоит в том, что родители, вызвавшиеся участвовать, были более активны именно потому, что их дети не так прилежно учатся. И возможно, дети учились бы еще хуже, если б их родители не участвовали в школьной жизни. И опять же может быть, что вовлеченные в нее родители тратили свое время на судейство в баскетбольной игре и проведение школьных аукционов, оставляя меньше энергии на ту деятельность, которая действительно помогла бы их детям в учебе.

И наоборот, другие усилия родителей давали хорошие результаты. Если родители всего мира читали маленьким детям ежедневно или почти ежедневно, то в 15 лет эти дети гораздо лучше успевали по чтению. Это напоминало знакомое клише: «Читайте детям книги». Неужели все так просто?

Да, просто, но все же интересно. В конце концов, что значит читать детям? Читая, вы знакомите их с миром – рассказываете о далеких странах, дымящихся вулканах и маленьких мальчиках, которых отправляли в постель без ужина. Вы просите их рассказать о книге, и ваши вопросы побуждают их думать самостоятельно. Вы не только сообщаете детям о важности чтения, но и познания разнообразных вещей и явлений.

Когда дети взрослели, родительское участие в их жизни, казавшееся самым важным, немного менялось. Во всем мире у родителей, обсуждавших со своими детьми фильмы, книги и текущие события, дети-подростки учились лучше по чтению. И снова родители, беседовавшие со своими детьми о более широком круге вопросов, по существу, учили своих детей мыслить зрело. В отличие от участия в школьной жизни, такого рода усилия давали ясные и убедительные результаты в разных странах и с разным уровнем доходов.

На самом деле 15-летние дети, чьи родители говорили с ними на сложные социальные темы, не только лучше успевали в PISA, но и сообщали о том, что любят читать. В Новой Зеландии и Германии школьники, чьи родители регулярно читали им в их ранние годы в начальной школе, по результатам почти на

полтора года обгоняли школьников, чьи родители им не читали.

Исследование в США повторило эти данные. То, что родители делали для детей дома, значило больше, чем то, что родители делали для их школы. И все же эти данные противоречат идеалам современного родительского поведения в Америке.

Если говорить о стереотипах, американское воспитание в начале XXI века можно назвать родительско-учительским воспитанием (РУВ). РУВ-родители очень любили своих детей и старались участвовать в школьных мероприятиях. Они знали, как важно образование, да и образованны лучше родителей из других стран.

В то же время многие американские родители беспокоятся о том, чтобы не лишать своих отпрысков детских радостей из-за структурированного обучения. Они подозревают, что дети лучше обучаются посредством произвольной свободной игры и что детская психика восприимчива и ранима. В 1980–1990-е американским родителям и учителям твердили, что самолюбие детей нужно защищать от соперничества (и реальности), чтобы они смогли добиться успеха. Доказательств не было, но движение в поддержку самоуважения получило широкое распространение в США. Этим объясняется то, что родители РУВ направляли свои усилия на внеучебную сторону школьной жизни детей. Они с чувством исполненного долга продавали кексы на распродажах домашней выпечки и помогали готовить футбольные команды. Они раздавали похвалы и призы в количествах, не сравнимых с другими странами. Они были помощниками своих детей, их главными фанатами.

Это были родители, которых директор школы Ким в Оклахоме хвалил за участие в жизни школы. И РУВ-родители, конечно, вносили свой вклад в школьную культуру, бюджет и чувство общности. Однако свидетельств того, что РУВ-родители помогли своим детям научиться мыслить критически, было немного. В большинстве стран, где родители прошли опрос PISA, дети родителей, участвовавших в РУВ, по чтению успевали хуже всех.

Корейские же родители – наставники. Наставники тоже очень любят своих детей. Однако они уделяют меньше времени посещению школьных мероприятий и больше домашней подготовке детей: читают им, гоняют по таблице умножения, готовя ужин, и заставляют усерднее учиться. Они считают обучение детей своей работой.

Такого рода воспитание типично для большинства азиатских стран – и для азиатских родителей-иммигрантов в США. В противоположность стереотипу они не обязательно делают детей

несчастными. В действительности дети, воспитывающиеся таким образом в США, обычно не только лучше учатся, но и любят читать и ходить в школу больше, чем их белые ровесники, учащиеся в тех же школах.

Если американские родители клали своим детям под тарелку салфетку с цифрами и считали дело сделанным, то азиатские родители учили детей сложению до того, как они научатся читать. Они делали это систематически, скажем, с 6.30 до 7 каждый вечер, с учебником, а не между делом, как предпочитали учить детей математике многие американские родители.

Родитель-наставник не обязательно много зарабатывает или хорошо образован. Излишне упоминать, что родитель-наставник не обязательно азиат. Исследование также показало, что европейско-американские родители, действовавшие скорее как наставники, обычно воспитывали более умных детей.

Родители, читавшие своим детям еженедельно или ежедневно, когда те были маленькими, растили детей, набиравших на 25 баллов больше в PISA к тому времени, как им исполнялось 15 лет, а это почти целый год обучения. Некоторые родители читали детям почти везде, и даже среди семей одной социоэкономической группы родители, читавшие детям, обычно растили детей, набиравших на 14 баллов больше в PISA. И наоборот, родители, регулярно игравшие с малышами с игрушечной азбукой, не видели такой отдачи.

И как минимум одна форма высокоэффективного участия родителей, по сути, совсем не затрагивала детей или школу: если родители просто читали для собственного удовольствия дома, то их дети тоже чаще любили читать. Эта зависимость наблюдается в очень разных странах и при разных уровнях семейного дохода. Дети видят, что ценно для родителей, и это значит больше, чем то, что они говорят.

Всего 4 из 10 родителей, участвовавших в опросе PISA, регулярно читали дома для своего удовольствия, а если б они знали, что одно лишь это изменение – которое даже может им понравиться – поможет их детям полюбить чтение? Что, если школы, вместо того чтобы умолять родителей пожертвовать им время, кексы или деньги, одолжат родителям книги и журналы и убедят их читать самим и обсуждать прочитанное, чтобы помочь детям? Каждый родитель может сделать то, что формирует хороших читателей и мыслителей, если узнает, что делать.

> Если американские родители клали своим детям под тарелку салфетку' с цифрами и считали дело сделанным, то азиатские родители учили детей сложению до того,

как они научатся читать.

Но родители иногда перегибают палку с зубрежкой и упражнениями, так же как в спорте, и многие корейские родители действительно зашли слишком далеко. Обратное тоже случается. Изнеженный, не приспособленный к жизни ребенок выходит в жизнь, не испытав неудач и не развив самообладания и стойкости – не имея опыта, столь же или более важного, чем академические знания.

Данные говорят о том, что многие американские родители относились к своим детям, как к нежным цветам. В одном исследовании Колумбийского университета 85 % опрошенных американских родителей сказали, что нужно хвалить умственные способности своих детей, чтобы убедить их в том, что они умные. Тем не менее это же исследование показало, что в отношении похвал верно обратное: неопределенная, неискренняя или чрезмерная похвала обычно расхолаживает детей, мешает усердно учиться и делать открытия. Попросту говоря, такие похвалы несут вред.

Похвала должна быть конкретной, искренней и нечастой – тогда она помогает. Однако тот же культ повышения самооценки распространен во многих школах США. В исследовании школьников, учившихся по обмену за границей, проведенном при написании этой книги, около половины американских и иностранных детей сказало, что американские учителя математики чаще хвалят их, чем учителя математики за границей. (Менее 10 % сказало, что их чаще хвалят зарубежные учителя.) Это звучит забавно, потому что американские школьники показывали результаты ниже среднего для развитого мира по математике. Данные подсказывали, что, какими бы ни были намерения американских учителей, вероятно, их похвала не всегда была конкретна, искренна и редка.

Взрослые не должны быть суровыми или безучастными, чтобы помочь детям учиться. На самом деле, просто расспрашивая детей о том, как прошел их учебный день, и проявляя интерес к тому, что они проходили, можно так же повлиять на результаты в PISA, как влияет на него частная внешкольная подготовка. Другими словами, важнее расспросить ребенка о книге, чем поздравить с ее прочтением.

Во всем мире люди, изучавшие родительское воспитание, обычно делили родителей на четыре основные категории: авторитарные родители строго следят за дисциплиной по принципу «делай, что тебе велено». Либеральные обычно терпимы и не расположены к конфликтам. Они ведут себя скорее как

друзья, чем как родители. В некоторых исследованиях либеральные родители были богаче и образованнее других. Нерадивые родители такие и есть: эмоционально холодные и часто отсутствуют. Чаще они были бедны.

И четвертый вариант: авторитетные – смешение авторитарного и либерального типов. Такие родители представляют собой золотую середину: они душевны, отзывчивы и близки детям, но когда дети вырастают, им позволяют свободно пробовать, ошибаться и делать выбор. Воспитывая детей, авторитетные родители также задают им четкие, ясные рамки, правила, которые не обсуждаются.

«Мы достаточно социализированы, чтобы считать, что сердечность и строгость – это противоположности, – пишет Дуг Лемов в книге «Учить, как чемпион». – Дело в том, что степень вашей сердечности не имеет отношения к тому, насколько вы строги, и наоборот. Родители и учителя, умеющие быть одновременно сердечными и строгими, видимо, входят в резонанс с детьми, получая их доверие вместе с уважением».

> Взрослые не должны быть суровыми или безучастными, чтобы помочь детям учиться.

Когда исследователь Джелани Мандара из Северо-Западного университета[40] изучила 4754 подростка из США и их родителей, то обнаружила, что дети с авторитетными родителями имеют более высокую успеваемость, у них реже бывает депрессия и меньше склонность к агрессии, неповиновению и антиобщественному поведению. Другие исследования обнаружили схожие преимущества. Авторитетные родители учили своих детей не унывать, и это явно помогало.

Рискованно делать широкие обобщения относительно людей, основываясь на их этнической традиции, но это исследование предполагает существование прототипов. В США евро-американские родители чаще используют авторитетный стиль, чем латино– или афроамериканские родители, склонные к авторитарному стилю воспитания. (Хотя все этнические группы включают в себя все четыре типа воспитания.) Однако азиатско-американский стиль воспитания – неизменно авторитарный.

Например, исследования показали, что китайско-американские родители активнее занимаются детьми, когда они маленькие: учат их читать, писать и считать. Однако они дают детям гораздо больше свободы, когда те вырастают (эта модель страшно схожа со стереотипом финского воспитания).

– В средней школе азиатские родители-иммигранты скорее придерживаются невмешательства, – говорит Рут Чао, более 20

лет изучавшая типы воспитания. – Они уже не дают прямых указаний и не проверяют домашние задания. Они считают, что если приходится по-прежнему это делать, то у ребенка действительно проблемы.

Изучив эти данные, Шляйкер сам последовал этому совету. Они с женой растили троих детей в собственном доме в Париже. Дети ходили в государственную школу страны, которая, как и США, не показала хороших результатов в тесте PISA. До того как увидеть это исследование, он всегда считал, что идеальный родитель должен несколько часов в день помогать своим детям с домашними заданиями или какими-то школьными проектами. Но с этим было трудно: у него часто не было нескольких свободных часов на то, чтобы заглядывать им через плечо. В результате он делал очень мало.

Данные показали, что у него было больше вариантов, чем он думал. С того момента даже в самые напряженные дни Шляйкер, как минимум, спрашивал своих детей, как у них дела в школе, что они проходили и что им больше всего понравилось. Он говорил с ними о всяких новостях. Он по-прежнему не успевал чаще читать своей младшей дочери, но хотя бы знал, в чем себя винить, а в чем нет. Как любой родитель, он хотел, чтобы его дети выросли думающими, любознательными и умными. Какое облегчение, что есть способы повлиять на их обучение – независимо от того, что станет с французской системой образования.

Чемпионы по тревожности

Накануне большого теста одноклассники Эрика совершали тщательно продуманные ритуалы. Младшие ученики мыли классы для старших. Они снимали со стен плакаты и прятали флаги, чтобы сдающие могли сосредоточиться на экзамене, ни на что не отвлекаясь.

В супермаркете Эрик увидел специальную витрину для необычных свечей, которые родители дарили на удачу своим детям, сдающим экзамен, защитных амулетов на время этого испытания. Родители заходили в храмы и церкви, чтобы помолиться за детей.

Страна просто помешалась. Корейская энергетическая корпорация рассылала команды своих сотрудников для проверки линий электроснабжения, обслуживающих места проведения теста. Утром в день проведения теста фондовая биржа открылась часом позже, чтобы освободить дороги для более чем 600 000 школьников, едущих на тест. Такси предоставляли школьникам

бесплатный проезд.

В тот день, подходя к школе, Эрик услышал приветственные крики. Его одноклассники выстроились в линию у входа, раздавая экзаменующимся чай и размахивая плакатами с надписью «Удачи!». Старшеклассники брели мимо них, опустив головы, как боксеры, выходящие на бой длиной в 9 часов. Школу по периметру охраняли полицейские, чтобы не давать машинам гудеть и отвлекать школьников. Знакомый мальчик объяснил Эрику, что в этот день младшие школьники не учатся. Потом они с Эриком пошли играть в видеоигры.

Позже Эрик поехал купить кое-что в «Shinsegae Centum City» – крупнейшем в мире универсальном магазине. Во время теста по английскому языку на аудирование, когда посадили самолеты, чтобы снизить излишний шум, он был в кинотеатре.

К тому моменту Эрик принял решение – бросить корейскую школу. Так он не дотянет до окончания учебного года. Эрик проводил каждый день будто в огромной клетке, наблюдая, как другие дети крутятся белками в колесе. Колесо это никогда не останавливалось, оно гремело день и ночь. И он устал тихо сидеть в тени этого колеса и ждать, когда начнется его жизнь в Корее.

Если он собирался выучить корейский язык и сохранить рассудок, то должен был общаться. Он знал, что нужно уходить, но не знал как. Эрик надеялся, что, если он оставит среднюю школу, это не будет значить, что он хочет покинуть Корею.

В тот вечер, когда Эрик блуждал по городу, грузовики доставляли ночной выпуск газет с экзаменационными вопросами и ответами, чтобы люди могли изучить их за семейным ужином. Все это представление казалось Эрику мелодрамой, своего рода «Голодными играми»[41] разума. Почему всей стране нужно сдавать тест в один день? Дети в Миннесоте сдают SAT несколько раз в год, что никак не нарушает обычного течения жизни.

Однако ребенок, растущий в Корее, не мог не понять смысла этого действа: образование – наше национальное достояние. Хорошее образование значило больше торгов на фондовой бирже и авиасообщения. Все, от родителей до учителей и полицейских, играли свою роль в этом спектакле.

Загадочное равновесие

В историях Ким и Эрика я заметила нечто общее. В Корее и Финляндии, несмотря на все различия, все – дети, родители и учителя – считали образование серьезной задачей, более важной, чем физкультура или самоутверждение. Это единодушие в

отношении важности напряженной учебы приводило к естественным результатам: не только более сложному и целевому учебному плану, но к более серьезной подготовке в педвузах, более сложным тестам, даже к более серьезным разговорам за обедом в кругу семьи. Все, от начала и до конца, требовало большей отдачи.

В этих странах люди считали образование настолько важным, что до преподавания допускались наиболее образованные и одаренные граждане. Правительства этих стран тратили деньги налогоплательщиков на подготовку и зарплаты талантливых учителей, а не на покупку iPad для первоклассников или уменьшение классов. И не уважение к учителям в обществе вело к успешной учебе, как заявляли после посещения Финляндии некоторые американские чиновники от образования, а уважение к учебе в обществе вело к отличному преподаванию. Конечно, люди уважали учителей, их работа сложна и трудоемка, и им нужно было хорошо учиться, чтобы стать учителями.

Одно вело к другому. Хорошо образованные учителя также выбирали более сложный материал и достаточно свободно им владели. А так как они были более серьезными людьми, выполняющими трудную работу, и все это понимали, то они получали большую независимость в работе. Эта независимость была еще одним признаком серьезного подхода. Учителя и директора школ обладали достаточной свободой действий, чтобы делать свою работу профессионально. Они отвечали за результаты, но были независимы в методах.

Дети тоже были свободнее. Эта свобода была важна, и она не была удовольствием. Напряженная работа по определению подразумевала неудачи: ее просто невозможно выполнять безошибочно. Это значило, что подростки ошибались, пока они еще маленькие и могут научиться наверстывать упущенное. Если они не очень старались, то получали низкие оценки. Последствия этого понятны и предсказуемы. Вместо нескольких стандартных тестов дети сдавали очень серьезный экзамен по окончании средней школы, который действительно влиял на их будущее.

> В Корее и Финляндии, несмотря на все различия, все – дети, родители и учителя – считали образование серьезной задачей, более важной, чем физкультура или самоутверждение.

Как заметила Ким, предполагалось, что подростки могут сами распоряжаться своим временем, и обычно так и было. Интересно, что это еще одно отличие, замеченное школьниками по обмену. 6 из 10 опрошенных школьников сказали, что

американские родители дают детям меньше свободы, чем родители за границей. (Только 1 из 10 сказал, что американские родители дают больше свободы.) Один финский школьник, проведший год в США, пояснил, что разница в следующем:

– В США все сильно контролируют и за всем следят. Ты даже не можешь пойти в туалет без разрешения. Ты должен сдавать все домашние задания, но не должен думать своей головой и сам принимать решения.

Я искала по всему миру указания на то, что в других странах делают правильно, но важные различия не касались расходов, местного управления или учебной программы – все это не имело большого значения. Различия в методах и стандартах были незначительны. Основное отличие было психологическим.

Образовательные сверхдержавы делают ставку на требовательность. Люди, живущие в этих странах, выработали общее мнение о предназначении школы: она существует, чтобы помогать ученикам осваивать сложный учебный материал. Другое тоже было важно, но не настолько.

Ясность цели означала, что все воспринимают школу более серьезно, особенно дети. Самое важное отличие, которое я пока увидела, было в целеустремленности школьников и их родных. Это было заразительно и оказалось важнее, чем я ожидала. Эрик и его подруга Дженни напомнили мне то, о чем я забыла, став взрослой: дети подпитываются друг от друга. Этот цикл обратной связи начинается в детском саду и с каждым годом становится все сильнее, меняя их к лучшему и к худшему. Школы и родители могли повышать целеустремленность школьников посредством разумного, более полноценного тестирования, ведущего к реальным изменениям в жизни подростка. Посредством щедро предоставленной независимости, которая связана с некоторым риском и вознаграждением, и более качественной и сложной учебы, которой руководят самые образованные в мире учителя. Но такая политика порождалась ответственностью. Без нее ничего не получится.

Тогда вопрос, не что делали эти страны, а почему. Почему они выработали единое мнение в отношении серьезного подхода к образованию? В образовательных сверхдержавах каждый ребенок понимает, как важно получить образование. Эти страны в недавнем прошлом пережили историческую неудачу и знают, что такое экзистенциальный кризис. Во многих американских школах, однако, приоритеты были туманны до неразличимости.

В жизни американских школьников и школьной культуре главное спорт, чего никогда не было в большинстве образовательных сверхдержав. Школьники по обмену

единогласно высказались по этому вопросу. 9 из 10 опрошенных мной школьников по обмену из разных стран сказали, что дети в США пальму первенства отдают спорту, и 6 из 10 американских школьников по обмену с ними согласны. Исследователи обнаружили, что американский школьник уделяет спорту вдвое больше времени, чем корейский.

Спорт, без сомнения, приносит большую пользу, вырабатывая командные качества и стойкость, уж не говоря о пользе для здоровья. Тем не менее в большинстве средних школ США только малая часть школьников по-настоящему занималась спортом. То есть они не получали физической нагрузки, и уровень ожирения в США также свидетельствует об этом. Но ценные уроки жизни, уроки лидерства и стойкости, к тому же более применимые в реальном мире, дети могли получить и во время упорной учебы. Во многих школах США спорт прививал лидерство и стойкость лишь одной группе детей, одновременно отвлекая всех детей от учебы.

Дело не в том, что спорт не может совмещаться с учебой, а в том, что спорт не имеет отношения к образованию. В таких странах, как Финляндия, разумеется, существовали спортивные команды. Их тренировали родители или спортивные клубы. Вырастая, большинство детей переключало внимание со спорта на учебу или профессиональные знания – в отличие от типичной модели США. Около 10 % одноклассников Ким в Финляндии занимались спортом, но в местных клубах, не связанных со школой. Многие из них бросали спорт в средней школе, чтобы освободить время для подготовки к выпускному экзамену. Когда я спросила учительницу финского языка Ким, знает ли она учителей, одновременно работающих тренерами, она вспомнила только одного.

– У учителей хватает работы, – сказала она, – и я считаю, этого достаточно.

Достаток сделал строгость ненужной – так исторически сложилось в США. Детям не нужно было овладевать сложным материалом, чтобы преуспеть в жизни – во всяком случае до последнего времени. Набирались другие вещи, включая спорт, которые встраивались в систему образования, и директорам требовалось нанимать людей, совмещающих работу учителя с работой тренера (или наоборот). Этот недостойный союз школы и спорта заставлял школьников-спортсменов тратить огромное количество сил и времени на тренировки до и после учебы.

Образовательные сверхдержавы делают ставку на требовательность.

Конечно, в спорте нет ничего плохого. Но он не рассматривался отдельно. Восхваление спорта в сочетании с менее сложным учебным материалом, высоким уровнем детской бедности и более низким уровнем отбора и подготовки учителей ослабляло интерес к учебе у детей США.

Приоритет спорта намекал им на то, что важно – что действительно ведет к высокому положению, – и был мало связан с тем, что происходило в классе.

Это отсутствие стремления к знаниям осложняло работу учителей, размывая всю систему.

Я почувствовала, что хочу совершить путешествие в прошлое. Теперь, зная, каким стали эти страны, я хотела узнать, как они такими стали. Как они пришли к согласию в отношении требовательности? Как Финляндия и Корея сделали то, что Оклахома сделать не смогла?

В XXI столетии Финляндия стала примером для многих. Она достигла равновесия и гуманности, которых недоставало Корее. Но для большинства стран мира, включая США, вопрос стоял так: что сделать в первую очередь, чтобы их догнать?

География силы воли

В середине 1970-х некоторые экономисты и социологи стали замечать, что академические знания – это еще не все. Казалось бы, очевидно, но в стремлении подсчитывать и сравнивать IQ и баллы за чтение эта простая истина легко забылась. В последующие 30 лет все больше и больше исследований доказывало, что предсказать, кто из детей станет процветать в будущем, могут только их когнитивные способности.

И кое-что еще значило для будущего детей так же много, а порой и больше. Этот другой неизвестный фактор больше связан с мировоззрением, чем способностью решить арифметическую задачу. В одном исследовании американских восьмиклассников, к примеру, лучше всего прогнозировал успехи в учебе не IQ детей, а их самодисциплина.

Владение математикой никогда не заставит прийти вовремя на работу, дописать диссертацию или воспользоваться презервативом. Нет, эти навыки больше зависят от мотивации, эмпатии, самоконтроля и упорства. Это основополагающие привычки, качества «рабочей лошадки», иногда обобщаемые словом *характер*.

Проблема понятия *характер* в том, что оно кажется чем-то неизменным. Но те же самые ученые открыли нечто удивительное: характер пластичен, более пластичен, чем IQ.

Характер мог меняться сильно и довольно быстро – в лучшую и худшую сторону – в зависимости от места и времени.

Так что было бы справедливо допустить, что в разных обществах и культурах делалось больше или меньше, чтобы содействовать развитию этих черт в детях. В Финляндии Ким заметила очень важное, по ее мнению, отличие. Оно, по ее словам, заключается в том, что дети и учитель любят школу. Эрик тоже наблюдал такое рвение – чрезмерный и иногда нездоровый корейский ее вариант.

Любовь к школе – не самая важная черта, это очевидно. Но во всем мире именно такое рвение значило больше, чем раньше, хотя бы в экономическом отношении. Исследование пока не определило все качества, значимые для молодого человека, но можно ли было сравнить силу этого рвения в разных странах? Был ли какой-то способ измерить то, что заметили Ким и Эрик? И можно ли культивировать настойчивость в тех местах, где она нужнее?

Ученые пытались это выяснить. В опросах детей обычно просили описать их собственную мотивацию и позицию, что помогало очистить их ответы от культурных предубеждений. Школьник из Кореи, сказавший, что учится без усилий, совсем иначе понимает слово «усилия», чем типичный школьник Великобритании или Италии.

В 2002 г. ученые Пенсильванского университета кое-что придумали. Они решили, что смогут оценить упорство и мотивацию школьников, изучая не их ответы на вопросы международных тестов, а то, насколько тщательно школьники отвечали на анкеты, включенные в эти тесты.

После теста PISA и других международных экзаменов школьники обычно заполняли анкету о своей семье и других жизненных обстоятельствах. На вопросы этих анкет не было готовых ответов. И профессоров Эрлинга Бо, Роберта Боруха и молодого аспиранта Генри Мэя даже не интересовали ответы. Они хотели проследить, насколько прилежно школьники заполняли эти документы. Они изучили анкеты, прилагавшиеся к тесту 1995 г., который сдавали дети разных возрастов более чем 40 стран (под названием «Тенденции международного изучения математики и естественных наук»).

Исследователи очень скоро столкнулись с несколькими неожиданностями. Во-первых, школьники во всем мире на удивление податливы. Абсолютное большинство послушно ответило на большую часть вопросов, хотя анкета никак не влияла на их жизнь. Самый низкий процент ответивших для любой страны был равен 90. Было некое колебание внутри той

или иной страны, но оно мало что говорило о школьниках.

Однако различие в прилежности между странами было значительно. В сущности, это различие оказалось единственным лучшим прогностическим показателем того, как страны справлялись с основной частью теста.

Этот простой критерий – скрупулезность, с которой школьники отвечали на вопросы анкеты, – был более прогностичен для результатов страны, чем социоэкономический статус, размер класса или любой другой исследованный фактор.

Как же так? Когда Мэй повторил этот анализ с данными PISA за 2009 г., то увидел ту же динамику: половину колебаний оценок разных стран за тест по математике можно было объяснить тем, какую часть личной анкеты в среднем заполнили в этой стране.

В США участники в среднем ответили на 96 % вопросов анкеты, что, казалось бы, довольно много. Однако США были всего лишь 33-ми по добросовестности. Корея стояла 4-й. Финляндия – 6-й. Дети там ответили на 98 % вопросов. Кажется, примерно то же самое, верно? Но небольшая разница в проценте среднего ответа прогнозировала большие различия в оценках за тот же тест.

Дети в Финляндии и Корее ответили на большее число вопросов демографического обследования, чем дети в США, Франции, Дании или Бразилии. Причины такого явления остаются загадкой. Мэй задавался вопросом: может, PISA и другие международные экзамены оценивали не знания, а послушание; культура некоторых стран такова, что дети серьезнее относятся ко всем тестам и авторитетам. Нетрудно догадаться, что это были Япония, Корея и другие страны с лучшими оценками в PISA. Вероятно, потому эти дети более тщательно ответили на вопросы анкеты, а также лучше ответили на теоретические вопросы. Эти дети были конформистами, соблюдавшими правила. В то же время в других странах индивидуализм ценили больше исполнительности. Вероятно, дети там просто не считали, что обязаны серьезно относиться к опросу.

– В некоторых странах многим детям будто нравится небрежность. Они и понижают средний показатель, – сказал Мэй.

Тогда почему школьники США гораздо лучше сдают тест на чтение и плохо математику? Если б их вообще не беспокоили результаты тестов или авторитеты, они, по-видимому, сдали бы плохо все предметы. Более того, мы бы, наверное, не увидели, как страны, подобные Польше, взлетели вверх за очень короткое время. Было трудно представить, что поляки стали такими конформистами за период 3–9 лет.

Школьник из Кореи, сказавший, что учится без усилий, совсем иначе понимает слово «усилия», чем типичный школьник Великобритании или Италии.

Никто не знает наверняка, но, возможно, прилежание, проявленное детьми при ответе на вопросы анкеты, отражало их прилежание в целом. Иначе говоря, наверное, некоторых детей в школе научили доделывать начатое – продолжать, даже когда это не приносит особенного удовольствия. Обратное также было верно. Некоторые дети не научились упорству, и упорство не так уж высоко ценилось в их школе или в обществе.

Добросовестное заполнение анкеты могло казаться ерундой, но в жизни добросовестность важна. Ответственность, трудолюбие и организованность важны на каждом этапе жизни человека. Добросовестность даже предсказывает продолжительность жизни с большей точностью, чем умственные способности или окружение.

Как могла бы выглядеть карта добросовестности? Может, менее важно найти умных детей, а важнее найти тех, кто доводит дело до конца, каким бы оно ни было. Существовали ли страны, культивировавшие добросовестность так же, как другие культивировали гимнастику или футбол?

Результаты анкеты дали некоторые подсказки, но не все из них очевидны. Страны, в которых дети ответили на вопросы анкеты более серьезно, не обязательно самые богатые: как всем нам известно, достаток не всегда порождает упорство. На самом деле страна с самым большим количеством ответов на вопросы анкеты имела почти такой же уровень детской бедности, как и США.

Это была Польша.

Глава 7
Метаморфоза

Дети Бреслау, волоча чемоданы, плелись за своими мамами и видели, как на землю опускаются листовки. Они смотрели вверх, щурясь на ясное небо, где виднелся силуэт советского самолета. А вокруг мягко, как снег, ложились на землю листовки со словами: «Немцы! Сдавайтесь! Вам ничего не будет!»

22 января 1945 года Бреслау был крупным промышленным центром тогдашней Восточной Германии. Вторая мировая война в основном пощадила город. Его 800-тысячное население, средневековая площадь и оружейные заводы находились вне досягаемости бомбардировщиков союзных войск. Большинство жителей могло надеяться, что когда-нибудь жизнь снова наладится.

Однако теперь Красная армия прорывалась на запад вдоль Одера и наступала на город. Разведка сообщала, что численность советских солдат превосходила немецких в соотношении 5:1.

Когда нацисты наконец позволили женщинам и детям покинуть город, было слишком поздно. Люди бросились на вокзалы и за пределы города, заполнив улицы, уже полные беженцами из других немецких городов. Женщины катили коляски с кастрюлями и сковородами, а мужчины, которым приказали сражаться до конца, поднимались на церковные колокольни с пулеметами в руках. Было –16°, и многие беженцы замерзли, не успев дойти до соседнего города. Природа довершила начатое человеком. До того как упала первая бомба, уже погибло около 90 000 человек, пытавшихся спастись.

Ночью 13 февраля советские танки окружили город. Канонада с каждым днем звучала все громче, пока не взорвалась уличными боями. Советские войска прокладывали себе дорогу через ряды домов исторической застройки Бреслау, стена за стеной, занимая разрушенный город.

Отступающие немцы бросали гранаты в окна и поджигали все вокруг, пытаясь задержать наступление советских войск. Бомбардировка достигла крещендо после Пасхи. К 30 апреля сдался даже Гитлер, покончив с собой в берлинском бункере. Но осада Бреслау продолжалась, не подчиняясь логике.

Бреслау капитулировал 6 мая. Три четверти города было разрушено до основания за два с половиной месяца. И всего лишь через три дня закончилась самая страшная война. То, что осталось от Бреслау, разграбили и сожгли советские солдаты.

В Польше произошло нечто примечательное. Она сумела сделать то. чего не смогли другие страны.

С 2000 по 2006 г. средняя оценка за чтение в тесте PISA у польских 15-летних подростков подскочила на 29 баллов.

Союзники перекроили карту Европы. Сталин, Черчилль и Рузвельт уничтожили Бреслау подобно шахматной фигуре. Они перебросили его польской стороне под новым названием Вроцлав. Большую часть оставшихся немцев выгнали из города, и сотни тысяч измученных польских беженцев хлынули туда, чтобы занять жилье – в прямом смысле, – въезжая в дома, принадлежавшие немцам, порой еще до того, как их покинули владельцы.

Это был город, в котором жил Том. Чтобы его узнать, нужно было изучить его непростую историю, полную белых пятен. За века город сменил более 50 названий. Жившие в нем люди, в основном поляки, никогда не жили в настоящем. Слишком много призраков в этом городе, слишком много параллельных историй…

Поляки-пионеры, как их назвали, смело обновляли обретенный город. Они переименовали улицу Адольфа Гитлера в честь польского поэта Адама Мицкевича, стадион Германа Геринга стал называться «Олимпийским». Но они жили в городе призраков. Во всем – в разрушенных статуях и бледных контурах стертых свастик – они видели напоминания о своих нацистских гонителях.

У новоприбывших практически не было времени раздумывать над этими парадоксами. Вскоре после Второй мировой войны Польша на 40 лет подпала под власть коммунистов. Десятки тысяч поляков, включая сотни священников и политических активистов, оказались в тюрьмах. Тайная полиция проверяла каждый район. Во Вроцлаве снова переименовали улицы. Одна тирания сменила другую.

Польское чудо

Защитники посредственной американской системы образования, те, кто винил в наших проблемах бедность и язвы общества, говорили так, будто Америка имеет монополию на трудности. Наверное, они просто не были в Польше.

Трудно перечислить все беды, случившиеся в Польше за полвека. После падения коммунизма в 1989 г. ее охватила гиперинфляция: полки продовольственных магазинов были пусты, и матери не могли купить молока детям. Страна была на

грани хаоса, если не гражданской войны. И все же Польша пережила еще одну трансформацию, объявив открытыми свои политические институты, чтобы превратиться в рыночную демократию. Улицы Вроцлава переименовали в третий раз. В город даже вернулась маленькая еврейская община.

К 2010 г., когда Том приехал из Геттисберга, Польша присоединилась к Евросоюзу. Однако страна все еще боролась с лишениями, преступностью и разного рода отклонениями. Когда Том находился там, местные футбольные команды стали играть на пустых и тихих стадионах, где раздавался только стук мяча. Болельщики так буйно себя вели, что им запретили присутствовать на играх собственных команд.

Почти каждый шестой польский школьник жил бедно (в США беден каждый пятый ребенок). Трудно сравнить соответствующие уровни уныния, но данные показывали, что бедные дети в Польше жили несладко. В сравнительном анализе материального благополучия детей, проведенном ООН, Польша стояла самой последней из стран развитого мира.

Как и США, Польша – большая страна, где люди не доверяют централизованной власти. Однако в Польше произошло нечто примечательное. Она сумела сделать то, чего не смогли другие страны. С 2000 по 2006 г. средняя оценка за чтение в тесте PISA у польских 15-летних подростков подскочила на 29 баллов. Будто польские дети как-то вложили в свои головы еще почти три четверти учебного года. Меньше чем за 10 лет они поднялись с уровня ниже среднего для развитых стран до высшего. Оценки США за тот же период остались прежними.

Том жил в том переходном периоде, который Финляндия и Корея миновали десятки лет назад. Возможность увидеть эту перемену вблизи была еще одним плюсом путешествия во времени. Польша все еще не присоединилась к ведущим образовательным сверхдержавам. Но в отличие от США значительно улучшила свои результаты всего за несколько лет – несмотря на преступность, бедность и тысячу других уважительных причин, по которым должна была потерпеть неудачу. Эта история не завершилась, но довольно неожиданно стала оптимистичной.

Из Пенсильвании в Польшу

Я встретилась с Томом в центре Вроцлава у великолепного старого отеля, в котором останавливались Адольф Гитлер, Пабло Пикассо и Марлен Дитрих. На нем были джинсы и мятая рубашка с пуговицами на воротнике и рукавами, подвернутыми выше

локтя. Ему было 18, он учился в выпускном классе средней школы. С момента его приезда из Геттисберга принимающая польская мать безуспешно пыталась откормить этого тощего парня.

Мы гуляли по старому городу, который выглядел именно так, как его описывал Том несколько месяцев назад: эклектичный коллаж барочных соборов, булыжных мостовых и больших квартир в брутальном советском стиле. На средневековой площади, называемой Рынок, туристы пили пиво «Piast» в открытых кафе под часами XVI века, показывающими фазы луны, а мимо шли польские бабушки в платках с пакетами под мышкой. Рыночную площадь много раз восстанавливали и реставрировали. Этот последний вариант был слишком ослепителен, а краска чуть ярче, чем нужно, но все же он был великолепен по масштабу и размаху.

Мы зашли в кафе «Literatka», которое, как и все остальное, являлась причиной, по которой Том покинул Пенсильванию. В маленьком зале с кружевом дыма, висящим в воздухе, сидело несколько человек, склонившись над книгами и ноутбуками. Никто на нас не взглянул.

Том провел меня через кафе с гордостью, с какой другие подростки хвастаются своей новой машиной. На стенах ярусами до самого потолка висели книжные полки. Тоненькие книги по химии стояли рядом с поблекшими книгами по философии. Когда Том еще в Штатах мечтал о Восточной Европе, он представлял себе именно такое место.

Прошло шесть месяцев с тех пор, как польская учительница вызвала его к доске решить задачу и он не смог. С тех пор на математике его не вызывали. Он, однако, разучил «Прелюдию ми-минор» Шопена на фортепиано, как и мечтал, а еще стал довольно неплохо говорить по-польски. И хотя он не слышал, чтобы здесь часто упоминали Набокова, но один раз при нем двое пожилых людей спорили о философии за одним из мраморных столиков кафе «Literatka». Том восхищенно смотрел на них из-за своего MacBook.

– Nie rozumiesz filozofii! (Ты ничего не понимаешь в философии!) – воскликнул один из них и встал.

Это было прекрасно.

Дети Бермудского треугольника

Мы вышли из «Literatka» и направились к школе Тома LO XIII, известной как № 13. Школа находилась около одного сомнительного места под названием Trójkat Bermudzki, или

Бермудский треугольник. Он заслужил это название много лет назад, когда чужаки, забредавшие в этот район, бесследно пропадали. С тех пор уровень преступности снизился, но район остался неприятным местом. Всего несколько недель назад здесь среди бела дня ограбили друга Тома, угрожая ему ножом.

Вдоль улиц Треугольника стояли высокие, богато украшенные дома, пережившие Вторую мировую войну, но теперь обветшавшие. Потемневшие статуи смотрели вниз с разбитых фасадов. Из подъездов воняло мочой, и розовые поблекшие фрески на стенах были исписаны. Финляндия ушла далеко вперед.

Мимо нас прошел ребенок, направляясь на спортплощадку. До 2007 г. здесь было поле, и дети Треугольника тогда тоже играли здесь, поскольку больше играть было негде. Когда однажды приехал экскаватор, чтобы превратить это поле в автостоянку, дети протестовали, отказываясь уступить свой клочок земли. Они сделали плакаты из деревянных щитов: «Нам нужна спортплощадка!», «Экскаватор, уезжай!». Их лидер, 16-летний Кристек, который, похоже, далеко пойдет, пригласил журналистов. Застройщики уступили, согласившись построить небольшую стоянку и скромную спортплощадку.

Детям Треугольника жилось непросто. У одних отцы сидели в тюрьме, у других матери слишком много пили. Были дни, когда дети приходили в школу усталыми и голодными. Со стороны это место мало чем отличалось от американского гетто.

Однако за последние 10 лет для детей Треугольника кое-что изменилось – то, что трудно было увидеть на улице. Эти дети проводили свои дни в системе образования, расширявшей границы возможного. Перемены произошли не на периферии, где всегда происходит большинство реформ, они пробились до самого центра, в корне видоизменяя структуру и сущность образования в Польше и давая этим детям больше возможностей, чем они имели бы во многих школьных округах США – страны, гораздо более богатой. Эти дети по-прежнему жили в Треугольнике, но они, говоря языком статистики, вряд ли были потеряны навсегда.

Алхимик

В 1997 г. Мирослав Хандке стал министром образования Польши. Это был человек со стороны, химик с белыми усами и резкими линиями черных бровей, восточноевропейский вариант Шона Коннери. Хандке получил образование в AGH Краковского технологического университета. Он опубликовал более 18 работ

по свойствам минералов и стал ректором этого университета, одного из лучших в Польше. Однако он почти ничего не знал о стандартах или методике образования. Неосведомленность сослужит ему добрую службу, во всяком случае поначалу.

К тому времени 38-миллионное население Польши пережило несколько лет экономической шоковой терапии, целью которой было сближение с Западом после падения коммунизма, а пока снижалось государственное регулирование и шла приватизация, что делало Польшу одной из наиболее быстро растущих экономик мира: безработица постоянно уменьшалась вместе с инфляцией.

Теперь страна снова была у края пропасти: без неотложных социальных реформ здравоохранение, пенсии и система образования могли высосать все соки из польской экономики, снова взвинтив инфляцию и не давая выбраться из коммунистического болота к европейской мощи.

А самым губительным было то, что взрослые граждане Польши не знали, как конкурировать в современном мире. Только половина взрослого сельского населения окончила начальную школу. Поляков ожидала неквалифицированная и низкооплачиваемая работа, которую не хотят выполнять другие европейцы.

Перед угрозой экзистенциального кризиса Хандке изучил системы образования других стран, включая США, где он прожил два года. Он объехал Польшу, встречаясь с учителями, учеными и политиками. Весной 1998 г. он и новый премьер-министр Ежи Бузек (еще один преподаватель химии) объявили о ряде реформ, каких они, наверное, никогда не предложили бы, если бы имели больше политического такта в отношении образования.

– Нам нужно изменить всю систему – вывести ее из равновесия, чтобы она могла снова достичь равновесия, – сказал Хандке.

Он по-прежнему преподавал химию, теперь уже 38 миллионам человек.

Чтобы снова прийти в равновесие, страна должна была войти в так называемую переходную стадию. Она, по словам Хандке, могла дать школьникам шанс и состояла из четырех главных частей, изложенных в 225-страничной оранжевой книге, разосланной во все школы страны. Первое: реформы должны были ввести в систему основательность. Новая базовая учебная программа заменяла старые, до абсурда упрощенные требования, вынуждавшие учителей давать слишком много материала слишком кратко. Новая программа должна была поставить фундаментальные цели, а детали оставить на усмотрение самих школ. В то же время правительство требовало от четверти

учителей вернуться к учебе и повысить собственный образовательный уровень.

> Новая базовая учебная программа заменяла старые, до абсурда упрощенные требования, вынуждавшие учителей давать слишком много материала слишком кратко.

Вместе с основательностью пришла ответственность. Чтобы проверять, как учатся школьники, требовалось регулярно проводить типовые тесты в течение всего периода школьного обучения – но не так часто, как у американских детей, а только в конце начальной, младшей средней и средней школы. Эти тесты должны быть одинаковыми по всей стране, для миллионов польских детей.

Тесты для самых маленьких помогли бы определить, какие школьники, а также учителя и школы больше нуждаются в помощи. Тесты для более старших тоже должны были иметь последствия, установив, в каких средних школах и затем университетах они могут учиться. Все школьники впервые сдавали вступительный экзамен в университет в конце средней школы, и экзамены теперь принимали не их учителя. Таким образом, университеты и работодатели могли быть уверены, что результаты теста везде будут равноценны.

Поляки еще не знали этого, но такого рода целевое стандартизованное тестирование окажется решающим в любой стране со значительной бедностью согласно анализу PISA, что станет известно годы спустя. Во всем мире системы образования, использующие стандартизованные тесты, обычно бывают хорошими, с меньшим разрывом между тем, что знают богатые и бедные дети. Даже в США, где тестам исторически недостает строгости и целенаправленности, за время широкого распространения стандартизованных тестов у школьников-афроамериканцев и латиноамериканцев повысились оценки за чтение и математику.

Почему тесты в целом сделали школы лучше? Тесты помогли увидеть, что делается верно, а что нет и кому нужна помощь. Эта адекватная самооценка была предварительным условием, а не решением. Выявление проблем не гарантировало, что они будут исправлены, и это доказано тысячами американских школьных округов во время реализации программы «Ни одного отстающего ребенка». Но определение проблем – необходимый первый шаг в странах с большими расхождениями в знаниях детей.

Третья реформа был самой важной: нужно было буквально, а не только в теории повысить ожидания в отношении

возможностей детей. Чтобы это сделать, дети должны были оставаться вместе в той же учебной обстановке еще год, эквивалентный первому году учебы в средней школе. Вместо того чтобы разделиться на несколько потоков и влиться в профессиональные или учебные программы в возрасте 15 лет (эта практика называется разделением на потоки), школьники должны были до 16 лет ходить в те же школы. Эта разница всего в 12 месяцев должна была принести удивительные результаты.

В Польше отсроченное разделение на потоки означало необходимость создания 4000 новых школ практически за один день. Не было другого способа вместить всех школьников, которые в 16 лет обычно переходили в ПТУ.

Здесь Хандке мог бы остановиться. Новая базовая программа, более строгие требования к тестированию и тысячи новых школ представляли собой массовую дезинтеграцию, подобных которой не знал ни один американский штат в такой короткий срок.

Но встала очевидная проблема. У поляков была свежа память о коммунизме, и было невозможно навязать им такие изменения от лица центральной власти, не предоставляя взамен других свобод. Чтобы получить бóльшую ответственность, Хандке решил вознаградить школы бóльшей властью.

Автономия была четвертой реформой. Учителя смогли бы свободно выбирать учебники и собственную учебную программу из более чем 100 утвержденных вариантов вместе с собственным профессиональным усовершенствованием. Они могли бы зарабатывать бонусы, исходя частично из того, насколько они повысят квалификацию. В развивающейся стране, где о людях судят по тому, сколько они зарабатывают, денежное вливание сигнализировало бы всем, что учителя больше не чернорабочие. Директор в то же время нес бы полную ответственность за учителей, которых нанимает. Местные власти полностью управляли бы планированием расходов, включая то, где и как открыть новые школы.

Иначе говоря, новая система требовала большей ответственности за результаты, одновременно давая большую независимость в методах. Эта динамика обнаруживается во всех странах, сильно улучшивших свои результаты, включая Финляндию, и, собственно говоря, в каждой высокопроизводительной организации, от Береговой охраны США до Apple Inc.

По словам Хандке, все эти изменения должны были произойти за год.

Шоковая терапия

Оранжевая книга вызвала острую реакцию. Некоторые поляки одобряли смелый план Хандке.

– Это наш билет в Европу и современный мир, – провозгласил журналист «Gazeta Wyborcza» – одной из самых крупных газет Польши.

А вот профсоюз учителей выступил против реформ, упрекая Хандке в попытке изменить слишком многое слишком быстро при слишком слабом финансировании. В другой статье той же газеты один директор школы пророчил катастрофу:

«Можно ожидать снижения уровня образования большинства молодых людей, углубления неграмотности и широкого распространения нежелания получать дальнейшее образование».

Момент был исключительным: правительство одновременно проводило реформы здравоохранения и пенсионной системы. Головокружительная скорость изменений служила Хандке прикрытием.

1 сентября 1999 г. по всей Польше открыли двери 4000 новых школ. Преобразование началось. Хандке мудро начал этот день с молитвы. В древнем польском городе Гнезно он побывал на специальной мессе в готическом соборе. Потом поехал на торжественное открытие новой школы. И пообещал, что новая система будет «более творческой, справедливой и не будет забивать детские головы лишней информацией». Новая система, рассчитанная на мир будущего, а не прошлого, будет учить детей думать.

> В развивающейся стране, где о людях судят по тому, сколько они зарабатывают, денежное вливание сигнализировало бы всем, что учителя больше не чернорабочие

Это был сумасшедший день. Многие учителя и директора школ были к нему не готовы. Во многие отдаленные провинциальные города, где жили школьники, не приехали автобусы. Родители, учителя и директора были очень недовольны переменами. Оранжевые книги содержали прекрасные идеи, но они не убедили людей и учителей, что изменения разумны. В конце учебного года 60 % опрошенных поляков сказали, что они не считают, будто реформы гарантируют равную доступность образования. Никто, включая Хандке, не знал, стоит ли игра свеч.

«Мы не хотим отставать»

Пока химик Хандке нарушал равновесие в Польше, физик

Шляйкер пытался убедить страны участвовать в первом тесте PISA. Многие согласились, но не Польша.

У Польши был маленький опыт участия в международных экзаменах, и многие считали, что деньги лучше истратить на что-то другое. Тем не менее несколько руководителей, таких как Ежи Вишневский, советник министерства образования и бывший учитель математики, лоббировал участие Польши в этом эксперименте. Для них PISA представлял современность – рациональный и сложный метод для промышленно развитых стран.

– Единственная все еще отвергающая его развитая страна – Турция, – отметил Вишневский. – Но мы не хотим отставать.

> 1 сентября 1999 г. по всей Польше открыли двери 4000 новых школ. Преобразование началось.

Сработало давление со стороны остальных участников, и в 2000 г. 15-летние школьники Польши сдали тест PISA. Тогда никто этого не понимал, но время было выбрано прекрасно. PISA по стечению обстоятельств собрал данные о состоянии системы образования Польши до и после реформ.

Польские дети, сдававшие первый тест PISA в 2000 г., выросли при старой системе. Половина из них уже перешла в профессиональные училища, а половина в общеобразовательные школы. Они были, так сказать, контрольной группой.

Никто в Польше и не ожидал, что они станут первыми в мире, но результаты все равно приводили в уныние. Польские 15-летние дети стали 21-ми по чтению и 20-ми по математике, ниже США и ниже среднего результата для развитых стран. Если б студентов ПТУ оценивали отдельно, то неравенство было бы вопиющим. Более 2/3 школьников оказались на самом низком уровне грамотности.

В 2003-м тест PISA сдавала новая группа польских 15-летних школьников. Они провели годы начальной школы при старой системе, но к тому времени учились в новых гимназиях. В отличие от предшественников их еще не разделили на потоки. Они были экспериментальной группой.

Результаты снова шокировали. Польша, ставшая главным объектом шуток во всем мире, заняла 13-е место по чтению и 18-е по математике, чуть выше США по обоим предметам. За 3 года Польша догнала развитый мир!

Как им это удалось? Обычно долгие годы уходят на то, чтобы реформы дали результаты, а многие из них вообще не срабатывают. Но этот успех оказался стойким. К 2009 г. Польша превосходила США в математике и естественных науках, хотя

тратила вполовину меньше денег на одного школьника. В чтении и математике самые бедные школьники Польши опережали самых бедных детей США. Это исключительное достижение, учитывая, что они были в худшем положении, чем беднейшие дети Америки.

Эти результаты предполагали конкретную возможность для остального мира: наверное, бедные дети могли учиться больше, чем они учились. Наверное, не все было потеряно. Более того, 85 % польских школьников в тот год окончили среднюю школу, в сравнении с 76 % в США.

За тот же период США провели свою реформу образования, включавшую увеличение количества тестов и общественное порицание слабых школ в соответствии с программой «Ни одного отстающего ребенка». Но все это время оценки американских детей в PISA оставались почти без изменений. США усилили давление на школы, но мало что сделали для того, чтобы ввести требовательность в систему образования, отсрочить деление школьников на потоки или дать независимость лучшим учителям.

Изучив данные, Вишневский понял, что показатели Польши улучшились в основном благодаря школьникам, поступившим в ПТУ. Их оценки взлетели вверх, повышая уровень всей страны. Польские школы тоже стали более сопоставимыми. Расхождение в оценках разных школ снизилось больше, чем в любой другой развитой стране. Детство в Польше вдруг стало на порядок лучше. И это улучшение случилось не за счет самых продвинутых детей, тоже повысивших свои оценки. Более 1/3 польских подростков поднялись на две высших ступени грамотности, превзойдя средний показатель стран развитого мира.

Что повлияло на ситуацию? Исследование, проведенное Вишневским и его коллегами, показало, что из всех реформ одна – отсрочка деления на потоки – была важнее всего. Дети, которые в других обстоятельствах были бы переведены в ПТУ, в 2000 г. набрали примерно на 100 баллов больше своих сверстников – тех, кто уже был переведен туда к этому моменту. Требования выросли, и дети им соответствовали.

4000 новых школ, как оказалось, дали такой импульс системе, какого никто не ожидал. Директора новых школ были, как правило, амбициозны, и им позволили самим подобрать себе учителей. Новая система отобрала самых талантливых, и новые школы стали престижными. Остальным образовательным учреждениям новые школы сигнализировали о том, что это настоящие реформы, а не очередная политическая потуга, которую можно игнорировать.

Хандке радовался, видя в результатах PISA поддержку своих

реформ.

– Наша молодежь стала мыслить!

Но эти данные также вызывали и тревогу: ожидания могут снизиться так же быстро, как и выросли. В 2006 и 2009 годах Польша дала тест PISA выборке 16– и 17-летних подростков, чтобы узнать, что происходит, когда они заканчивают учебу в ПТУ. Невероятно, но успехов больше не было: разрыв в результатах из первого теста PISA вернулся через год. К 16 годам учащиеся училищ успевали гораздо хуже учащихся общеобразовательных школ. Реформы отсрочивали это расхождение, но не устраняли его.

Вишневский был озадачен. Как это прогресс мог так быстро сойти на нет?

– Видимо, дело в мотивации, – сказал он. – Нужно продолжать исследования. Но влияние ровесников очень важно.

Что-то случалось с детьми, когда они поступали в ПТУ, где были другие школьники и учителя. Они будто в один миг теряли свои способности, а может, стимул.

Одаренные и талантливые в Америке

Интуитивно понятно, что деление учеников по успеваемости имеет смысл. Класс должен работать более эффективно, если все дети находятся на одном уровне. В жизни, однако, учащихся второго уровня всегда сопровождают средние возможности.

Говоря языком статистики, деление учеников на классы по успеваемости обычно снижает успеваемость и повышает неравенство, где бы его ни применяли. В целом чем раньше проводили деление учеников по способностям, тем хуже вся страна сдавала PISA.

В Пенсильвании Тома отделили в начале 3-го класса. Том прошел тестирование, и в 8 лет его определили в группу одаренных детей. Сначала это разграничение было малоэффективно. Раз в неделю отобранные дети на специальных занятиях изучали латинский язык и раньше других учились делить в столбик. Позже Тома перевели в определенный поток. К 15 годам все его основные предметы считались в чем-то продвинутыми. Он изучал английский, обществознание и естествознание на так называемом ускоренном курсе обучения с другими хорошо успевающими школьниками. Он видел детей своего возраста с другого потока только в спортзале, на уроках искусства и других второстепенных занятиях.

Трудно сказать, какой результат дает это разделение, однако бесспорно, что дети, которым говорят, что они одаренные,

вероятно, будут считать себя такими, а те, которым не говорили, вероятно, не будут.

В школе Геттисберга было три основных потока. Самый серьезный – ускоренный курс, переходивший в программу углубленного изучения в 11–12-м классах. Второй уровень обычный – для всех детей. И еще один поток – эвфемистически называемый *практическим*. Туда вошло 10–15 % одноклассников Тома, которые почему-либо не замахивались на большее. Вместо английского они изучали предмет «Английский язык на рабочем месте». У каждого был свой путь независимо от того, куда он метит.

> К 2009 г. Польша превосходила США в математике и естественных науках, хотя тратила вполовину меньше денег на одного школьника.

Говоря о делении на потоки, обычно подразумевают такие страны, как Германия или Австрия, где школьники переводятся в разные школы в зависимости от их устремлений. Деление учеников по успеваемости производится в разных странах, таких как США, Великобритания, Канада, Япония, Норвегия и Швеция, по-разному. Но деление учеников на потоки по успеваемости в начальной школе – исключительно американская методика. Разделение начинается в очень раннем возрасте в форме образцовых школ, программ для отличников, программ повышенной трудности или Международного бакалавриата. На самом деле США – одна из немногих стран, где школы не только разделяют младших школьников по способностям, но и учат их другому на продвинутом потоке. В других странах, включая Германию и Сингапур, все учатся по единой программе, а «продвинутые» же дети просто изучают те же предметы углубленно.

В то же время постоянная сегрегация школ США по национальности и доходу де-факто создала еще одну систему разделения, в которой нацменьшинства и бедняки чаще учатся в худших школах с меньшим количеством классов повышенной сложности и менее опытными учителями.

К началу XXI века многие страны стали постепенно откладывать разделение на более поздние годы. И дети стали учиться лучше! В большинстве польских школ разделение проводят в 16 лет. В школе Тома во Вроцлаве сортировка уже произошла: приняли только от трети до половины школьников, подавших заявление. Том видел учеников профессионального потока только на физкультуре. Они кончали заниматься, когда приходил его класс.

В Финляндии детей тоже делили. Как и в Польше, разделение происходило в 16 лет. Однако финские школы следуют строгой этике равенства. Учителя, как правило, не могут задержать детей или продвинуть их, когда они не готовы. Остается единственный вариант: все дети должны учиться, а поэтому финская система образования инвестирует деньги в детей, нуждающихся в помощи. Как только маленькие дети обнаруживают признаки отставания, учителя слетаются к ним, как аварийная бригада. Около 1/3 детей получают такую помощь в первые 9 лет учебы. В финской начальной школе только 2 % учеников остается на второй год (в США – 11 %, что выше среднего показателя для развитых стран).

Когда это произошло, разделение в Финляндии перестало считаться позором. Правительство выделяло профессиональным училищам дополнительные средства, и во многих городах они так же престижны, как общеобразовательные школы. Фактически чем отдаленнее или беднее школа, тем больше она получает денег. Этот баланс так же важен, как и позднее разделение школьников: не все дети должны поступить в вуз, но все должны были приобретать нужные навыки.

В Финляндии и во всех лучше успевающих странах затраты на образование привязаны к потребности, что логично. Чем хуже обеспечены ученики, тем больше денег получает школа. В Пенсильвании, родном штате Тома, наоборот: беднейшие школьные округа тратили на 20 % меньше на школьника, около $9000 в сравнении с примерно $11 000 в самых богатых школьных округах.

Это обратное соотношение – одно из самых заметных отличий США от других стран. Почти в каждой развитой стране в школах с самыми бедными учениками на одного школьника приходится больше учителей, и только в четырех странах – США, Израиле, Словении и Турции – в беднейших школах на ученика приходится меньше учителей.

Это явное различие связано с основательностью. В тех странах, где люди считали, что школа – это серьезно, она была серьезной для каждого. Если основательность – необходимое условие жизненного успеха, она должна распространяться на все. Равенство – суть справедливости – поддерживалось деньгами и юридически закреплялось поздним разделением школьников на потоки, являясь верным признаком основательности.

Платонова пещера

По окончании первого года учебы Тома в средней школе

Геттисберга в ней появился новый директор, Марк Блэнчард. У него была задача: разобраться, почему результаты школы за тест были ниже допустимого, и подтянуть успеваемость.

Геттисбергская школа великолепна. Она занимает площадь в 124 акра, кампус из красного кирпича и стекла находится в глубине территории, за ухоженной лужайкой. Комплекс, стоивший $40 млн и построенный в 1998 г., включает техническую лабораторию, оранжерею, три баскетбольных площадки и элегантный зал на 1600 мест. Школа тратит на школьника почти вдвое больше, чем школа Ким в Оклахоме, даже с учетом стоимости жизни и различий в потребностях школьников. Если эта школа в чем-то нуждалась, то отнюдь не в деньгах. В чем же проблема?

Сначала Блэнчард думал, что в учителях, однако в школе работало немало талантливых и опытных учителей, а еще сотни трудолюбивых, творческих детей, включая Тома. 20 % геттисбергских детей жили в бедности, но большинство одноклассников Тома из семей среднего или высокого достатка.

Со временем Блэнчард понял, что проблема более коварна. Трудность заключалась не в низком потенциале, а в недостатке воображения. Большинство родителей – в основном те, что занимаются сельским хозяйством, – хотят, чтобы дети окончили только среднюю школу, и все. В этом-то все и дело! Этот настрой поддерживали и многие учителя: зачем рассказывать ученикам о политике, литературе или высшей математике, если все они хотят лишь окончить среднюю школу?

Блэнчард уподобил эту проблему Платоновой пещере. Люди думали, что знакомые тени, которые они видели перед собой на стене, живые, хотя они были лишь отражением их собственных представлений. Ему нужно было убедить их обернуться и увидеть, что мир другой. Что все изменилось и они могут мечтать о большем.

> В Финляндии и во всех лучше успевающих странах затраты на образование привязаны к потребности, что логично. Чем хуже обеспечены ученики, тем больше денег получает школа.

Сначала Блэнчард попробовал устроить полемику. Он объявил о плане вдвое расширить программу углубленного обучения и сообщил учителю музыки, что хочет иметь самую сильную программу обучения музыке в стране.

– Я хочу, чтобы мы были сильны во всех отношениях. Чтобы никто не говорил, что это средняя школа для футболистов.

Затем он попробовал повысить академические требования, но

лишь немного. Услышав о практических занятиях, он стал задавать вопросы. Ни одной из его предыдущих школ не был нужен курс практической подготовки, а почему он нужен Геттисбергской школе? Он стал называть их «уроками для тупиц» и предложил их отменить.

– Дети соответствуют тому, чего вы от них ждете, – сказал он педагогам.

– Школьники не сдадут экзамен! – били тревогу учителя и методисты.

Блэнчард ответил, что их дело учить всех детей, а не только амбициозных. И на второй год обучения Тома в школе уже не проводились «уроки для тупиц». Вот так в Геттисбергской средней школе упразднили низший уровень.

И вот что интересно: ничего не произошло. Никто не вылетел из школы потому, что отменили «английский для тупиц». Вскоре учителя перестали об этом говорить, будто курса практической подготовки никогда не существовало.

Геттисбергский и другие школьные округа решили сообща строить новое профессиональное училище для детей от 16 лет. До поступления туда они должны были изучать английский, естественные науки и математику. Например, будущие механики по дизельным двигателям должны знать геометрию и основы физики, читать чертежи и технические инструкции, знать процентные соотношения и пропорции и т. д. Все профессии стали более сложными, включая рабочие специальности.

Но многое в школе осталось прежним. Все еще существуют различные потоки, и детей делят на них очень рано. Программа углубленного изучения увеличилась, но не вдвое. Большинство учителей осталось прежним, и некоторые, мягко говоря весьма посредственные.

– На них жалуются и родители, и дети, а они по-прежнему работают, – сказал мне один опытный учитель Геттисбергской средней школы.

Штат Пенсильвания в целом получил «D+»[42] за руководство учителями от Национального совета качества преподавания в 2011 и 2012 гг. И провальную «F»[43] за практику увольнения неэффективных учителей.

Спорт остался основой Геттисбергской школы. На каждом футбольном матче появлялось не меньше четверых репортеров. Местные газеты посвящали целые разделы занятиям спортом в средней школе. Многие игры транслировались по радио. У школьников-спортсменов был изнурительный режим, оставлявший мало времени и сил на учебу. Им нужно было все лето качаться, а не заниматься математикой. Блэнчард очень

старался повысить в своей школе показатели целеустремленности и справедливости, но без особого успеха.

В 2011 г. 4 из 10 одиннадцатиклассников все еще не знали математику на уровне своего класса. Стандартизованный тест по чтению и математике одноклассники Тома сдали чуть лучше, чем в среднем по стране. Оценки за курс углубленного изучения были высокими, но его посещала всего 1/3 школьников. Казалось, что есть две разные Геттисбергские школы с одними идеалами для лучших учеников и другими – для остальных. Реорганизация застопорилась.

Основы

Тому нравился директор Блэнчард, хотя он его плохо знал и ему не хотелось критиковать свой родной город. Но когда мы гуляли по Вроцлаву, разговаривая о различиях двух стран, он описал проблемы Геттисбергской школы так:

– Школа не так уж заинтересована в том, чтобы готовить к серьезной работе. Это одна причина, по которой я захотел учиться в другой стране. Я хотел заниматься чем-то серьезным.

Как раз к этому моменту мы вместе с толпой других школьников дошли до школы № 13 – здания из темно-красного и черного кирпича с решетками на окнах. Как и весь город, школа № 13 сочетала в себе старину и современность: одна часть здания была восстановлена после Второй мировой войны, а другая датировалась XIX веком. Хмурые охранники впустили нас в главный вестибюль.

Это была двуязычная немецкая школа, одна из лучших в городе. В ней были полы из твердой древесины, высокие потолки и деревянные парты, но она была несравнима со школой в Геттисберге. Например, здесь не было кафетерия. Дети приносили из дома бутерброды или покупали еду в маленьком школьном буфете.

Здесь не было ни современных «белых досок», ни ноутбуков. а в Геттисбергской школе в половине классов были ноутбуки для всех учеников, а другая половина пользовалась одной из пяти компьютерных лабораторий. Пока мы спускались по лестнице, я спросила Тома, какие задания выполняли на этих ноутбуках.

– Мы играли в игры, – сказал он с улыбкой, – или пытались войти в «Фэйсбук».

Польские дети, конечно, тоже проводят время в «Фэйсбуке». Они играют в «Мир Варкрафта», как и дети у него на родине. Но все же здесь тратят много времени на подготовку к выпускному экзамену – гораздо больше, чем большинство одноклассников

Тома тратили на подготовку к SAT. На этот экзамен польские надевали свою самую красивую одежду – так же, как американские школьники-футболисты в день игры.

И еще одно: в польской школе Тома нет уроков физкультуры – они просто не вмещаются в учебный день, да и зачем? Многие дети самостоятельно играют в футбол или баскетбол, и не было путаницы в том, для чего нужна школа и что важно для будущего детей. В отличие от Блэнчарда польскому директору не надо беспокоиться о том, сможет ли учитель математики одновременно работать тренером по бейсболу.

На перемене мы с Томом вышли на перекур. Мы стояли у школы среди десятков других школьников, а мимо проезжали трамваи, сотрясая под нами землю. Том приобрел эту привычку вскоре после приезда. Дома в Геттисберге за курение у школы ему бы временно запретили посещать занятия.

Как и многие американские школьники по обмену, Том наслаждался свободой, появившейся у него за границей. После школы он любил ходить на один из 12 островов на реке Одер, протекающей через город. Там он пил пиво и курил с друзьями. Он ощущал себя взрослым, способным принимать решения.

Однако независимость не всегда доставляла удовольствие. Если подростки могут сами о себе позаботиться после школы, то предполагалось, что они также могут смотреть фактам в лицо во время уроков. Их не защищали от суровой правды. Том запомнил, как на одном уроке учитель объявил оценки за экзамен. Он был поражен, услышав результаты: 22 из 26 человек не сдали – это невообразимое количество в большинстве школ США. По мнению Тома, польская школа не во всем лучше, но она менее снисходительна.

В тот день я попросила Тома познакомить меня с директором школы Урсулой Спалкой. Она пригласила меня к себе в кабинет, где мы сели под большим орлом – государственным гербом Польши, висящим на бледно-лиловой стене. На Спалке была черная блуза с большим вырезом, коричневый костюм и крупные украшения. Она начинала как учитель математики, а директором школы № 13 проработала почти 20 лет.

Как и в США, в Польше школы управлялись на местном уровне. Страна поделена на 2500 муниципалитетов. Спалка и другие директора школ имели в среднем $4,681 на одного школьника ежегодно против $11,000 на школьника в Геттисберге.

Спалка лаконично ответила на мои вопросы, не проявляя эмоций. Когда я спросила ее о реформах, которые сделали страну образцом для всего мира, выражение ее лица стало кислым.

– Мы не так уж довольны этими реформами, – сказала она

сухо. – В школах не любят радикальных перемен, а это были радикальные изменения.

Несмотря на высокие баллы Польши в PISA, многие поляки все же считали, что было ошибкой учить всех детей вместе в нестабильном подростковом возрасте. Обращали внимание на другие проблемы: многие думали, что выпускной экзамен стал слишком легким, а педагоги страны воевали с правительством против предложения сократить их часы.

Во всех странах, в которых я побывала, люди жаловались на систему образования. Это было универсальное мнение и, как ни странно, обнадеживающее. Никто не был удовлетворен, и это справедливо. Дать всем детям хорошее образование очень трудно, и каждой стране – каждой! – все еще нужно было к этому стремиться.

Летом 2000 г., доведя до конца первый этап реформ, Хандке оставил свой пост. Ему не удалось найти средства, необходимые для обещанного повышения зарплат учителям, и потом он устал. Он вернулся к химии, и вскоре его партия потерпела поражение.

Польское образование стало более серьезным – там был более высокий уровень мотивации, немного независимости и чуть-чуть равенства. Но, как и Геттисбергская средняя школа, она изменилась недостаточно. Там все еще было слишком много педвузов очень разного уровня. Учителям, сумевшим найти работу, по-прежнему платили мало. Пока Польша не пойдет ва-банк в отношении строгости и не повысит качество преподавания, она никогда не станет Финляндией.

И все-таки Польша совершила прорыв. Она доказала, что даже неблагополучные страны всего за несколько лет могут добиться большего для своих детей. Нужно было культивировать строгость. Она не должна была возникнуть сама по себе. На самом деле не было доказательств того, что в какой-нибудь стране она возникла сама. Нужно было повысить ожидания. И смелые руководители могли бы вырастить целое поколение умных детей.

Еще до разделения по способностям польские дети прошли анкетирование, прилагавшееся к тесту PISA, и стали первыми в мире по добросовестности. Казалось, где-то на этом пути они поверили, что нужно относиться к учебе серьезно. Может, потому что от них этого ждали.

Польское образование стало более серьезным – там был более высокий уровень мотивации, немного независимости и чуть-чуть равенства.

Когда я разговаривала с Хандке в 2012 г., он поправлялся

после болезни сердца, в которой полушутя обвинял те три года, потраченные на попытку реформировать систему образования в стране. Оглядываясь назад, он жалел, что они с коллегами не продвигали реформы более активно. Они были больше сосредоточены на политике, чем на связях с общественностью. Это была еще одна распространенная ошибка, о которой слишком поздно сожалели во всех часовых поясах. Политика, история и страх всегда и везде значили больше, чем стратегия. Однако он утешался пониманием того, что разногласия были неизбежны.

– Любая реформа болезненна. Люди хотят покоя. Когда к чему-нибудь привыкнешь, то лучше, чтобы ничего не менялось.

Я спросила его, что он сделал бы, если б мог вернуться в прошлое и провести единственное последнее изменение. Он не колебался:

– Учителя. Все держится на учителях. Нам нужны хорошие учителя – тщательно подготовленные, тщательно подобранные. Больше я бы ничего не менял.

Часть III
Весна

Глава 8
Разница

Однажды в пятницу в ту долгую темную зиму принимающая мать сказала Ким, что ей нужна помощь. В феврале, как раз когда у Ким день рождения, с ней что-то случилось: она плакала без всякой причины и в школе и дома. И не понимала почему. Это была одна из самых холодных зим в истории Финляндии, солнце показывалось всего на 6 часов в день. Может, этим все и объяснялось, а может, в этом была виновата холодная война с близнецами, мечтавшими вернуть себе маму. Может, близнецы в итоге продержались дольше нее. Но Ким точно знала одно: она опустошена, будто из нее ушел свет.

Она сказала принимающей маме, что иногда ощущает себя беспомощной. Сюзанна поговорила с сотрудниками программы обмена, и они решили, что Ким нужно съездить в Хельсинки к психологу, который определит, стоит ли ей возвращаться в Америку пораньше.

Ким не возражала. Она достала бабушкин чемодан и молча сложила в него вещи. Уложила перчатки, которые дала ей сестра Кейт, и ирландский свитер подруги ее тети – все вещи, которые, как она думала, понадобятся ей, чтобы выжить в Финляндии. «Благие намерения», – подумала она.

Ким попрощалась с маленькими девочками, наконец-то уступая комнату победительницам. Она брала все с собой на случай, если ее поездка закончится в Оклахоме. Ким ощущала оцепенение, будто все это происходило с кем-то другим. Она погрузилась в молчание, столь ей знакомое.

В поезде, несущемся мимо синих озер и покрытых снегом сосен, Ким закрыла глаза. Она увидела аккуратно упакованные «Райс криспиз», которые продавала, чтобы собрать деньги, двухъярусные кровати в своем финском доме, детскую книгу, которую дала ей финская учительница. И подумала, что Финляндию, вероятно, придется покинуть на несколько месяцев раньше…

Ким предупреждали, что это может случиться, во множестве электронных сообщений от AFS – ее программы по обмену. Подростки, живущие за границей, обычно проходят через определенные стадии, и та, что бывает посреди учебного года, – тяжелая. Многие ощущают подавленность и одиночество. Первоначальный кайф исчез, наступили каникулы, и забава превратилась в работу, которая когда-нибудь закончится, но не

скоро. Однако Ким не думала, что с ней это приключится, – не после всего, что она сделала, чтобы сюда попасть.

Глядя в окно, Ким видела свое отражение. Она будто раздваивалась. Одна ее половина покорно смирилась и сдалась. Может, ей все же нужно было ехать в Италию, где тепло и солнечно, или остаться в Оклахоме, как велела мама.

А вторая половина… пробуждалась, начиная шевелиться после долгого покоя. Это была та девочка, которая написала 60 компаниям Оклахомы с просьбой спонсировать ее поездку в Финляндию. Когда ни одна не откликнулась, она стала продавать вяленую говядину с доставкой на дом. И эта ее часть еще жила. Она вспоминала девочку, шнуровавшую высокие ботинки. Она видела, как та смахивала черную пыль с лица. Эта девочка не собиралась возвращаться в Оклахому раньше времени.

В Хельсинки Ким посетила психолога. Они говорили о том, почему она приехала в Финляндию, о разводе ее родителей и том, как она привыкала к жизни за границей. Между сеансами у психолога Ким гуляла по Хельсинки, заходила в музеи, ездила на автобусах и наблюдала за людьми. Она прожила 16 лет в сельской Оклахоме и полгода в сельской Финляндии, и ей было радостно видеть так много людей сразу. Стоя однажды у порта, Ким была поражена, как много там детей. Уроки уже кончились, но то, что они гуляют по улицам самостоятельно, ее смущало. Вон там мальчик лет 10 сидит на скамейке, а вон две девочки играют у фонтана. Она видела, как в Пиетарсаари дети ходят одни, даже малыши сами ходили в школу. Однако она не ожидала увидеть такое в самом большом городе Финляндии. Ким завидовала им, представляя, каково детям расти на свободе.

Через две недели психолог сказала Ким, что она может остаться в Финляндии. Ей дали еще один шанс. У Ким гора упала с плеч. Как будто она снова получила паспорт. AFS нашла пожилую пару с большим домом в Пиетарасаари, чтобы разместить Ким на оставшееся время. Она могла вернуться в тот же город, и у нее была отдельная комната.

На этот раз Ким решила быть откровенной. Она должна сказать Сюзанне, что любит ее, но ей нужна другая принимающая семья. Ей не хотелось никого обижать, потому она так долго молчала.

В финском языке есть слово *сиису*, обозначающее стойкость перед лицом больших испытаний, своего рода внутренний огонь. Ким узнала о сиису, когда читала о Финляндии в Оклахоме. «Это смесь бравады и отваги, свирепости и упорства, воли к победе, способности бороться до конца, когда большинство людей уже сдалось», – писали в журнале «Тайм» за 1940 г.

Вероятно, это слово отражало финский характер лучше любого другого. Сиису – это то, что необходимо для выращивания картофеля на Полярном круге, сиису помогло Финляндии отойти от края пропасти и стать образовательной сверхдержавой. Сиису помогло объяснить, как страна размером меньше штата Монтана создала «Nokia», «Marimekko» и операционную систему Linux, не говоря о видеоигре «Angry Birds». Сиису – это финский вариант настойчивости, необоримая тихая сила. В английском языке нет соответствующего слова, хотя ближайший синоним, наверное, grit[44].

В тот день приезжающая на вокзал Пиетарсаари Ким, казалось, поняла, что такое сиису. Она не знала, как долго продлится это ощущение, но надеялась, что запомнит его. Выходя из здания вокзала с остальными пассажирами, она чувствовала себя как дома.

Виртуальная реальность

Одним весенним вечером я встретилась с Ким и обеими ее принимающими семьями за ужином в Пиетарсаари. К тому времени снег наконец растаял. Мы собрались в большом, обшитом деревом ресторане у моря. Ким поддерживала тесные контакты с Сюзанной, несмотря на переезд. Она вела колонку в газете Сюзанны, а Сюзанна работала над статьей о Ким для финского журнала.

Мы ели треску с морошкой, а Ким в красной куртке сидела посредине и рассказывала о своих первых днях в Финляндии. Она выглядела более уверенной в себе, чем несколько месяцев назад. В тот раз она рассказала мне, что будет делать по возвращении в Америку.

– Я поступаю в виртуальную среднюю школу, – сказала она.

Ким решила не возвращаться в среднюю школу Саллисо. Она не хотела быть такой, как раньше, и боялась, что не сможет измениться, если все остальное останется прежним.

– Я боюсь, что их безразличие снова будет на меня влиять. Что я снова опущусь до убеждений моих ровесников.

– Каких убеждений?

– Что «это не важно, от школы тошнит, а значит, зачем она нужна?». Я должна поменять окружение.

Ким изучала школы-интернаты в Интернете, как когда-то изучала Финляндию. Это была ее мечта, а потом она набрела на «Виртуальную среднюю школу Оклахомы» и узнала, что эта средняя школа реально существует и она бесплатная. Ким была уверена, что нашла способ с пользой отучиться последние годы в

американской средней школе.

После ужина мы вышли в синие сумерки. Было 10 часов, но фонари еще не включили, стояла та пора, когда Скандинавия наверстывала упущенное за зиму. Ким дала мне сфотографировать себя на фоне моря, а потом села на велосипед и поехала домой, как настоящая финка.

Проверка на стрессоустойчивость

Через два дня я вместе с Ким пошла в школу. Я ходила с ней на уроки, и она познакомила меня с директором и учителями. На той неделе ученики выпускного класса узнали результаты большого экзамена на аттестат зрелости, определявшего, в какой колледж они скорее всего пойдут учиться. Учительница финского языка Ким Тина Стара переживала за своих учеников.

– У них большая нагрузка. Не такая, как в Японии и Корее, но все-таки.

Этот экзамен проводится больше 160 лет и глубоко укоренился в системе образования. Все страны с лучшими баллами PISA проводят такие выпускные тесты. Это одно из самых заметных различий между ними и США: тестов у нас много, но мало какие из них влияют на судьбу детей.

Экзамены на аттестат зрелости добавляют драйв в систему образования, представляя для детей и школ яркую финишную черту, к которой нужно стремиться. Подростки из стран с подобными экзаменами имели результаты в PISA более чем на 16 баллов выше, чем дети из тех стран, где их нет.

Однако Стара волновалась, что этот тест заставит нервничать ее учеников и перегрузит программу.

– Мне иногда очень хочется их как-то развеселить, – сказала она, зажав кулак между коленей. – Я думаю, очень важно, чтобы им нравилось учиться.

Финские дети регулярно сдают текущие тесты и итоговые экзамены каждые 6 недель в конце каждого мини-семестра. В анкетах дети называли большое количество контрольных одной из причин своей нелюбви к школе. Тесты во всем мире вызывают разногласия, и это еще одна универсальная истина.

– Я не стала бы отменять экзамен на аттестат зрелости, – поспешила добавить Стара.

Потом она рассказала, какие у них в школе строгости: экзамен в Финляндии длился более трех недель, всего около 50 часов. Учителя сопровождают учеников в туалет, чтобы они не жульничали. Финский язык сдается два дня. В первый день школьники читают несколько текстов и пишут короткие эссе, в

которых анализируют их – в течение 6 часов. На второй день ученики выбирают одну из 14 тем и пишут сочинение – снова в течение 6 часов. Одна из последних тем была такой: «Почему трудно достичь мира на Ближнем Востоке?», а другая: «Я веду блог, и поэтому я…». Школьники должны разъяснить сложные понятия и, разумеется, писать грамотно.

Трудно представить подобный тест в США. Во многих штатах детям не нужна «сиису», чтобы его сдать. Государственный впускной экзамен штата Нью-Йорк считается одним из самых сложных. Тем не менее экзамен по английскому языку длится четверть того времени, что занимает экзамен по английскому в Финляндии. Он включает в себя всего одно эссе и два коротких ответа, каждый из которых должен состоять из одного абзаца.

> Экзамены на аттестат зрелости добавляют драйв в систему образования, представляя для детей и школ яркую финишную черту, к которой нужно стремиться.

Тест по английскому должен был длиться 6 часов, но совет попечителей Нью-Йоркского колледжа проголосовал за то, чтобы сократить его вдвое в 2009 г., ссылаясь на организационные сложности, а также на такие факторы, как снегопады, когда школы не работают, – эта причина позабавила бы финнов. Весь экзамен штата Нью-Йорк требовал треть того времени, что уходит на тест в Финляндии.

В Финляндии учиться трудно, и тесты влияют на жизнь школьников. Снегопад уважительной причиной не считается. Это могло объяснять, почему только 20 % финских подростков говорили, что с нетерпением ждут уроков математики, в сравнении с 40 % американских. Им нужно упорно трудиться, и от них многого ждали. Около половины финских детей сказали, что получили хорошие оценки по математике, в сравнении с почти 3/4 американцев. (Вообще американские 15-летние чаще, чем дети из 37 других стран, говорили, что получили хорошие оценки по математике.) Проблема серьезной учебы в том, что это тяжело. В идеале это еще и интересно, но не может быть интересно всегда, даже в Финляндии.

Многое можно было бы сказать американским учителям, которые частенько стараются развлечь и заинтересовать учеников интерактивными кабинетами. Я была поражена, как много детей (в моем опросе участвовало 202 школьника по обмену) признались в любви к учителям США. Один немецкий школьник по обмену написал так: «В США учителя гораздо дружелюбнее. Они как твои друзья… В Германии мы ничего не знаем о своих учителях. Они для нас просто учителя. Мы никогда не говорим с

ними о своих проблемах».

Эта связь между учителями и учениками важна, и американские учителя заслуживают уважения за то, что сумели подружиться со своими учениками. Но научить детей высокоорганизованному мышлению, чтению и математике тоже важно. Финляндия нашла способ создать управляемое воздействие – то, о чем беспокоились жалостливые учителя, но не то, что заставляло миллионы детей учиться по 15–18 часов в день. Финны далеко ушли в качестве преподавания, самостоятельности и беспристрастности, а в итоге немного ослабили и давление. В Финляндии детям хорошо и жить, и учиться.

Цветные в Финляндии

Чем дольше я была в Финляндии, тем больше ценила то исключительное равновесие, которого она достигла. Финляндия добилась серьезного отношения к учебе, не нанося никому ущерба. И было невозможно не заметить кое-что еще: в Пиетарсаари я встретила лишь одного чернокожего. В классе Ким я видела то же самое. Во всей Финляндии только 3 % учащихся имеют родителей-иммигрантов (в сравнении с 20 % подростков США).

По сути, Финляндия, Корея и Польша гомогенные страны с малым числом иммигрантов или нацменьшинств. Япония и Шанхай в Китае – две другие образовательные сверхдержавы – столь же сбалансированны. Может, однородность – необходимое условие серьезности? Порождало ли единообразие гармонию, которая как-то помогала в учебе? Если так, то была ли Финляндия соотносима с такой большой и разнородной страной, как США?

Финны далеко ушли в качестве преподавания, самостоятельности и беспристрастности, а в итоге немного ослабили и давление.

В Финляндии детям хорошо и жить, и учиться.

«Многообразие» – одно из тех слов, которые так часто использовали, что они утратили большинство своих значений. Проблема отчасти в том, что есть тысяча способов быть многообразными. В США разговоры о многообразии были обычно связаны с национальностью. В США пристально следят за национальностью школьников из-за ее истории узаконенного расизма, а в других странах нет, и это затрудняло сопоставление.

Но в США афроамериканские школьники плохо сдают тест PISA, и это огорчительно. В 2009 г. они набрали в среднем на 84 балла меньше белых школьников за чтение. Казалось, белые дети ходили в школу на два года дольше. Разрыв между белыми и афроамериканскими школьниками проявился и в десятках других признаков, от процента закончивших школу учащихся до оценок за SAT. В целом этот разрыв можно объяснить экономическими причинами: черные школьники обычно живут в малообеспеченных семьях с менее образованными родителями, а в школе чаще сталкиваются с посредственным преподаванием и более низкими ожиданиями, их слишком часто переводят в более слабые группы по чтению и математике.

Каждый учебный день афроамериканским детям внушается одна мысль. Это делается тонко, но последовательно: твое время не ценно и твои шансы невелики. Такого рода сигналы сохраняются в головах детей. В одном лонгитюдном исследовании ученые обнаружили, что устремления австралийских подростков в 15-летнем возрасте могли прогнозировать их будущее. Дети, имевшие высокие ожидания, планировавшие окончить школу и поступить в колледж, значительно чаще оканчивали среднюю школу. При этом социоэкономический статус родителей не влиял на их шансы окончить учебное заведение, говоря языком статистики, – если они имели такие устремления.

И все же отнюдь не афроамериканские дети виноваты в невысоких результатах всех американцев. Прежде всего 5 из 6 американских детей не чернокожие. Потом белые дети все равно не так уж здорово сдали математику. Белые американские подростки в среднем успевали хуже, чем во многих других странах, включая Канаду, Новую Зеландию и Австралию, где процент детей иммигрантов выше. В процентном отношении в штате Нью-Йорк меньше хорошо успевающих по математике белых детей, чем среди всех детей Польши и Эстонии.

Все непросто. Национальная разнородность может повысить или понизить результат. 1 из 5 школьников США вырос в семье иммигрантов, а это 6-е место по процентному соотношению в развитом мире. Но иммигранты в США были, ну, что ли, более разнородны: например, латиноамериканские школьники сдают тест PISA лучше черных и хуже белых, а азиатоамериканские школьники сдают лучше всех.

В целом разрыв между оценкой PISA за чтение у коренных американцев и иммигрантов – 22 балла, это лучше, чем в Германии и Франции (разрыв в 60 баллов), но не так впечатляюще, как в Канаде, где разрыва вообще нет. Многое

зависит от образования и дохода родителей-иммигрантов, а это сильно связано с историей и иммиграционной политикой конкретной страны.

Остальное зависит от того, что в стране делают с детьми коренных жителей. В США финансирование школ, основанное на местных налогах на имущество, мотивирует семьи переезжать в богатые районы, по сути, покупая себе место в хорошей школе. Эта система поддерживает сегрегацию.

Так как латиноамериканцы и иммигранты обычно менее зажиточные родители, их дети обычно оказывались в бедных школах. С 1998 по 2010 г. бедные американские школьники учились в основном вместе с другими бедными школьниками.

Проблема в том, что у большинства белых детей большинство одноклассников тоже были белыми. Тогда как черные и латиноамериканские школьники в 2005 г. чаще учились в преимущественно черных или латиноамериканских школах – так же, как это было в 1980-м.

Школы, заполненные преимущественно небогатыми латиноамериканскими и афроамериканскими школьниками, обычно давали соединение низких оценок, нестабильной семейной жизни и низких ожиданий. Дети подпитывают друг друга, и эта движущая сила может работать во благо и во зло. В Польше дети утрачивали свои навыки, как только их переводили в профессиональные учебные заведения: это также было переломным моментом для ожиданий в США. В среднем в школах с преимущественно небогатыми детьми отсутствовали признаки строгости. В них несообразно низкое качество преподавания, мало независимости у учителей и подростков, низкий уровень прилежания и меньше объективности. Помещая малоимущих детей в подобные школы, США создали тяжелые проблемы и усугубили их.

В Сингапуре произошло обратное. Население там тоже разнородное: 77 % китайцев, 14 % малайцев, 8 % индийцев и 1,5 % людей других национальностей. Жители говорили на китайском, английском, малайском и тамильском и принадлежали к разным религиям (буддизму, христианству, исламу, даосизму и индуизму). Однако PISA оценила сингапурцев выше всех в мире, как финнов и корейцев. Там не было практически разрыва в оценках детей иммигрантов и коренных жителей.

Конечно, Сингапур – другая планета в сравнении с большинством стран. Там авторитарный режим с необычайно высокопродуктивной бюрократией. Правительство строго контролирует массу параметров: от процента молодых учителей

до соотношения этнических групп в жилых кварталах. В Сингапуре не было такой сегрегации, как в США.

В большинстве неограниченных демократий у правительства нет такой возможности. Родители же, предоставленные сами себе, склонны самосегрегироваться. Если классовые различия не столь очевидны и качество школ более однородно, эта тенденция управляема.

Глядя на детей, сидящих с Ким на уроках, – некоторые из них были оживленными, некоторые безучастными, но все белыми, – я размышляла, что может произойти, если население Финляндии неожиданно изменится. Станут ли финны по-прежнему дружно верить в требовательность, если кожа у школьников будет разного цвета? Или на этом все закончится?

«Мне хочется относиться к ним так, будто они мне безразличны»

Когда-то население Финляндии было однородно, но с 1990 г. число иностранцев там выросло на 600 %, и большинство переселенцев осело в Хельсинки.

Чтобы выяснить, как разнородность повлияла на культ требовательности, я поехала в школу Тиистила под Хельсинки, где треть учеников – иммигранты. Школа принимает детей с 6 до 13 лет. Здание окружено блочными жилыми домами, на вид скорее коммунистическими, чем скандинавскими.

На третьем этаже Хейкки Вуоринен вел урок в шестом классе. Четыре его ученика были африканцами, из них две девочки – в хиджабах. Албанский мальчик из Косово сидел рядом с китайцем. Было и несколько белых мальчиков, родившихся в Финляндии. Вуоринен дал классу задание и вышел побеседовать со мной.

Вуоринен, одетый в фиолетовую футболку, джинсы и маленькие прямоугольные очки, гордо сообщил, что в этом году у него учатся дети из 9 стран, включая Китай, Россию и Косово. У большинства всего один родитель. Более того, он не хотел об этом думать.

– Я не хочу заострять внимание на их происхождении, – сказал он, вороша свои редкие светлые волосы, а потом улыбнулся. – У меня в классе 23 жемчужины. Я не хочу их поцарапать.

По моему настоянию он рассказал мне об одной своей ученице. У нее 6 братьев и сестер, отец сторож, мать нянчит чужих детей. С деньгами в семье очень туго. Но она – лучшая ученица в его классе.

Вуоринену было явно неловко оценивать своих учеников.

– Я не хочу им слишком сочувствовать, – пояснил он, – потому что должен их учить. Если я буду слишком много о них думать, то начну завышать оценки. Я буду думать: «Ах, бедный ребенок. Что я могу для него сделать?» Это слишком облегчит мне работу. Мне хочется относиться к ним так, будто они мне безразличны.

От американского учителя такого не услышишь. Наоборот, законы штата и страны требуют, чтобы учителя и директора школ считали детей необыкновенными, следили за их национальностью и доходами семьи и сообщали об этом властям. О школах судят по оценкам за тесты детей разных категорий. Большинство директоров наизусть знают процент детей малоимущих и нацменьшинств, как бейсболисты – средние очки в бэттинге[45]. Это понятно: правительство США пытается выявить и исправить несправедливость. И все же сколько ожиданий попутно задавила эта повышенная сознательность!

> Достаток ничего не значит. Важен ваш ум. Дети знают зто с ранних лет. Все мы одинаковы.

Дайан Рэвич, один из самых популярных комментаторов на тему образования в США, много лет говорила о том, что американцы должны думать о родителях школьников больше, а не меньше.

– Наша проблема – бедность, а не школы, – сказала она ревущей толпе из тысяч учителей на съезде в округе Колумбия в 2011 г.

Иначе говоря, дети не одинаковы и различия между ними важнее самих детей.

Вуоринен же убежден в обратном:

– Достаток ничего не значит. Важен ваш ум. Дети знают это с ранних лет. Все мы одинаковы.

Чем дольше я находилась в Финляндии, тем больше думала, что разговоры о многообразии в США – те, что винят в нашей посредственности происхождение детей и их окружение, – так же вредны, как финансирование несправедливости. Да, в США много бедных, и школьники из нацменьшинств учатся недостаточно усердно. И на это влияют как родители, так и здравоохранение, и питание. Это так. Но эти разговоры также подтверждают недостаток целеустремленности, влияя на отношение учителей к ученикам – этого-то и боится Вуоринен. Уже в 1960-е исследования показали, что учителя, которым сказали, какие ученики будут прекрасно учиться, иначе относились к выбранным детям. Они чаще одобряли, улыбались, давали этим детям больше времени на ответ и специфически о них отзывались. Детей же

выбирали наугад! Ярлык был вымышленный, но он приклеился. В конце учебного года учителя все еще описывали этих учеников как более интересных и способных достичь успеха, а как же другие дети, тоже хорошо успевающие, но не выбранные? Те же учителя описывали их как менее ярких и менее привлекательных. Наше сознание зависит от ярлыков и стереотипов, и если предложить учителям убедительную модель, они будут с ней считаться. Но зачем же тогда руководители системы образования Америки и преподаватели педвузов внушают молодым учителям, что бедность перевешивает все остальное?

Да, человеку свойственно руководствоваться стереотипами, но где-то этот инстинкт систематически укрепляют, а где-то подавляют. Для меня становилось очевидным, что строгость не может существовать без беспристрастности. Беспристрастность – это не просто вопрос разделения по способностям и бюджета, это тип мышления.

Интересно, что такой тип мышления характерен и для финского коррекционного образования. Учителя считают большинство учеников коррекционных школ скорее имеющими временные затруднения, чем постоянную недееспособность. Вот почему в Финляндии один из самых высоких процентов учеников коррекционных школ в мире: это временный и не унизительный ярлык. Финны допускают, что все дети могут совершенствоваться. До 17-летия около половины финских детей получают коррекционную помощь, обычно в начальной школе, чтобы не отстать от программы. В 2009/2010 учебном году примерно 1 из 4 финских детей получал такую помощь, и почти всегда в обычной школе, в течение учебного дня. (В то время как в США только 1 из 8!)

Наблюдая, как Вуоринен разговаривает с учениками, я вспомнила округ Вашингтон, муниципальную школу, в которой была несколько лет назад. Школа находится в бедном районе города. Одна опытная учительница, с которой я встретилась, тепло относилась к детям. У нее был светлый, чистый кабинет, и материалы для своего кабинета она покупала на собственные деньги. Однако, говоря о своих четвероклассниках, она упирала на трудности.

– Родители не знают, как воспитывать детей. Не знают, что требуется ребенку, чтобы добиться успеха.

Она искренне жалела своих учеников, но какой толк в сочувствии? Ее подопечные учились хуже, чем другие дети из малообеспеченных семей. Однако она относилась к этим результатам странно оптимистично. Доводы о разнородности объясняли все, даже когда ничего не объясняли.

В школе Вуоринена все пятиклассники тестировались по математике на два года раньше. Таким способом финское правительство обеспечивало контроль над школами. В отличие от США контрольные были четко целевыми: школьники проверялись лишь выборочно. Обычно это занимало всего час.

Дети из школы Тиистила сдавали выше среднего уровня по Финляндии, а значит, лучше, чем в среднем везде. А еще эта школа здорово отличалась от большинства школ США. Во-первых, она было по-настоящему экономически и этнически разнородной. Три сотни ее учеников происходили как из бедных, так и богатых семей. Во-вторых, финское правительство выделяло этой школе дополнительные деньги за учеников-иммигрантов, чтобы оплачивать интенсивное обучение языку.

Кроме того, в школе Тиистила работали высокообразованные учителя. Вуоринен не попал в педагогический колледж с первой попытки. И со второй. Только проработав несколько лет нештатным преподавателем и приобретя педагогический опыт, Вуоринен был принят в колледж с третьей попытки. Он не считал опыт, приобретенный во время учебы в университете, столь же полезным, как работа нештатным учителем, хотя не выражал недовольства. Когда я спросила его, что он может посоветовать США, он сказал:

– Вам нужно лучше отбирать учителей и больше их поощрять. Во-первых, это деньги, во-вторых – уважение. Наказание – не лучший способ работы со школами.

Для Вуоринена независимость была так же важна, как и деньги.

За 15 лет Вуоринен поработал в 10 школах, но Тиистила нравилась ему больше всего. Причина была та же, что и у всех учителей всего мира:

– Мне нравится директор. Она знает, что нужно делать, – сказал он. – Я чувствую, что мне доверяют. И я уверен, она всегда придет мне на помощь.

Директор Мирья Пиринен работает в школе 15 лет, еще с тех времен, когда она была гораздо менее многонациональной. Она устроила мне экскурсию по школе, закончившуюся на спортплощадке, где группа мусульманских девочек в розовых хиджабах прыгала через скакалку на солнышке.

За 8 лет директорства Пиринен не уволила ни одного учителя. Как и в США, финские учителя почти никогда не теряют работу из-за качества своей работы. Они защищены серьезным профсоюзным договором. Однако управлять хорошо

образованными, подготовленными и хорошо оплачиваемыми работниками легче.

Мне Тиистила показалась образцовой школой, Пиринен толковым и организованным директором. Из всех директоров, что я видела на всех континентах, только она смогла мне сказать, сколько денег правительство тратит на одного школьника. (В большинстве школ это секретная цифра, для раскрытия которой требовалось вести телефонные переговоры.) По всем показателям Пиринен успешно провела школу Тиистила через важный переходный период, приспосабливаясь к беспокойству в тех семьях, где не могли ни слова сказать по-фински.

Однако ее школой довольны не все.

– Некоторые родители говорят, что не хотели бы отдавать своих детей в нашу школу, – спокойно сказала Пиринен. – Почему? Их беспокоят дети иммигрантов. Но они всегда беспокоятся: и когда иммигрантов было 6 %, и теперь, когда их стало 30 %.

В Финляндии фактически нет ни частных школ, ни системы перевода детей в другие школы, ни чартерных школ. Однако можно записаться в специальные международные, научные, музыкальные школы или школы иностранных языков, бесплатные и платные, для всех детей или только с хорошей успеваемостью…

Можно пойти и в средние школы с профессиональным обучением, около половины подростков так и делают. Финское правительство щедро раздает ПТУ субсидии и премии, так что обычные школы, такие как школа Ким, должны работать еще лучше, чтобы удержать учеников.

Обычно финские школы не публикуют результаты тестов, но Пиринен опубликовала баллы учеников своей школы за тест на веб-сайте, чтобы успокоить родителей, переживающих из-за многонационального контингента.

Во всех странах родители хотят определить своих детей в лучшие школы. Но какая школа лучше? В отсутствие достоверной информации родители обычно судят о школе по слухам или по цвету кожи, этническому составу и уровню доходов учеников и их родителей. Даже в Финляндии, с ее долгой историей борьбы за независимость, родители переезжают в другие районы, чтобы детям не ходить в школы, в которых 10 % детей иммигрантов.

– Бесспорно, мы все хотим жить в мультикультурной и толерантной атмосфере, – сказал одна финская женщина газете «Helsingin Sanomat» в 2011 году, поясняя, почему ее ребенок учится в другом районе. – Но дело в том, что если вокруг много детей, не говорящих по-фински, то учитель тратит на них свое время.

Эта мать не знала детей из местной школы, но слышала, что говорят люди.

> Во всех странах родители хотят определить своих детей в лучшие школы. Даже в Финляндии, с ее долгой историей борьбы за независимость, родители переезжают в другие районы, чтобы детям не ходить в школы, в которых 10 % детей иммигрантов.

Интересно, что было бы в стране свободного рынка, в которой родители действительно видят смысл в требовательности и квалификации учителей, а не только в эстетике здания или этнической принадлежности школьников. Некоторые американские реформаторы образования и политики убеждены, что бóльшая конкуренция приведет к такому же результату, заставляя школы добиваться лучших результатов или закрываться.

В то время 11 % детей США поступали в частные школы – меньше, чем в среднем для развитых стран. По данным PISA, частные школы не слишком эффективны, ученики частных школ сдают тест PISA лучше, чем ученики государственных, но не намного. Чартерные школы (более независимый вид государственной школы, существующий в некоторых городах США) вмещали в себя еще 5 % школьников. Но здесь преимущества снова колебались в широких пределах в зависимости от школы.

Конкуренция существует почти везде, даже если иногда ее трудно заметить. В развитом мире 3/4 детей посещают средние школы, так или иначе конкурирующие за учеников. Но, насколько я могу судить, только в одной стране имеется настоящая свободная рыночная конкуренция в области образования, где спрос и предложение определяют цены. И это не США.

Оценив важность серьезного подхода к учебе, я хотела узнать, могла ли ее запустить конкуренция. Чтобы это узнать, я должна была войти в полумрак южнокорейских хагвонов – лаборатории для лучшего и худшего сразу.

Глава 9
Учитель за 4 000 000 долларов

Эндрю Ким вел урок английского языка: тихо говорил в маленький микрофон и писал мелом на старомодной доске. Он как будто не делал ничего особенного, но на его занятиях ученики не спали!

В 2010 г. Эндрю Ким заработал $4 000 000. В Корее его назвали «учитель – рок-звезда» – такого словосочетания я никогда раньше не слышала. Он учительствует более 20 лет, и только в частных академиях внешкольного образования Кореи – хагвонах. Это означало, что ему платили в соответствии со спросом на его знания в отличие от того, как платят учителям во всем мире. А спрос на него был.

Я интервьюировала Кима в его кабинете в роскошной высотке в Сеуле в июне 2011 г. Один из его служащих встретил меня у дверей и предложил бутылку воды. Мы сели за стол, и Ким рассказал, что работает около 60 часов в неделю, хотя читает всего три лекции. Интернет превратил его занятия в товар. Лекции он читает онлайн, и дети могут приобрести его занятие по цене $3,50 за час. Все остальное время он консультирует школьников онлайн, составляет планы уроков и пишет учебники и методические пособия. Он написал около 200 книг.

– Чем больше я работаю, тем больше зарабатываю, – сказал он. – И мне это нравится.

Он не слишком гордится своей зарплатой, но и не стесняется ее. Большая часть его заработка приходит от 150 000 детей, смотрящих его лекции в Интернете. Я пришла к выводу, что Ким – это бренд, с сопутствующими накладными расходами. На него работает 30 человек, помогающих управлять его образовательной империей. Он также владеет издательством, выпускающим его книги.

Назвать это репетиторством значит сильно преуменьшить масштаб и сложность его деятельности. «Мегастади» – онлайновый хагвон, в котором работает Ким, зарегистрирован на Корейской фондовой бирже. 3/4 корейских детей обращались к рынку частных услуг. В 2011 г. их родители потратили почти $18 млрд на подготовительные курсы – на борьбу с наркотиками в США тратят меньше. Так называемый репетиторский бизнес столь прибылен, что привлекает инвестиции таких компаний, как «Goldman Sachs», «Carlyle Group» и A.I.G.

Участие многонациональных банков в системе образования, в

сущности, зловеще. Однако в моей встрече с Эндрю Кимом было нечто волнующее. Я впервые находилась рядом с учителем, зарабатывавшим столько, сколько профессиональные спортсмены. Этот учитель (учитель!) входил в 1 % элиты. Кто-то другой с такими же амбициями и способностями в США мог бы стать банкиром или юристом, но в Корее он стал учителем и все равно был богат.

Притягательная идея. Есть ли лучший способ привлечь самых лучших и талантливых в учителя, чем сделать лучших учителей миллионерами? Возможно, Корея все же была образцом для всего мира.

Но мир хагвонов был загадочен. Чужаку трудно понять, как эта индустрия функционировала – и процветала. И тогда я встретилась с Ли Чэй Юн, владелицей «Myungin Academy» – сети из 5 хагвонов в Сеуле – в традиционном корейском ресторане.

Ли почти 20 лет преподавала в государственных школах и университете. Но теперь Ли говорила со мной как директор фирмы.

– Ученики – это мои клиенты, – сказала она.

Чтобы набрать учеников, хагвоны проводят дни открытых дверей, массовые рассылки, вывешивают оценки своих выпускников за тесты и число принятых в университет у входа. На корейском рынке результаты – главное.

Когда школьников зачисляют, хагвоны по электронной почте и телефону информируют родителей о посещаемости занятий, а также об успехах детей. Если родители не вовлекаются в жизнь детей, это считается недостатком хагвона, а не семьи. Я видела несколько школ США, зашедших так же далеко в обслуживании своих так называемых клиентов.

> Если оценки учеников или коэффициент зачисления в университеты снижается, учителю назначается испытательный срок. Если через пол года показатели остаются низкими, его увольняют.

Самое радикальное отличие в том, что школьники записываются на занятия к определенным учителям, а не просто в хагвоны, и востребованные учителя получают больше учеников. На лекциях Эндрю Кима присутствует около 120 учеников, хотя на среднем занятии в хагвоне их гораздо меньше. Корейский рынок частных услуг устанавливает цену на образовательные услуги по самой важной переменной величине – учителю.

Это максимально близко к чистой меритократии и столь же безжалостно. В хагвонах учителя сами себе хозяева. Им не нужны сертификаты. У них нет льгот, а зарплата определяется

количеством учеников и оценками, которые ученики получают за тесты, а кроме того – результатами обследования уровня удовлетворенности учеников и родителей.

В поисках учителей директора хагвонов, такие как Ли, прочесывают Интернет, читая отзывы родителей и просматривая лекции учителей.

Конкурирующие хагвоны регулярно пытаются переманить друг у друга учителей. Но, как кинозвезды или избранные, знаменитые учителя приходят с багажом.

– По-настоящему хороших учителей трудно удержать и трудно ими руководить. Приходится щадить их эго, – сказала Ли с улыбкой.

Однако большинство учителей в хагвонах – не рок-звезды. Иностранцы, приехавшие преподавать английский в Корею, рассказывали, что работали непомерно много в жутких условиях за низкую плату. Большинство учителей хагвонов зарабатывают гораздо меньше школьных учителей, а так как корейские педагогические колледжи выпускают слишком много молодых специалистов, то конкуренция за рабочие места весьма высока.

В хагвонах Ли лишь 1 из 5 претендентов доходит до личного собеседования. После этого претендент дает два пробных урока и только тогда принимается (или нет) на работу. Логичная стратегия найма!

Ли следит за эффективностью работы учителя. Если оценки учеников или коэффициент зачисления в университеты снижается, учителю назначается испытательный срок. Если через полгода показатели остаются низкими, его увольняют. Ежегодно Ли увольняет около 10 % своих сотрудников. (Американские школы освобождают от должности около 2 % учителей в год за низкую успеваемость.)

По мнению Ли, все дело в этой гибкости. Она может исправить ошибки в найме и мотивировать остальных учителей работать лучше.

– Школьным же учителям недостает таких стимулов, – сказала Ли, – поэтому они менее эффективны и переносят родительский спрос на хагвоны. Без хагвонов Корея бы резко снизилась в PISA.

Highest, Inc

Когда подруга Эрика Дженни переехала из США обратно в Корею, она поступила в хагвон, как и все ее друзья из 8-го класса. Там она повторяла практически все, что должна была изучить в школе за день: корейский язык, математику, естественные и

общественные науки. Чаще всего она находилась в хагвоне до 10 часов, а перед тестами до полуночи.

Дженни сказала, что в хагвоне узнает больше, чем в школе. Когда я спросила ее, почему, она объяснила это просто:

– Я думаю, они лучше, потому что лучше учат.

Большинство корейских подростков предпочитают своих преподавателей в хагвонах обычным учителям. В опросе 6600 школьников из 116 средних школ корейские школьники ставили учителям из хагвонов более высокие отметки по всем показателям: учителя из хагвонов лучше подготовлены, более преданы делу и больше уважают мнение учеников. Учителя из хагвонов лучше, сказали школьники, так как объективнее относятся к ученикам независимо от их успеваемости.

Рыночные стимулы явно работают – во всяком случае, по мнению школьников. Учителя относятся к ученикам скорее как к клиентам.

Является ли Корея доказательством того, что американский рынок чартерных школ может работать? Конкуренция явно дает прибыль и удобную для клиентов деятельность. Но действительно ли дети учились в хагвонах большему?

В чем же причина высоких оценок Кореи в PISA? Что помогает детям хорошо учиться: государственные школы или хагвоны? Статистика свидетельствует: внешкольная подготовка повышает оценки за тесты, особенно по математике, но ее преимущество уменьшается применительно к навыкам чтения старшеклассников.

Эти данные наводят на мысль, что качество внеклассных занятий значит больше, чем количество.

Как во многих рыночных странах, цена нежестко связана с качеством. И проблема в этом.

Во внешкольной подготовке существует иерархия. Дети самых состоятельных родителей из класса Дженни ходили на дорогие индивидуальные занятия. Это услуга высшей категории. Джейн ходила в сетевой хагвон «Highest»[46]. Он стоил недешево, но даже бедные семьи наскребали на него денег.

А вот дети, родители которых не могли платить, учились самостоятельно или на дополнительных занятиях в школе. 8 из 10 корейских родителей сказали, что испытывают денежные затруднения из-за цен в хагвонах. И все же платили, думая, что чем больше платят, тем больше знают их дети.

Это неравенство мучило Эндрю Кима: да, система сделала его миллионером, но она явно небезупречна.

– Не думаю, что это идеальный способ, – сказал он. – Это заводит в порочный круг бедных людей, нищающих ради детей.

Он также считал, что спрос на хагвоны отражает недоверие родителей к государственным школам. Правы ли они, сказать трудно. В любом случае, так же как министр образования Южной Кореи, Ким считал, что Финляндия – это образец для всего мира.

Между тем он делал большие деньги на этом порочном круге и собирался этим заниматься до 2017 г., когда истечет срок его контракта с «Megastudy». После этого Ким хотел вернуть свой долг обществу, возможно, помогая готовить учителей. У него был 6-летний сын, и он не хотел, чтобы тот попал в «соковыжималку».

Война хагвонам

Я не встречала в Корее тех, кто хвалил бы систему образования. Напрашивался вывод: без равенства – полноценных возможностей для каждого, а не только для элиты – система развалится. Родительские тревоги приведут к гонке вооружений в образовании. Цена образования непомерно выросла, каждый год газеты печатают материалы о мошенничестве преподавателей хагвонов, школьников и родителей. В 2007 г. примерно 900 корейским школьникам аннулировали баллы SAT из-за утечки информации о вопросах теста.

Корейское правительство десятилетиями пытается смягчить культурный и образовательный мазохизм в стране. В 1980-е, в период диктатуры, хагвоны даже запретили. Но каждый раз они возрождались во все больших количествах. Когда же правительство ограничило плату за их услуги, около половины хагвонов не подчинились закону, запрашивая вдвое, а то и впятеро больше разрешенного.

Ничего не вышло, потому что корейские дети хотят попасть в лучшие университеты страны. И кто их в этом обвинит? В 2007 г. 9 из 10 судей Верховного суда и судов первой инстанции были выпускниками Сеульского национального университета, одного из трех лучших, 4 из 10 гендиректоров крупных корейских компаний вышли оттуда же.

Чтобы изменились эти стимулы, должны были измениться корейские работодатели, а не корейские школы. Чистая меритократия, определявшая жизнь детей, будто бы не распространялась на жизнь взрослых.

Нельзя было сказать наверняка, но это обстоятельство, возможно, помогает объяснить высокий уровень суицидов в Корее. При этом уровень самоубийств корейских 15–19-летних подростков не так велик, как в Финляндии, Польше, США. А вот взрослые корейцы совершают очень много самоубийств. За счет этого общий уровень суицидов в Корее один из самых высоких в

мире. Причины, стоящие за уровнем самоубийств в стране, были загадочными и сложными, но, кажется, самые уязвимые места Кореи были на рабочих местах и в университетах для взрослых, а не только в школьных классах.

Пока все общество не изменится, корейские политики будут продолжать идеалистические нападки на культ круглосуточной учебы. Это напоминает бесконечную игру «Али-Баба», в которой правительственная бюрократия то и дело атакует стену из корейских матерей и отцов вдесятеро сильнее их.

Когда я приехала в Корею, последний план правительства состоял в навязывании хагвонам комендантского часа, в рейдах на подготовительные курсы среди ночи и отсылке детей домой. Вряд ли правительственные правоприменительные органы могли выиграли в этом раунде игры, но я хотела увидеть, как они производят облавы.

На дежурстве с учебной полицией

Дождливым июньским вечером в среду ночной отряд учебной полиции Сеула собирался выехать на дежурство. После чая с рисовыми крекерами в конференц-зале, освещенном флуоресцентным светом, мы вышли на улицу.

Командиром отряда был Ча Бьонг Чул – чиновник средней руки отдела образования сеульского района Гангнам – в маленьких овальных очках и пиджаке в тонкую полоску поверх желто-белой рубашки.

Примерно в 10.20 Ча выкурил сигарету на автостоянке.

– Мы не выезжаем ровно в 10, – пояснил он, когда в небе прогремел гром. – Мы даем им минут 20. Тогда у них нет оправданий.

Хагвоны, которые застанут работающими после 10, получали предупреждение. 3 предупреждения – неделя простоя. Если нарушение случалось после полуночи, хагвон закрывался на 2 недели. Чтобы найти нарушителей, правительство стало платить осведомителям. Один доносчик, как сообщали, заработал аж $250 000! Между тем оборотистые владельцы хагвонов предлагали новые курсы: как найти нарушения в работе хагвонов и донести о них. Этакий круговорот наказаний и получения прибыли. До настоящего времени их правительство выплатило уже $3 000 000 вознаграждений.

> Корейское правительство десятилетиями пытается смягчить культурный и образовательный мазохизм в стране.

Наконец мы забрались в «Киа Сорренто» и направились в Дайчи-донг, один из районов Сеула, где больше всего хагвонов. Улицы были забиты сотнями машин – это родители забирали своих детей из хагвонов, закрывавшихся на комендантский час, а 6 инспекторов шли по тротуару в поисках предательских полос света из-за задернутых штор.

Около 11 они направились к учреждению, о котором им сообщали по телефону, и поднялись по грязной лестнице на третий этаж. Единственная женщина в группе постучала в дверь.

– Эй, откройте! – крикнула она.

Приглушенный голос из-за двери ответил:

– Минуту!

Инспекторы переглянулись. Ча дал знак одному из коллег спуститься по лестнице и блокировать лифт.

Через мгновение сутулый пожилой человек открыл дверь. У него был озабоченный вид, но он впустил инспекторов. Они разулись и быстро обошли помещение.

Это была вечерняя библиотека для самоподготовки, формально не хагвон. В этой берлоге из нескольких комнат с низкими потолками и флуоресцентным светом в маленьких кабинках сидело около 40 подростков. Когда мы проходили мимо, они поднимали головы, без особого интереса глядя на нас слегка туманным взглядом. Это закрытое пространство напоминало подпольный цех эпохи постмодерна, массово производящий знания вместо футболок.

Библиотекам для самоподготовки разрешалось работать до комендантского часа, но Ча что-то насторожило. У всех школьников были одинаковые рабочие тетради, к тому же там бродили несколько взрослых. Он подозревал, что это замаскированный хагвон.

Женщина средних лет в зеленой футболке стала спорить с Ча.

– Мы здесь просто работаем. Мы не учителя, – сказал она недовольно.

Ча покачал головой.

– Я видел вас с учениками, – сказал он.

В этот момент из соседней комнаты вышел круглолицый мальчик лет 14. Склонив голову набок, он посмотрел на инспекторов. Затем, шаркая домашними шлепанцами, подошел к женщине в зеленой футболке с рабочей тетрадью в руке и хотел ее о чем-то спросить. Она шикнула на него и выпроводила из помещения.

Ча сообщил пожилому мужчине, что, вероятно, библиотека будет на время закрыта, и велел ему назавтра явиться к нему. Мужчина слушал его молча с тем же обиженным выражением

лица.

После этого отряд сделал еще 4 остановки у других библиотек, но нарушений не обнаружил. Около полуночи Ча, стоя на углу, курил последнюю сигарету и смотрел на неоновые огни города, который все еще не спал, а потом поехал домой, утешаясь мыслью, что освободил 40 подростков из 4 миллионов.

Побег из «соковыжималки»

Эрик поехал бы куда угодно и сделал бы практически все, чтобы уйти из корейской школы. Но по правилам программы обмена ему нужно было оставаться в школе. И когда он услышал о профессионально-техническом училище, которое принимает иностранцев, то умолял сотрудников своей программы позволить ему перейти туда.

Чтобы получить место, ему нужно было специализироваться в китайском языке для бизнеса, но он не колебался. Эрик хотел выбраться из «соковыжималки» и стал бы учить китайский хоть для боулинга!

Впервые он пошел туда в марте. Колледж стоял на холме, во дворе бил большой фонтан. Здания колледжа были скучными, не похожими на его среднюю школу. В кабинете китайского языка в ожидании преподавателя болтали и смеялись студенты. Молодой человек по имени Гоун представился Эрику и спросил, чем он занимался в Корее.

– Я учился в школе.

Тот посмотрел на него.

– Долго?

– Полгода.

У того расширились глаза. Потом он участливо склонил голову.

– Сочувствую. Никому не пожелаю учиться в корейской школе.

После занятия Эрик и его новые знакомые не спеша пошли обедать. В колледже у корейских студентов было время поговорить с американским мальчиком. Они думали о вещах, не связанных с оценками за тест. Они жили нормальной жизнью, а теперь и Эрик тоже.

Глава 10
Возвращение домой

Когда Том получил это электронное письмо, шел снег. Он тогда жил в хостеле. Том снова и снова перечитывал письмо. «Надеемся, Вы как следует отметите свое поступление в Колледж Вассара[47]!»

Вассар он выбрал сразу, там учились его бабушка и брат. Он воображал, как изучает там великие литературные произведения, так же как представлял, что разучивает Шопена в Польше. Он хотел изучать английский язык, Вассар же предлагал семинар для первокурсников по Вирджинии Вулф, его любимому автору. Той весной в Польше он перечитал «Миссис Дэллоуэй» и «На маяк». Ему не терпелось пойти в колледж.

Летом 2011 г. мои американские агенты поехали домой. Это было странное для них время – пауза перед началом взрослой жизни. Выпускники американских колледжей выигрывают в деньгах больше, чем почти во всех странах. Диплом дает хороший шанс устроиться на работу. В то лето уровень безработицы для выпускников колледжей был умеренный – 4 %.

Если бы Ким, Эрик и Том не пошли в колледж, то зарабатывали бы вдвое меньше и столкнулись бы со вдвое большей безработицей. Возвращаясь вечером домой, они бы продолжали расплачиваться за это: американцы, не окончившие колледж, чаще разводились и растили детей в одиночку. Они даже умирали раньше, чем выпускники колледжей.

Если они вообще бросили бы среднюю школу, то попали бы в мир бесконечной борьбы, с низкими зарплатами, исчезающими льготами и 14 %-ной безработицей. Для Ким, Эрика и Тома это было маловероятно, но является неизбежным финалом для четверти их ровесников. К тому времени как Ким исполнится 20, будет примерно на 6 млн больше американцев без аттестатов об окончании средней школы, чем рабочих мест для них.

Иначе говоря, в зависимости то того, что произойдет дальше, Ким, Эрик и Том смогут, по сути дела, жить не в той стране, в которой будут жить дети, с которыми они вместе ходили в детский сад. В их будущем многое неизвестно, но в Америке становится все труднее изменить свою судьбу. Пути, которые разводили детей в разные стороны еще в начальной школе, вели дальше – во взрослую жизнь. Без существенных изменений методов, применяемых в стране, эти пути уже не пересекутся.

Как американский, так и польский пирог

Когда Том покидал Польшу, туда приехала Пола Маршалл из Оклахомы. Однако она приехала не учиться или осматривать достопримечательности, а открывать фабрику.

Маршалл руководила организацией «Bama Companies». В 1920-е ее бабушка начала продавать домашние пироги в местные рестораны. Потом отец Полы предложил «Макдоналдс» блестящую идею: продавать пирожки, которые клиенты могли бы есть, сидя в машине. Это очень американская история успеха: молодой человек превратил замороженные яблоки в деньги.

Десятилетия спустя Пола вступила во владение фирмой, открывая новые фабрики в Оклахоме и Китае. Компания разрасталась в геометрической прогрессии, поставляя хлебные палочки в «Пицца-хат» и бисквиты в «Макдоналдс». Большинство из тысяч ее работников по-прежнему работало в Оклахоме.

А теперь она приехала в Польшу открывать свою новую фабрику. Тому было много причин, и одна из них та, что работа на современной фабрике требовала квалификации, умения критически мыслить. Местные заверили, что в Польше с наймом рабочих трудностей не будет.

– Мы знаем, что здесь хватает образованных людей, – сказала она.

Когда мы с Маршалл встретились за чашкой кофе, она говорила о том, как трудно найти рабочих в США.

– Взять, к примеру, техобслуживание оборудования, – сказала она. – Этот труд оплачивается из расчета $25–30 в час. Но сегодня техники должны уметь читать документацию, письменно сообщать о случившемся в их смене, тестировать оборудование и, разумеется, выявлять неисправности и ремонтировать большие механические системы.

«Bama Companies» не могла найти достаточно техников по обслуживанию в Оклахоме. Были годы, когда они не могли найти даже чернорабочих, потому что даже они должны думать и обмениваться информацией. Маршалл была готова платить за обучение работников, но… ведь многие не умеют ни читать, ни считать! Увы, аттестату о среднем образовании доверять нельзя: выпускники нескольких средних школ одного школьного округа той же Оклахомы имели очень разные познания. (Кстати, военные обнаружили то же самое. Четверть выпускников средних школ Оклахомы, пытавшиеся завербоваться на службу, не смогли сдать тест на способности к обучению.)

Чтобы подтвердить аттестат, кадровая служба просила соискателей заполнять документы в их присутствии, чтобы

определить, действительно ли человек понимает вопросы. Потом они просили кандидатов отреагировать на гипотетический сценарий, чтобы посмотреть, смогут ли они четко выразить свои мысли и решить проблемы. После всех тестов оставались немногие.

В 2012 г. Маршалл решила нанять 200 человек для работы на тестомесильном оборудовании в Польше. Она была настроена оптимистично.

– Польша показалась мне такой, какой, наверно, была Америка в 1980-е, – сказала она. – Такое же впечатление от Шанхая. Люди здесь деятельные.

День первый

Прожив год в Финляндии, Ким вернулась в Оклахому, полная сложных эмоций. В этот раз, напомнила она себе, она будет другой, даже если все остальное останется прежним. Ким надела пушистые тапочки с собачьими мордами, выпила чашку кофе, который привезла в Оклахому из Финляндии, уселась в удобное кресло с котом Джорджем и приготовилась к интернет-уроку биологии.

Ким понравилась идея Оклахомской виртуальной средней школы. Она подумала, что таким образом сохранит ту независимость, которую обрела в Финляндии. Она могла сама решать, когда просыпаться и когда заниматься геометрией. И могла есть ланч настоящими вилками и ножами на собственной кухне, так же как ела в школьном кафетерии в Финляндии.

Она надеялась, что свобода поможет ей себя мотивировать. Она не могла контролировать такие вещи, как качество или объективность, но могла воскресить в памяти независимость и интерес. А если так, то она, условно говоря, уже наполовину в Финляндии.

В первый день учебы в виртуальной школе Ким зарегистрировалась и проверила свои успехи на интерактивной информационной панели. Пока все диаграммы были зелеными – значит, она успевает в срок. У нее было еще 149 дней до отставания от программы. Она прослушала 20-минутную лекцию по геометрии. С учителями можно было связаться в любое время пять дней в неделю. Она могла общаться с ними по электронной почте, телефону или мгновенными сообщениями. Пришел новый день, и он был не так плох.

В течение 8 часов она вообще ни с кем не общалась. Где-то в 3.30 из школы вернулась мама. В полночь Ким еще не спала и читала о колледжах Ирландии – своей последней мечте. Она

казалась не столь невообразимой, как когда-то Финляндия. В час ночи она изучала Месопотамию, готовясь к уроку истории.

– Мне очень это нравится, – сказала мне она на второй день, вскоре после написания доклада о почтовых голубях. – Я совсем не скучаю по людям.

– А тебя не беспокоит, что ты окажешься в изоляции? – спросила я.

– Люди всегда так говорят, – сказал она. – Но люди забывают, что я и так была очень одинока в американской школе.

Я начала понимать, что Ким одинока по собственному желанию. Единственным недостатком, который она пока заметила, было то, что она стала общаться с котом и собакой как с людьми.

– Я много с ними разговариваю, – призналась она, – и все, что они делают, кажется мне чудесным.

Чтобы не сойти с ума, она вступила в клуб писателей, который собирался в кафе соседнего города. А раз в неделю ходила в школу ирландского танца. Ее мама отвозила и забирала ее оттуда, счастливая, что ее дочь вернулась обратно, не зная, надолго ли она здесь останется. Таким образом, Ким по-прежнему регулярно виделась с людьми. Она скучала по Финляндии, но пока виртуальная реальность была для нее лучше настоящей школы.

Школой Ким руководила «Advanced Academics» – коммерческая компания, располагавшаяся в Оклахома-сити и предлагавшая интернет-курсы в 30 штатах. Эта компания принадлежала «DeVry» – открытому акционерному обществу (в 2011 г. доход составил $2 млрд). Для Ким виртуальная школа была бесплатной, как и муниципальная: большая часть денег штата, которая обычно шла в среднюю школу Саллисо, вместо этого направлялась в «Advanced Academics».

За три года количество учеников муниципальных школ Оклахомы, участвующих в любого рода интернет-обучении, выросло на 400 %. Но никто не знал, лучше ли виртуальные школы обычных. Это немного напоминало первые годы существования индустрии хагвонов. Однако без корейской одержимости оценками такая аналогия рушится. И действительно ли свободен рынок, если никто не знает о качестве его продукта и даже не условился о том, каким должен быть этот продукт?

В тот учебный год случилось еще одно важное событие: после 7-летних дебатов в Оклахоме решили проводить выпускной тест, как в Финляндии, Польше и Корее. Впервые выпускники средней школы должны были сдать четыре из семи тестов по математике, английскому, биологии или истории, чтобы получить аттестат.

«Мы не ждем слишком многого от оклахомских школьников – всего лишь практических знаний основ математики, естествознания и английского», – писала газета «Oklahoman».

Тесты были несложные. 9 из 10 выпускников оклахомских школ должны были их сдать, а те, кто не сможет, имели право пересдать любой из тестов минимум трижды в год, выбрать другой тест или вместо этого подготовить проект. Ученики коррекционных школ могли получить меньше баллов, чем другие школьники.

И все же некоторые законодатели Оклахомы полагали, что даже этот шаг в направлении более строгого обучения слишком суров. Законодатель-демократ и учитель Джерри Макпик представил билль об отмене проекта, сравнивая тест с жестоким обращением с детьми: «Мы собираемся применять жестокость и третировать детей потому, что они не имеют таких интеллектуальных возможностей, как у других?»

В Финляндии вступительный экзамен в вуз существовал на протяжении 160 лет, это был способ мотивировать детей и учителей к ясной общей цели, и это делало аттестат средней школы весомым. В Корее из-за выпускного теста меняли маршруты воздушного движения. Польские дети готовились к своим тестам днями и ночами и приходили на экзамен в костюмах, галстуках и платьях.

В Америке же школьники, сдавшие требуемые предметы и посещавшие школу требуемое количество дней, получали свои аттестаты независимо от того, чему научились или что с ними будет, когда они попробуют устроиться на работу в «Bama Companies». То есть дети заслуживали возможности провалиться позже, а не сейчас. Извращенное сострадание!

В этот раз школьный инспектор штата Оклахома Дженет Барреси не сдалась.

– Если мы вернемся к прежним требованиям, школьники не будут относиться к этому серьезно, – сказала она. – Меня больше беспокоит, сможет ли школьник найти работу, а не то, сможет ли он окончить школу вместе со своими друзьями.

Той весной менее 5 % из 39 000 учеников старших классов средних школ Оклахомы не смогли соответствовать новым требованиям к выпускникам школ, что гораздо меньше, чем ожидали многие школьные инспектора. (Интересно, что процент несдавших приближался примерно к 6 % учеников выпускных классов, не сдавших гораздо более строгий выпускной экзамен в Финляндии.)

В Оклахоме некоторые школьники обжаловали свои оценки, и им выдали аттестаты, ссылаясь на те или иные смягчающие

обстоятельства. В эту систему была встроена гибкость. Тем не менее отделы среднего образования по всей Оклахоме опротестовали тесты, взывая к милосердию.

– Некоторые дети просто не могут сдать тест хорошо. И это ужасно несправедливо по отношению к ним! – сказал руководитель отдела среднего образования газете «Tulsa World».

То, что у школьников было много возможностей, включая выполнение проекта вместо сдачи теста, ее не успокоило.

Когда Ким завершила свой первый учебный год, вернувшись в Америку, США были седьмыми в рейтинге Всемирного экономического форума по глобальной конкурентоспособности. Это был действительно очень высокий показатель, хотя за последние 4 года он снизился. А какая страна стояла третьей? Маленькая далекая скандинавская страна с небольшими ресурсами, не считая того, что местные жители называли словом «сиису».

Первокурсник в Америке

Вернувшись в Геттисберг, Том установил для себя строгую норму: читать в день по 100 страниц. В то лето он впихнул в себя Мишеля Фуко, просто чтобы проверить, справится ли. Он бросил курить. Но все же ему не хватало прогулок по улицам большого города и тепловатого польского пива с друзьями в час заката над Вроцлавом. Том хотел пригласить друзей в полночь сразу после возвращения, и его родители подумали, не спятил ли он. Он хотел посидеть в кафе, но геттисбергские кафе закрывались рано. Он попросил маму, главного государственного защитника Геттисберга, купить ему пива, но она сказала «нет».

Той осенью Том покончил с книгами и футболками инди-группы и переехал в город Покипси, штат Нью-Йорк. Попав в Колледж Вассара, он поселился в старом кирпичном общежитии с остроконечной крышей, стоящем посреди поросшего травой двора. Его сосед по комнате украсил стены рождественскими гирляндами и тибетскими молитвенными флагами. Том, как и планировал, записался на семинар по Вирджинии Вулф и стал встречаться с девушкой, жившей по соседству.

Начались занятия, и… он понял, что не настолько хорошо подготовлен, как думал. 4 из 10 студентов Вассара посещали частные школы, включая элитарные пансионы Северо-Востока. Они анализировали тексты с легкостью, какой он не обладал. Они ссылались на греческую мифологию, а Том не улавливал, о чем идет речь. Один студент рассказывал, что «Комната Джейкоба» начинается «in media res», как будто все понимали, что это

значит. Они читали Вергилия, а он нет. Это нервировало.

В это же самое время в 800 милях от него Эрик испытывал противоположное чувство. Он переехал в Чикаго – в университет Де Пола. Прожив год в Корее, он понял, что лучше всего чувствует себя в шуме большого города, там, где можно поесть суши в 4 утра. Он собирался изучать политику и философию. Но той осенью он обнаружил нечто удивительное: он был подготовлен слишком хорошо! Эрик скучал. Сидя в аудитории Де Пола над пустой тетрадью, он ощущал себя воздушным шариком, теряющим высоту. Эрику довелось прочесть письменные работы своих сокурсников: многие не знали, как излагать доводы или ясно доносить мысль. Работы были несвязны, а грамматика бедна. И дело не в том, что эти студенты не хотели или не могли написать лучше, а в том, что их никто этому не научил.

Эрик нашел другие занятия, которые понравились ему больше. Он исследовал Чикаго. И подумывал о переводе в другой колледж. Если это ему удалось в Корее, то, может, в Америке тоже получится.

Что касается Тома, тот легко освоился: он читал Вергилия. Он нашел в словаре выражение *in media res* и узнал, что на латыни оно значит *история, начавшаяся с середины*. Он все быстро схватывал и к весне начал писать работу о древнеримском поэте Катулле. Он понял, что все их шуточки – чушь и что ему нужно изучать разговорный язык.

Но он представлял себе, что могло бы быть иначе. Если б мама с папой не брали его каждую пятницу в «Barnes & Noble», если б он не глотал книги, то мог бы и не выработать привычку к ежедневному серьезному чтению. Как он понимал, без этой привычки «Вассар», несомненно, раздавил бы его. Видимо, не имело значения то, что он изучал английский язык в Геттисбергской средней школе. Видимо, не имело значения то, что он получал хорошие оценки. Ему нужно было учиться серьезнее, чем предлагалось в школе. К счастью для него, он сам это понял.

Кореянка в Нью-Джерси

Летом 2011 г. семья Дженни переехала в центральный Нью-Джерси. Как и Ким, ей оставалось еще два года до окончания американской средней школы. Школа была гораздо более гуманной, чем в Намсане: уроки были легче, а учителя и одноклассники расслабленнее. Но были и сюрпризы.

Осенью во время первого теста по алгебре девочка, сидевшая с ней рядом, пожаловалась, что не понимает одну задачу. И тут

учитель на глазах у всех подробно объяснил ей, как решать задачу, – во время теста!

Дженни онемела. Интересно, как эта девочка будет сдавать SAT без учителя? Потом учитель помог еще одному ученику. Дженни сделала большие глаза. Видели бы это ее корейские друзья!

Но ее ждал еще один сюрприз. Той весной Дженни узнала, что дети всей Америки сдают в школе «Президентский тест по фитнесу». Он проводится несколько десятилетий, и требования всегда почти необъяснимо высоки: за 8 минут пробежать милю, за минуту сделать 44 приседания, мальчикам подтянуться 13 раз, девочкам 25 раз отжаться. Ее разряд по гимнастике не учитывался. Школьники и учитель физкультуры готовились к этому серьезно, как к настоящему тесту.

Дженни это казалось невероятным. 25 отжиманий – не шутка. Почему такие высокие требования? И почему при таких требованиях в Америке так много тучных людей?

В Корее Дженни сдавала подобный спортивный тест, но требования там были ниже. На то, чтобы пробежать милю, отводилось 9,5 минуты. И результаты никого не волновали – дети просто шли по беговой дорожке. Их волновал тест по математике.

Дженни была уверена, что сдаст тест по фитнесу: она знала, что умение соответствовать высоким требованиям в основном зависит от упорства.

Белки в колесе и дети-алкоголики

Вернувшись в США в конце учебного года, я долго пыталась осмыслить то, что увидела. Я была поражена тем, сколько существует общих проблем. Везде учителя жаловались на тесты, директоров и родителей, родители же переживали за детей и плохо понимали, что творится в школе, политики сетовали на профсоюзы, профсоюзы – на политиков.

А дети везде оставались детьми: у них были любимые и нелюбимые учителя, они играли в видеоигры, писали эсэмэски на уроках и смотрели телевизор… А больше всего они различались серьезностью отношения к учебе. И уровень самоотдачи колебался, как кривая ЭКГ, в зависимости от места проживания ребенка.

Почему им не все равно? Ким задала этот вопрос в Финляндии, сведя изыскания до одного предложения. Навестив ее, я стала подозревать, что ответ был довольно прост: они серьезнее относились к учебе, потому что она и была серьезнее. А серьезнее она была потому, что все считали, что она должна быть

такой.

В Финляндии, Корее и Польше существует единое мнение, что дети должны учиться мышлению более высокого порядка, чтобы преуспевать в жизни. Это единодушие порождено кризисом: экономическая необходимость мобилизовала способности народа так, как никогда бы не мобилизовали благие намерения. Этот консенсус в отношении требовательности изменил и все остальное.

Средней школе в Финляндии, Корее и Польше придают такое же значение, как футболу в средней школе Америки. В конце детей ждало большое и важное состязание, и баллы были важны. И учителя их соответствующие: образованные, подготовленные, тщательно отобранные. Они достаточно независимы, а значит, больше возможностей адаптироваться и меняться вместе со своими учениками и экономикой, что позволяло воспитывать более энергичных, самодостаточных выпускников.

В США же стать учителем может каждый, если он приходит на занятия, следует установленным правилам и имеет добрые намерения. Можно сказать, мы имеем такие школы, какие хотели иметь. Родители, как правило, не требуют задавать детям читать более сложные произведения или чтобы в детских садах их учили математике, – они жалуются на плохие оценки, а еще приходят толпами на школьные соревнования.

Так сложилось исторически. Большинству не нужно серьезное образование, и они его не получают. Достаток сделал строгость в Америке необязательной. Но все изменилось. В глобальной экономике дети должны быть целеустремленными, им нужно уметь приспосабливаться, поскольку они будут делать это всю свою жизнь. Им нужно культивировать требовательность.

> В Финляндии. Корее и Польше существует единое мнение, что дети должны учиться мышлению более высокого порядка, чтобы преуспевать в жизни.

Требовательность проявляется по-разному. Корейская «соковыжималка» создала столько же проблем, сколько и решила. Учеба без удовольствия приводит в основном к хорошим оценкам за тесты, но не к жизнерадостности. Безжалостное обучение трудно выдержать, и есть факты, что знаменитое корейское рвение сильно снижается после поступления в колледж.

Тем не менее, если б мне нужно было выбирать между «соковыжималкой» и витанием в облаках, характерным для многих школ США и других стран, думаю, что неохотно, но я выбрала бы «соковыжималку». Да, она безжалостна, однако дети из стран-«соковыжималок» знают, что такое иметь дело со

сложными понятиями и мыслить вне своей зоны комфорта: они знают цену упорству. Знают, что такое неудача, упорный труд и самосовершенствование. Они готовы к жизни в современном мире.

Витающих в облаках детей вводят в заблуждение. Заурядные учителя слишком долго держат их на щадящей диете банальности. Только после средней школы дети узнают, что их обманывали. Реальный мир не всегда дает второй или третий шанс, реальный мир не воздает вам должное только потому, что вы появились на свет. Когда будет трудно, твой учитель математики не материализуется, чтобы подсказать тебе ответ.

Образование стало валютой, за которую можно купить свободу. Оно не есть все, но значит больше, чем когда-либо. В этом смысле такие страны, как Финляндия, Канада и Новая Зеландия, используют основной природный ресурс. Их дети в каком-то смысле свободней, чем дети в странах-«соковыжималках», потому что они стали умнее, не жертвуя для этого всем, что есть в их жизни.

Что касается счастья, то Финляндия заняла второе место (после Дании) в отчете 2012 г. «Уровень счастья в мире», подготовленном ООН. У финнов было много причин для счастья, включая то, что образование повышало доходы, а доходы делали счастливее.

– Если вам нужна американская мечта, поезжайте в Финляндию! – сказал руководитель Лейбористской партии Великобритании Эд Милибэнд на конференции по социальной мобильности[48] в 2012 г.

В XXI веке бедному человеку было легче получить прекрасное образование в Финляндии, чем почти в любой стране мира, включая США (номер 11 по счастью).

Думая о будущем образования, я беспокоилась о таких детях, как Ким, – тех, кто годами недополучал качественных знаний и поощрения от этой системы. Меня интересовало, что будет с детьми-алкоголиками в Финляндии и Оклахоме. Но я все же была настроена более оптимистично, чем до отъезда. Стало очевидно, что ни одна страна не сняла этой задачи, везде были проблемы, и большинство из них решаемые.

Одно было ясно: чтобы дать нашим детям достойное образование, сначала нужно договориться о том, что серьезный подход важнее всего, что школа должна учить детей мыслить, упорно трудиться и ошибаться. Наше единогласие делало возможным все остальное.

Образование стало валютой, за которую можно

купить свободу. Оно не есть все. но значит больше, чем когда-либо.

Я вернулась в страну, шокированную рецессией и расколотую политикой. Означало ли это, что с Америки довольно? Оглянемся ли мы на опыт Финляндии? Разоблачим ли феномен Кореи? Когда мы решим раз и навсегда, что настоящее образование – это трудное дело для всех, включая учителей, богатых и бедных детей? Политические изменения – от кампании «Ни одного отстающего ребенка» при Джордже Буше до «Гонки за первенство» при Бараке Обаме – пытались принудительно ввести строгость в американскую систему образования. Это могло поднять минимальный уровень, но не максимальный. Люди должны были поверить в строгость, они должны были решить, хоть и вынужденно, что пришло время стать серьезнее. Их можно было подтолкнуть к этому открытию, но они должны были его сделать.

Но случится ли это?

Когда я вернулась, большинство американцев уже чувствовали безотлагательность, тревожащую близость перемен и конкуренции. Но, как показывает опыт, этого мало. В конце концов, большинство стран, испытывавших экономические затруднения, не сделали того же, что Корея, Финляндия и Польша. У них не было таких лидеров или они не сумели понять, что благополучие зависит от всеобщего здравомыслия рядовых граждан и что единственный способ стать умнее – это упорный труд.

В 2014 г. в Оклахоме планировали внедрить ряд более строгих, последовательных и ясных стандартов, так называемый «Единый комплекс».

Эти стандарты, принятые еще в 44 штатах, были разработаны для того, чтобы научить детей мыслить. Они были сформированы в соответствии с международными требованиями к тому, что должны знать дети. Но эта реформа тоже подверглась критике оклахомских законодателей.

– «Единый комплекс государственных стандартов» – это федерализация образования, что попирает принципы местного управления, – сказала своим коллегам-законодателям представитель от республиканцев Салли Керн, убеждая их отклонить эти стандарты.

Когда Ким, Эрик и Том окончили свой первый учебный год по возвращении в Америку, нельзя было сказать, что консенсус в отношении строгости достигнут. Среди множества отвлекающих факторов, от белых цифровых досок до воспитания чувства собственного достоинства в школьной футбольной команде, эту

ясность цели обрести было трудно. Но возможно.

Мальчики без рюкзаков, девочки без «F»

Уильям Тэйлор преподавал математику в муниципальной школе в Вашингтоне, округ Колумбия. Он вырос в округе Колумбия и всегда любил математику. Как свежеиспеченному учителю, ему посчастливилось попасть в школу, директор которой ценил требовательность. Он был неидеален, но научил его важным вещам: например, не выгонять школьников за плохое поведение в коридор в качестве наказания, а как-то иначе заставить их хорошо себя вести. Школа – не фабрика хорошего поведения, а фабрика образования. Так он считал, и это было понятно. Если дети в коридоре, значит, они не учатся.

Еще он научил не разрешать детям уходить из школы без рюкзака. Как же домашние задания? В школе они учатся и должны выполнять задания. Эти маленькие мальчики и девочки жили в таком районе, где один из пяти взрослых был безработным, все ученики школы были афроамериканцами и большинство – бедными или близко к этому. Эти дети должны были много заниматься, если собирались преуспеть. Их рюкзаки – это их спасательные жилеты, и без них они наверняка утонули бы.

Через пару лет Тэйлор стал исключительно сильным учителем математики. И за год его ученики продвигались больше чем на уровень одного класса. А еще они научились упорно трудиться.

Уилл Тэйлор не был героем – он просто считал, что дети умнее и сильнее, чем предполагают люди, и действовал соответственно. А еще он был хорошим профессионалом и имел босса, который помог ему стать лучше.

В соответствии с комплексной системой оценки учителей округа Колумбия ему даже платили соответственно его достоинствам – что редкость в школах всего мира. Его признали высокоэффективным учителем три раза подряд – значительное достижение.

Благодаря спорной системе бонусов, введенной при прежней главе Мишель Ри, зарплата Тэйлора была шестизначной. Он только что купил свой первый дом.

В 2011 году Тэйлор перешел в новую муниципальную школу в таком же неблагополучном районе округа Колумбия. Ему там понравилось. Директор был дружелюбен и готов его поддержать, учителя были энергичны, а родители довольно заинтересованны. Ему понадобилось немного времени, чтобы найти пустоту там, где должна быть серьезность.

Тейлор делал то же, что и всегда: он учил школьников разнообразным играм и приемам, которые помогут им учиться, не теряя времени напрасно.

Он использовал некоторые хитрости, чтобы до всех достучаться, и группировал детей стратегически, чтобы они помогали друг другу тогда, когда он не мог.

Первые несколько недель ему приходилось дольше, чем обычно, приучать своих учеников относиться к учебе серьезно и следить за их поведением. Но когда он заслужил их уважение, ему больше не приходилось этого требовать.

Как-то одна девочка-молчунья подошла к нему и сказала нечто важное:

– Моя мама хотела узнать, почему вы поставили мне «F».

Тейлор спокойно посмотрел на нее через крошечные очки в металлической оправе.

– Не я поставил тебе «F», а ты его заслужила, – сказал он.

– Но я старалась, – сказала она тихо.

– Я оцениваю не твои старания, а твой результат.

Тейлор не изменил отметку девочки. Он не считал, что детей нужно готовить к неудачам. Он считал, что нужно говорить детям правду.

Тейлор поинтересовался и узнал, что некоторые его коллеги обосновывают 60 % оценок учеников одним только старанием. 60 %! Кто же скажет этим детям, что стандартизованный тест не учитывает их старания? А математику учитывает – и это правильно.

Скоро он услышал от родителей другие жалобы. Он отсылал детей домой с учебниками, а им это не нравилось. Книги слишком тяжелые, а задания слишком трудные. Он спросил других учителей, почему они тоже не отсылают детей домой с учебниками. Они сказали, что книги детям не нужны. Тейлор недоумевал: как учиться без учебников?

Он стал замечать и другое. Когда он выходил в коридор, то постоянно видел школьников, стоящих у дверей класса. Обычно это были мальчики, маленькие афроамериканцы, напоминавшие ему себя в детстве.

Он спрашивал их, почему они здесь, и дети отвечали, что их выгнали за плохое поведение.

Однажды, наблюдая за тем, как школьники выходят, выскальзывают и выбегают из дверей школы на свободу, Тейлор заметил нечто, заставившее его сердце замереть. Большинство было без рюкзаков!

Маленькой девочке он в том семестре поставил «F» в табель. Но после этого она будто очнулась. Она стала делать домашние

задания и меньше оправдываться. Она вместе с другими детьми организовала кружок и приходила заниматься в обеденный перерыв. В следующем семестре она получила «D», а к концу года у нее было «C» по математике.

Когда Тейлор сообщил ей оценку, она заплакала:

– Не могу поверить, что у меня это получилось.

И он мог сказать ей совершенно искренне:

– Да, у тебя получилось.

Одинокие воины

Такие учителя, как Тейлор, в Америке повсюду. Есть даже целые школы, основанные на идее серьезной учебы и честности. Однако это контркультурные заведения с руководителями, тратящими много времени на то, чтобы убедить родителей, что их дети сильнее, чем они думают.

В чартерных школах «BASIS» в Аризоне и Вашингтоне, округ Колумбия, учителя готовят учеников к академическим завоеваниям так, как большинство американских средних школ готовят футболистов к вечерней игре в пятницу. В день экзамена по программе повышенной трудности ученики входят в аудиторию под мелодию из фильма «Рокки» «Eye of the Tiger».

В 2012 году подростки в двух аризонских школах «BASIS» сдавали специальный новый вариант теста PISA, созданный для того, чтобы оценивать школы по международным критериям. До этого PISA определял только результаты страны или штата, а не результаты отдельных школ.

Итоги были поразительными. Средний ученик школ «BASIS» не только превзошел типичного школьника США (почти на 3 года в чтении и естественных науках и на 4 – в математике), но и опередил среднего школьника Финляндии, Кореи и Польши. Эти дети сдали тест даже лучше, чем средний школьник Шанхая – региона, ставшего первым в мире по результатам PISA 2009 г.

Без сомнения, американские подростки могут сдавать лучше всех в мире сложный тест на критическое мышление. Ученики традиционных государственных школ, сдававшие тест в Фэрфаксе, штат Вирджиния, тоже побили подростков всего мира.

Этот же тест по математике школьники другой средней школы США одного западного штата сдали хуже подростков 23 стран. Организаторы PISA не обнародовали номер этой школы, но у нее не было никаких оправданий. Это школа с преимущественно белыми учениками из среднего класса, только 6 % ее учеников жило ближе к черте бедности.

Штат присудил ей категорию A. Однако меньше 1 из 10

учеников получили высокий балл за критическое мышление в математике, по сравнению с 6 из 10 учеников школ «BASIS». Ученики этой школы сдали тест хуже подростков Финляндии, Кореи и Польши, не говоря уж о Словакии и Эстонии.

> Истории Финляндии. Кореи и Польши сложные и незавершенные. Но они показывают, что можно сделать. Все дети должны учиться серьезному мышлению более высокого порядка, чтобы преуспевать в современном мире.

Родители учеников этой школы могут никогда не узнать об этих результатах, но школьники так или иначе узнают. Если не на первом курсе колледжа, когда их поместят в группу математики для отстающих или когда они с трудом будут воспринимать лекцию по основам физики, то позже – на рабочем месте, когда они неверно интерпретируют график в банке, в котором работают, или неверно рассчитают дозировку лекарства в больнице на посту медсестры. Это открытие – что они не владеют инструментами, важными в современной экономике – они сделают для себя в любом случае, испытав унижение и стыд, который не смогут до конца объяснить. Они могут воспринять его как свое поражение, но я все же надеюсь, что этого не случится.

Я надеюсь, они воспримут это с негодованием. Может, в отличие от предшествующих поколений, эти молодые американцы решат, что их дети, как и дети Финляндии, заслуживают образованных и подготовленных – лучших! – в мире учителей. Они, вероятно, поймут, что если корейские дети в средней школе могут научиться проигрывать и идти дальше, то и их дети тоже смогут. Вероятно, они сделают вывод, что Польша – не единственная страна, где возможны перемены.

История показывает, как важны хорошие лидеры и удача. Политика важна так же, как и власть. Однако все важные перемены требуют еще и единого мнения, которое распространяется среди людей, как произнесенная шепотом клятва, от кухонного стола к кухонному столу, пока все не договорятся о том, что делать.

Истории Финляндии, Кореи и Польши сложные и незавершенные. Но они показывают, что можно сделать. Все дети должны учиться серьезному мышлению более высокого порядка, чтобы преуспевать в современном мире. Единственным для этого способом является создание в школах интеллектуальной культуры, которую дети будут считать настоящей и правильной. По мере того как все больше информации поступает из разных школ и стран и по мере того как школьники сами находят

способы сообщить миру, что они могут гораздо больше, эта просветительская работа, я надеюсь, будет становиться слишком громкой, чтобы можно было не услышать.

Примечания автора

Работа над этой книгой была явной попыткой уйти от реальности. В начале XXI века обсуждения проблем образования в США стали, по-моему, такими недоброжелательными, провинциальными и многословными, что уже больше не приводили туда, куда стоило идти. Я хотела отстраниться и посмотреть, изменится ли этот диалог.

Факты давали мне прекрасное оправдание: лишь небольшое число стран научило всех своих детей более высокоорганизованному мышлению. Почему? Что мешало этому произойти где-то еще? Меня не особенно заботили чартерные школы, ваучерные школы, бессрочные контракты преподавателей и другие причины «зависания» политики. Взрослые были зациклены на себе, иронизируя друг над другом в танцевальных залах гостиниц и мэриях, пока миллиарды детей во всем мире учились размышлять и решать задачи – или не учились. Итак, я подумала, что просто тихо выйду черным ходом и отправлюсь изучать эту загадку.

Прошло полгода, прежде чем я поняла, как была глупа. Трудно написать и об одной незнакомой стране, а писать о трех – вообще на грани мошенничества. Иностранец, заброшенный в далекую страну, в итоге, как сказали бы корейцы, «облизывает арбузную корку», будучи неспособным проникнуть в суть.

Мне очень нужны были помощники – примерно столько же, сколько бывает на сцене и за сценой бродвейского мюзикла. Только у меня не было бродвейского бюджета. И даже при том, что я мало что могла им предложить, люди делали удивительные вещи. Думаю, они делали их, поскольку считали, что эта загадка того стоит. А может, дело в сострадании. Они могли заметить, что без них я потеряюсь в лабиринте данных и бюрократии других стран. В итоге более 100 человек во всем мире – исследователи, учителя, мастера-наладчики, политики, бизнесмены, дипломаты, школьники и родители – помогали мне найти дорогу.

С начала до конца я больше всего полагалась на Ким, Эрика, Тома и Дженни – тех молодых людей, которые пригласили меня в свои школы и семьи на трех континентах и терпеливо излагали мне то, что им известно. Без них я никогда бы не познакомилась с обычной жизнью детей и их семей, с их окружением, что помогло мне понять, почему система иногда работает, а чаще нет. Они ответили на тысячи скучных и порой глупых вопросов по скайпу, телефону, электронной почте, СМС и лично. Они терпеливо

сидели у буддистских храмов, в коридорах средних школ и в фойе отелей, пока я записывала их рассказы (эти видеофрагменты сейчас хранятся в архиве сайта www.AmandaRipley.com). Они согласились говорить о своих родителях, учителях и друзьях. Я уверена, что неосознанно смущала их. Я все время ждала, что они сделают большие глаза и в ярости уйдут, но такого не случилось.

Я лично навещала Ким, Тома, Эрика и Дженни в Финляндии, Польше и Корее. А также посетила родные места Ким и Тома в США. Когда я не могла сама осмотреть место, то использовала интервью, газетные вырезки и другие документы. Я в особом долгу перед Ким и Томом за их очень подробные, обстоятельные блоги, заполнившие все пробелы, оставшиеся после наших бесед. (Ссылка на блог Ким дается в библиографии под именем Ким, ссылка на блог Тома не приводится, потому что адрес включает его фамилию.)

Я извлекла из этого один урок: рассказывать о молодежи стало тревожаще легко; многие подростки (хотя не все) оставляют длинный петляющий след цифровых отпечатков, о которых могут однажды пожалеть. Я, например, очень рада, что видеозапись, на которой я изображаю диктора, сделанная моей подругой, когда мне было 12, не выложена на YouTube.

Поэтому я решила не указывать фамилии подростков, представленных в этой книге. Они проявили такой уровень самосознания и скромности, какого я не встречаю у большинства взрослых, с которыми беседую. Но я хотела на всякий случай дать им шанс изменить свое мнение, все переосмыслить и однажды самим рассказать об этом.

Родители моих молодых собеседников пошли на риск, позволив им общаться со мной. Я очень благодарна им за доверие. В некоторых случаях они по нескольку часов разговаривали со мной о своих детях и собственных представлениях о воспитании детей и образовании в Америке и мире. Я также искренне благодарю сотрудников Американской полевой службы, организации «Молодежь за взаимопонимание», клубов «Ротари» и CSIET, которые любезно знакомили меня со школьниками разных стран из программ обмена.

Обеспечить молодым людям жилье и обучение в тысячах миль от их дома – это сложное и рискованное дело. Люди, делающие его хорошо, преданы простой идее, что мир велик и удивителен и чем скорее мы научим наших детей в нем жить, тем лучше будет всем нам.

За веру в то, что можно написать нескучную книгу об образовании и не отказаться от этой радикальной идеи, я хочу поблагодарить моего давнего редактора и подругу Присциллу

Пэйнтон, а также Джонатана Карпа и остальных членов его команды в издательстве «Simon & Schuster». Спасибо за то, что помогли вести широкие изыскания и делиться найденными сокровищами с остальным миром.

Мой давний агент Эсмонд Хэрмсуорт мудро настоял на том, чтобы я прежде всего искала героев. Спасибо вам, Эсмонд, что уберегли меня от долгих мучений и поддерживали эту идею с начала до конца. Очень талантливый и знающий Дэн Баум вытащил меня из трясины писательства, напомнив, что важнее всего сами истории.

Писателю крупных форм сегодня не выжить без толпы спонсоров. Без поддержки Общества Бернарда Л. Шварца, Лоуренса Пауэлла Джобса, Стейси Рубин, «Emerson Collective», советов и поддержки Стива Колла, Андреса Мартинеса, Фейт Смит и Кэролайн Эсер из Фонда «Молодая Америка» эта книга никогда не вышла бы в свет. Особая благодарность Мари Лоуренс – умной и основательной исследовательнице из «Новой Америки», которая помогла провести анкетирование AFS и внесла свой вклад в ценный анализ детской бедности и приоритета спорта в средней школе Америки. Спасибо также Ребекке Шэфер – бывшему учителю и штатной сотруднице «Новой Америки», которая помогла разобраться в исследовании коррекционного образования в мире.

Истоки множества этих историй находятся в журнальных статьях – тех, которые долго пишутся, сложно редактируются и требуют много места для публикации. Я безмерно благодарна Майклу Даффи, Нэнси Гиббс и Рику Стенджелу из журнала «Time», Джеймсу Гибни, Скотту Стосселу, Корби Каммеру и Джеймсу Беннету из журнала «The Atlantic» за то, что помогали мне рассказывать истории детей, учителей и родителей всего мира до и после того, как вышла эта книга.

Ведущие специалисты по данным в ОЭСР, включая Андреаса Шляйхера, делают жизненно важную работу, в которой непросто разобраться. Я благодарю их за постоянную помощь. Когда возникала путаница, я также получала ценные инструкции от добрых людей из Фонда образования, AIR, Департамента образования США и посольств и министерств образования Финляндии, Польши и Южной Кореи.

Директора школ в южнокорейских Сеуле и Бусане, польских Вроцлаве и Варшаве, финских Хельсинки, Эспоо и Пиетарсаари, как и в американских Геттисберге, штат Пенсильвания, Вашингтоне, округ Колумбия, и Саллисо, штат Оклахома, любезно позволили мне осмотреть их школы. Многие учителя моей страны, включая Бинх Тай из Нью-Йорка, Линн Хоммейер и

Уилла Тейлора из Вашингтона, округ Колумбия, и Санг Сунн О из корейского Бусана, потратили свое драгоценное время на то, чтобы рассказать, как они живут, существенно обогащая всю картину.

В переводе и исследовании в Польше я в большей степени полагалась на смелого и проницательного Матеуша Корнацки. В Корее выдающийся переводчик и энергичный репортер Стивен Ким водил меня по школам, хагвонам и правительственным учреждениям двух городов в любое время дня и ночи. Я также получала переводы и помощь в исследовании от Джастин Яблонской и Терезы Бухштаттер в Вашингтоне, округ Колумбия, Дженни Сантахольма в Хельсинки и Сары Зарров в Варшаве. За проверку фактов я благодарю стойкую Рэйчел Браун за добросовестную интеллектуальную работу.

Кейтлин Эндрюс-Райс, женщина, способная на очень многое, во второй раз помогала мне в «мозговом штурме», исследовании и усовершенствовании книги. Спасибо, Кейтлин, за то, что прямо говорили мне, что интересно, а что нет.

Насколько мне известно, никто не заканчивает книгу без помощи друзей, коллег и родных, которые слушают их, когда они до отвращения много говорят на эту тему. Ромеш Ратнесар, Лесли Чилкотт, Майкл Шэффер, Дэйв Рипли, Бен Рипли, Та-Нехиси Коутс, Роберт Гордон, Лиза Грин, Рэйчел Долин, Стивен Фарр, Карен Марш, Леннли Кип и Кортни Рубен – все они помогли мне решить, о чем будет эта книга и почему она важна. Кейт Уолш из Национального совета качества преподавания давала мне обширные и полезные консультации по вопросам подготовки американских учителей. Тимоти Дэли из TNTP помогал мне интерпретировать то, что я узнавала о затратах США. Моя любимая подруга Кэтрин Браун потратила много лет и миль пробежек на мозговые штурмы, сочувствия и подсказки, чтобы подвести меня к финишной черте. Спасибо тебе, Катарина.

Мой муж и друг Джон тоже помогал писать эту книгу. Сколько же он выслушал разглагольствований о несовершенстве системы образования! Он оказал мне огромную поддержку в духе XXI века, сказав, что я могу работать на себя, и высказав свое мнение об этом (с тактом, выдержкой и привычкой буквально стучать по дереву). Мой сын Макс нарисовал макеты обложки, забраковал многие заголовки, изучил страны на своем глобусе и понял, что я пытаюсь сделать, лучше большинства людей намного старше 6 лет.

Моя мама Луиза Рипли умерла в то время, когда я писала эту книгу. Много лет назад она работала учителем в Айове и любила эту работу. Мама считала, что образование – серьезное дело,

которое нельзя предоставлять случаю. Моя книга посвящена ей, ее личности, на одну треть состоящей из сострадания и на две – из решительности.

Приложение 1
Как распознать образование мирового уровня

Как и большинство репортеров, я предпочитаю не давать советов, а просто рассказываю истории людей, чтобы вы делали собственные выводы. Так лучше для всех.

В большинстве стран большинство родителей могут выбирать школу для своих детей. Увы, это очень трудный выбор, поскольку полезную информацию до безобразия трудно найти. Так что книга – моя лучшая попытка сообщить о том, что хотят знать люди.

> Лучший способ оценить качество школы – это потратить время, хоть 20 минут, на посещение урока.

Каждый ребенок уникален. Замечательная школа для одного – для другого будет адом на земле. И все же в том, что касается поиска школы, одновременно строгой и живой, полной энергии и знаний, есть несколько безотказных вопросов, которые стоит задать.

Вот моя шпаргалка для поиска школ мирового уровня, основанная на том, что я узнала, посетив школы на четырех континентах, побеседовав с детьми, учителями и родителями и изучив исследования других людей поумнее меня. Она незавершенная, но это только начало.

Понаблюдайте за учениками

Если вы пытаетесь понять, что это за школа, то можете игнорировать большую часть предоставленной вам информации. Дни открытых дверей? Они в основном бесполезны. Затраты на одного ученика? Сумма выше определенного основного уровня нигде не переходит в качество образования. Самые умные страны мира тратят на одного ученика меньше, чем США.

Наполняемость класса? Не так важна, как думает большинство людей, не считая первых лет учебы в школе. На самом деле в лучших по успеваемости странах классы больше, чем в США. Исследование показывает, что качество преподавания значит больше, чем размер класса.

Результаты тестов? Они полезнее, но в большинстве стран их очень трудно расшифровать. Насколько хорош тест? Насколько приумножаются в школе знания, которые дети приобрели, занимаясь дома? Школьные округа США получают все больше таких сведений, но не предают их огласке.

Лучший способ оценить качество школы – это потратить время, хоть 20 минут, на посещение урока.

При этом важно знать, на что смотреть. Родители обычно тратят массу времени на разглядывание доски объявлений в классе. Есть идея получше: смотрите на школьников.

Наблюдайте за тем, на чем они сосредоточены, интересуйтесь, что они делают. Не обращайте внимания на порядок, иногда учатся и в шумных местах, где дети работают в группах, почти без помощи учителя. Тихо и чисто бывает и на самых плохих уроках, которые кажутся взрослым обнадеживающе спокойными.

Помните, что серьезная учеба и выглядит серьезно. Если дети с бешеной скоростью выполняют письменное задание, – это не учеба, а заполнение формы. Детям иногда должно быть неудобно, это ничего. Они не должны выглядеть разочарованными или унылыми – наоборот, они должны получать помощь, когда нуждаются в ней, и часто друг от друга. Они не должны подолгу стоять в очереди за обедом, сидеть в кружок или сдавать письменные работы. От них должна исходить энергия.

Противьтесь желанию сосредоточиться на учителе. В лучших классах в мире учитель может быть тихим. Или харизматичным, или даже немного безумным (как большинство из нас помнит по своим школьным годам). То, что вы будете думать об учителе после краткого посещения, не так важно, как то, что думают дети, наблюдая его целый год.

Я делала так во всех странах, где была. Насколько школьников заинтересовало ваше появление? Увлеченные дети не станут обращать на вас особого внимания, у них есть дела поважнее. Скучающие дети оглядывались и улыбались, смущенно махали рукой и давали мне носовой платок, когда я чихала. Они напрасно теряли там время и жаждали развлечений.

Я видела скучающих детей во всех странах. Скука – это угроза, преследующая детей на всех континентах, с детского сада до окончания школы. Я видела, как девочка рисует себе на руке шариковой ручкой розу, медленно, тщательно, будто отбывая пожизненное заключение. Я видела, как маленький мальчик бесшумно танцует под партой ногами в белоснежных кедах, а верхняя часть его тела не шевелилась. Я видела, как подросток проявлял необычайный интерес к шнуру от жалюзи, висящему рядом с ним, будто это вытяжной трос парашюта, способного забросить его в другое место. Я видела школьников, открыто спящих на уроке, положив головы на парты. У некоторых были подушки. В Корее скучающие дети спали на уроках, чтобы потом учиться всю ночь.

В разных классах даже одной школы скучали по-разному. И все же в лучших школах скука была скорее исключением, чем нормой.

Можно было войти в пять классов и увидеть всего одного-двух учеников, сидящих с отсутствующим видом, а не 8 или 10. Вот как определить, что здесь действительно учатся.

Поговорите со школьниками

Люди, включая репортеров, редко спрашивают школьников об их восприятии. Все сосредоточены на учителе, директоре, здании или досках объявлений. Младших детей считают слишком маленькими, чтобы что-то понимать, а старших – слишком измученными. По моему опыту, это неверно. Если вы задаете умные вопросы, то школьники – самые справедливые и полезные собеседники в любой школе.

Не спрашивайте: «Тебе нравится этот учитель?» или «Тебе нравится эта школа?». Что, если высокий улыбающийся незнакомец придет в ваш офис и спросит: «Вам нравится ваш босс?» Вы подумаете, что, возможно, этот консультант внедрен сюда для того, чтобы вас уволить. Дети реагируют так же. И в любом случае любовь к учителю – это не то же, что знания, полученные от учителя. Так что задавайте вопросы конкретные, вежливые и важные.

Первое, о чем я обычно спрашиваю, это незатейливое: «Что ты сейчас делаешь? Зачем?»

Вы удивитесь, как много детей может ответить на первый вопрос, но не на второй. Второй вопрос все-таки насущен. Чтобы дети воспринимали школу всерьез, им нужно ежедневно напоминать о ее назначении.

В 2011 г. грандиозное научное исследование Фонда Гейтсов обнаружило, что ответы детей на определенные вопросы удивительно прогностичны для роста оценок школьников за тест и более надежны по прошествии времени, чем наблюдение за классом квалифицированных экспертов.

Десятки тысяч школьников всех возрастов спрашивали, согласны они или нет с 36 пунктами этой анкеты («Тройного опроса», разработанного Рональдом Фергюсоном в Гарварде).

Придя в школу, вы точно не сможете провести такое научно обоснованное анкетирование. Но вопросы этой анкеты, наиболее связанные с обучением школьников, помогут вам сформулировать вопросы, которые стоит задать.

Например:

1. На этом уроке вы узнаете много нового?
2. Ученики на этом уроке обычно ведут себя так, как требует учитель?
3. Этот урок проходит напряженно и вы не теряете время зря?

На такого рода вопросы школьники – и только школьники –

могут ответить.

Некоторые школы начали использовать варианты этого опроса, чтобы помочь учителям совершенствоваться, что разумно и относительно дешево.

Если директор или учитель использует такого рода опрос на уровне класса, тратит значительное время на изучение его результатов и стремится совершенствоваться, то это обнадеживает.

А вот еще один вопрос, который можно задать школьникам, добавленный Дуоном Джордоном, бывшим директором промежуточной школы Джона П. Суза в Вашингтоне, округ Колумбия: «Что ты делаешь, если чего-то не понимаешь?»

В хороших школах дети знают, как на него ответить.

Слушайте, что говорят родители

В 2011 г. я посетила частную школу Вашингтона, округ Колумбия, куда трудно было попасть, и обучение там стоило 30 000 долларов в год. Я, конечно, не могла позволить себе такую школу, но, побывав уже во многих муниципальных и чартерных школах, хотела знать, что может упустить мой ребенок.

Солнечный свет лился через стеклянную крышу. Когда я шла по вестибюлю, из классов доносились детские голоса, говорящие на разных языках. В кабинете директора были кексы. Все напоминало учебный курорт – мечту родителей. Но…

Глава школы долго и невнятно говорила о программе, давала массу неопределенных обещаний чудесных экскурсий и глобальных проектов. Присутствовавшие родители кивали, и у меня было ощущение, что они боятся сказать что-нибудь не то, что помешает их детям попасть в эту школу.

Затем одна мама троих детей, учившихся в этой школе, устроила экскурсию. Мы осмотрели блестящие полы, яркие цветные стены, картинки в рамочках и другие притягательные вещи. Наконец один отец задал хороший вопрос:

– У каждой школы есть свои недостатки. А какие недостатки у этой?

Я насторожилась.

– Нужно сказать, тут слабо учат математике.

Я онемела. Представьте, что вы попали в шикарную частную больницу и выяснили, что тут плохо оперируют! В школе, в которой детей заставляют проходить тест на IQ перед тем, как их принять, слабо учат математике?! Эта мама, за каждый год учебы выписывающая чек на $90 000, чтобы оплатить обучение троих детей, кажется, могла бы требовать приличной подготовки по математике…

Но никто ничего не сказал. Может, все родители были поражены, как и я. Затем мама, проводившая экскурсию, добавила кое-что еще:

– Да, и подготовка по футболу тоже могла бы быть лучше.

Родители вдруг оживились.

– Правда? А что вы имеете в виду? Здесь нет футбольной команды? В каком возрасте их начинают тренировать?

Я вышла озадаченная. Наверное, это объясняло, почему наши самые состоятельные дети набирали 18 баллов по математике в отличие от состоятельных детей всего мира: даже богатые американские родители не беспокоились о математике так, как о футболе.

В этом и заключалась большая разница между Америкой, Финляндией, Кореей, Польшей. В образовательных сверхдержавах мира родители убеждены, что для будущего их детей необходимо серьезное образование.

Если вы нашли такую школу, где родители и педагоги разделяют это основное убеждение, то вы нашли нечто более ценное для большинства детей, чем лучшая на земле программа по футболу.

Подыскивая школу, просите родителей рассказать о недостатках учебного учреждения. Слушайте внимательно. Если родители говорят, что они принимают большое участие в жизни школы, спросите их, какое. Американские родители обычно больше участвуют в школьной жизни, чем родители образовательных сверхдержав, но это в целом не способствует приобретению знаний.

Сбор средств, посещение футбольных игр и участие в комиссиях оценки учителей – все это замечательно. Однако это обычно не влияет на качество образования детей.

Во всем мире родители заметно влияют на учебный процесс. Но родительский комитет не связан с обучением напрямую. Исследования показали, что самые активные родители обычно воспитывают не самых умных детей. Они могут влиять на уровень их знаний в основном дома.

Родители, видящие себя наставниками своих детей, стремятся каждый день читать детям, пока они маленькие, а когда дети подрастают, говорят с ними о том, как прошел день, и обсуждают последние события в мире. Они позволяют детям ошибаться и снова приниматься за дело. Они прививают им хорошие привычки и предоставляют независимость. Иначе говоря, они тоже учителя и любят серьезный подход. Они хотят, чтобы их дети терпели неудачи, пока они еще дети. Они знают, что уроки упорного труда, стойкости, честности и достижения результатов помогут их ребенку в будущем.

По разным культурным и историческим причинам большинство родителей в самых умных странах мира понимают важность упорства в учебе – так же, как американские родители понимают, почему тренеры сажают на скамейку запасных их сыновей и дочерей, если они мало тренировались. Директора мирового уровня обращают внимание родителей на то, что важно, даже если это означает потерю $500 выручки на пропущенной школьной распродаже домашней выпечки.

Игнорируйте блестящие предметы

Традиционное может быть хорошим. В средней школе Эрика в южнокорейском Бусане были скромные кабинеты и простые компьютерные классы. Перед зданием дети играли в футбол. Это место напоминало американскую школу 1950-х. Большая часть классов, в которых училась Ким в Финляндии, выглядела так же: ряды парт перед простой школьной доской или «белой доской» старого образца, которая не соединена ни с чем, кроме стены.

В польской школе Тома даже не было кафетерия. Во всех классах его американской школы были интерактивные «белые доски», которыми оборудованы все школы США. (Вообще-то, когда я посещала американскую школу Тома в 2012 г., эти доски уже заменили досками нового поколения.) Ни в одном польском классе интерактивных досок нет.

Увы, существует мало данных для того, чтобы сравнивать вложения в технику в разных странах. Но это примечательное свидетельство говорит о том, что американцы тратят невероятно много денег налогоплательщиков на высокотехнологичные игрушки для учителей и школьников, большинство из которых не приносит никакой доказанной пользы обучению. Как во всех других видах деятельности, компьютеры наиболее полезны, когда они экономят время и деньги, помогая определить, что знают дети и кому нужна помощь. И наоборот: давать детям дорогие беспроводные пульты, чтобы они могли голосовать в классе, невообразимо в большинстве стран мира. (Во всем мире дети просто поднимают руки, это очень удобно.)

– В большинстве стран с наилучшими результатами техника в классах отсутствует, – сказал мне Андреас Шляйхер, специалист по образованию в ОЭСР. – Я не могу объяснить почему, но мне кажется, эти системы образования направляют свои усилия преимущественно на педагогическую практику, а не цифровые устройства.

В анкетировании, проведенном для этой книги, 7 из 10 иностранных и американских школьников согласились с тем, что в школах США больше техники. Ни один из опрошенных американских школьников не сказал, что в школах США было значительно меньше техники.

Самые умные страны уделяют первостепенное внимание оплате труда учителей и справедливости (направляя больше ресурсов самым нуждающимся школьникам). При поисках образования мирового уровня помните, что люди всегда значат больше, чем антураж.

Задавайте директору трудные вопросы

Задайте директору школы те вопросы, которые вы бы задали потенциальному работодателю. Разберитесь в приоритетах школы и ее культуры. Не бойтесь быть столь же настойчивыми, какими вы можете быть, покупая машину или поступая на работу.

В поисках школы руководитель значит больше любого другого фактора. Да, учителя тоже крайне важны, но вы не можете выбрать учителя для своего ребенка в нашей системе образования. Поэтому вам остается полагаться на директора, чтобы он сделал это за вас.

Как вы подбираете учителей?

В Финляндии, Корее и всех образовательных сверхдержавах учителей подбирают довольно эффективно, принимая в педагогические колледжи тех, кто по успеваемости входит в первую треть выпускных классов средних школ. Такая избирательность сама по себе недостаточна, но она гарантирует уровень престижа и образования, который делает возможными другие самые высокие в мире стандарты.

Так как большинство стран не делает такого разумного шага, директор оказывается еще важнее. Он работает как фильтр вместо педагогического колледжа или системы сертификации учителей, которая в большинстве стран не очень сильна. Ничего не может быть важнее решений, которые принимает директор школы, кого-то нанимая на работу или увольняя. «Большие цели недостижимы без настоящих профессионалов», – написал Джим Коллинз в своей классической книге «От хорошего к великому».

Выясните, может ли директор сам нанимать педагогов. Такого рода независимость редка во многих школах. Затем спросите, наблюдает ли директор, как ведет урок претендент на рабочее место. Об этом тоже почти не слышали во многих странах, включая США, хотя это очевидный способ разобраться, есть ли у человека качества учителя. Даже если в процессе найма кандидаты изображают преподавание перед взрослой аудиторией, это гораздо лучше, чем ничего.

Как вы повышаете качество преподавания?

Чем больше подробностей вы слышите в ответ на этот вопрос, тем лучше. Большинство учителей работает без значимой обратной связи, в изоляции. Сегодня это непростительно. Повышение квалификации должно подгоняться под сильные и слабые стороны отдельного учителя. Там не должно быть сотен

учителей, просиживающих на лекции в аудитории.

Ни в одной стране этого не поняли. Но кое-где это делают лучше других. В Финляндии учителя чаще наблюдают, как работают их коллеги. Многие страны дают учителям больше времени, чтобы сотрудничать и вместе составлять планы, в этом отношении США оцениваются низко. Американские учителя работают относительно короткий учебный год, и в большинстве школ у них мало времени на то, чтобы поделиться своими идеями и получить ответную реакцию. Спросите директоров, как они помогают учителям сотрудничать.

Как вы оцениваете свои успехи?

Сильные руководители четко и внятно излагают свои взгляды. Если вы слышите длинный неопределенный ответ, вы, возможно, оказались в школе, не имеющей миссии – т. е. посредственной школе. В США большинство директоров упомянут результаты тестов как критерий успеха, что справедливо, но недостаточно. Еще они могут упомянуть процент выпускников или степень удовлетворенности родителей.

Хорошо, но как они оценят столь же важные «неосязаемые» результаты? Как они узнают, что учат школьников мыслить упорядоченно и решать задачи, которых они раньше не видели? Большинство стандартизованных тестов не оценивают эти навыки. Как они определят, что учат детей секретам, лежащим в основе величайших историй успеха, – таким качествам, как упорство, самоконтроль и честность?

Спрашивают ли они своих учеников о том, что им нужно усовершенствовать? Меняют ли эти мнения метод работы школы существенно и каждый семестр? Педагоги мирового уровня имеют представление о том, куда они идут, способы определить правильность курса и постоянно меняться ради достижения результата.

Как вы определяете, что работаете достаточно серьезно? Как вы постоянно повышаете требования, чтобы понять, на что способны дети?

В чартерных школах «Академия успеха» в Нью-Йорке ученики ежедневно посвящают полтора часа чтению и обсуждению книг. Потом они тратят еще полтора часа на письменную работу. Дети начинают ежедневно изучать естественные науки в детском саду. Вот что такое серьезная учеба. В большинстве городских муниципальных школ Нью-Йорка дети до средней школы не изучают естественные науки ежедневно.

Это не все. Ученики «Академии успеха» также учатся музыке, изобразительному искусству, танцам, игре в шахматы. А еще они

никогда не устраивают себе перерывов, даже в плохую погоду, – у них та же установка, что и в Финляндии. Они называют свою стратегию «радостная и серьезная».

Эффективно ли это? Все четвероклассники школ «Академии успеха» – знатоки естественных наук согласно результатам теста города Нью-Йорка, и успеваемость 95 % из них соответствует повышенному уровню сложности. В «Академии успеха Гарлем I», места в которой разыгрываются и в которую принимают выигравших в лотерею, преимущественно школьников из малообеспеченных семей, успеваемость такая же, как в школах для одаренных и талантливых детей по всему Нью-Йорку.

Учителя в этих школах должны восхищать своим интеллектом и отличной подготовкой: они обучены скорее завышать требования к детям, чем беспокоиться об их самооценке. В этих школах воспитателям малышей запрещается говорить с детьми нараспев. Детей трудно уважать, если вы к ним снисходительны. «Это вредит интеллекту учащихся, – пишут основатель и директор «Академии» Ева Московитц и ее соавтор Арин Лавиния в своей книге «Миссия невыполнима» (2012). – То, что говорит учитель, должно быть так интересно, что дети сидят на краешке стула, ловя каждое слово. Это блеск интеллекта, удерживающий их внимание, а не сюсюканье».

В «Академии успеха» родителей не просят печь печенье или продавать подарочную упаковку. Вместо этого их просят читать детям 6 вечеров в неделю. Предполагается, что родители будут помогать детям дома, чтобы подготовить их к колледжу, так же как это делают корейские родители. У родителей есть телефоны учителей и директора школы.

В 2011 г. «Академия успеха» открыла новую школу в Верхнем Вестсайде на Манхэттене, гораздо более богатом районе, чем те, где она располагалась ранее. В отличие от большинства школ Америки, включая лучшие муниципальные чартерные школы, эти новые школы действительно многонациональны. Московитц смешала белых, азиатских, афроамериканских и латиноамериканских школьников с разными уровнями дохода. Так дети лучше учатся – вместе, с разными ожиданиями, преимуществами и сложностями.

Подобные истории есть по всей стране: чартерные школы «Академия успеха» в Нью-Йорке – наиболее близки финским; Уильям Тейлор – учитель муниципальной школы, имеющий почти такие же ожидания в отношении учеников из малообеспеченных семей в Вашингтоне, округ Колумбия; Дебора Джист в Род-Айленде – руководитель, отважившийся повысить требования к подготовке учителей подобно реформаторам Финляндии и

Южной Кореи.

Преподаватели мирового класса существуют, но они противостоят культуре и системе. Эта борьба отнимает у них силы и время. Если они когда-нибудь победят, то потому, что родители и школьники будут протестовать вместе с ними, уверенные в том, что наши дети не только могут справляться с серьезным обучением, но жаждут этого как никогда.

Приложение 2
Опрос школьников об их опыте, проведенный Американской полевой службой

Введение

Ни одна страна не определила, как помочь всем детям полностью раскрыть свои способности. Системы образования, как и здравоохранения, умопомрачительно сложны и всегда нуждаются в изменении. Чтобы их улучшить, надо учиться друг у друга. Тонкость в том, чтобы определить, какой фактор важнее.

Тесты могут измерять знания, а опросы внутри страны – отношение к учебе. Однако трудно сравнивать результаты опросов в разных странах, так как опрошенное население живет в уникальной культурной среде.

Тем не менее люди, жившие и учившиеся в разных странах, могут выходить за культурные рамки и распознавать значимые различия. Их голоса в сочетании с количественным анализом могут помочь нам разгадать эту загадку.

Каждый год десятки тысяч инициативных подростков со всего света покидают дом и едут жить и учиться по программам обмена. За 2011/2012 учебный год 1376 американцев уехали за границу и 27 688 школьников из других стран приехали в США. Эти школьники, погруженные в новую среду, культуру, семью и школу, могут сравнить разные системы образования так, как никогда не мог ни один взрослый исследователь.

Схема опроса

В мае 2012 г. Аманда Рипли и исследователь Фонда Новая Америка Мари Лоренс сотрудничали с межкультурными программами AFS, одной из самых старых и уважаемых в мире организаций обмена. AFS (бывшая Американская полевая служба) – это некоммерческая организация, содействующая обмену более чем в 50 странах.

Мы провели онлайн-опрос всех школьников по обмену от AFS, посланных за границу из США или в США из других стран в 2009/2010 учебном году. (Мы выбрали этот год отчасти потому, что все школьники были старше 18 и могли участвовать в опросе без разрешения родителей.)

Первоначальной целью опроса было стремление понять, заметили ли остальные школьники те различия, которые наблюдали школьники по обмену, ставшие героями этой книги. Мы также хотели узнать, изменились ли мнения школьников со времени предыдущего опроса, проведенного в 2001 и 2002 гг., за 10 лет реформ системы образования США. Наконец, нам было интересно узнать, могут ли различия в опыте школьников быть связаны с различиями в их результатах теста PISA.

Школьники показали себя высоконадежными наблюдателями своих учителей и обстановки в классе. Проект «Меры эффективного преподавания» – попытка Фонда Билла и Мелинды Гейтс определить, что такое хорошее преподавание, – обнаружил, что оценки школьников согласуются в разных группах учеников, где преподает один и тот же учитель, и очень связаны с успехами в учебе. Имеет смысл спрашивать школьников только о том, что они знают.

Чтобы начать опрос, AFS-USA разослала приглашения по электронной почте 242 школьникам США, учившимся в 33 странах, а AFS-International разослала приглашения 1104 школьникам, приехавшим в США из 19 стран.

Анкета включала в себя 13 вопросов (полный текст см. в конце этого приложения). Большинство вопросов возникло после десятков бесед автора со школьниками из программы обмена за несколько лет. Два вопроса относительно общих трудностей у зарубежных школ и важности спорта были преобразованы из опросов Брукингского института школьников США и других стран в 2001 и 2002 гг. Этот опрос также включал в себя два вопроса, подразумевающих свободный ответ, чтобы зафиксировать наблюдения, которые могли бы не выявить альтернативные ответы. В целях конфиденциальности ни один из

вопросов не собирал идентифицирующую информацию об участниках.

Ответы поделили на две группы по стране проживания (США против школьников других стран) и среди школьников других стран на страны с высокими результатами (CBP) и с низкими (CHP). Каждая отправляющая страна была определена в соответствующую категорию на основе ее среднего рейтинга PISA за математику. Мы выбрали математику потому, что успеваемость по математике разных стран легче сопоставима, и потому, что знание математики обычно лучше прогнозирует будущие заработки и прочие экономические последствия, чем знание других предметов.

Страны с баллами PISA значительно выше среднего для развитых стран классифицировались как страны с высокими результатами, а с баллами по математике, незначительно отличающимися от среднего или значительно ниже среднего, классифицировались как страны с низкими результатами. Из отправляющих стран, участвующих в этом проекте, странами с высокими результатами были Дания, Финляндия, Германия, Гонконг, Исландия, Япония, Нидерланды, Новая Зеландия и Швейцария. Странами с низкими результатами были Бразилия, Колумбия, Коста-Рика, Франция, Гондурас, Индия, Италия, Латвия, Филиппины и Россия.

Ограниченность данных

Из 1346 приглашенных школьников всего 202 заполнили анкету (см. таблицу 1), ответили 15 %. Было много всевозможных причин, по которым не участвовали остальные школьники, включая то, что многие изменили электронный адрес с тех пор, как AFS связывалась с ними в последний раз. Но все же процент ответивших был достаточно высок, чтобы сформулировать основные выводы о восприятии школьников с некоторыми оговорками.

Из респондентов США значительное количество (19 %) училось в Италии. Из зарубежных респондентов большая группа (37 %) приехала в США из Германии. Эти пропорции отражали распределение школьников AFS в целом, и результаты нужно рассматривать, помня об этих тенденциях.

Германию, к примеру, отнесли к странам с высокими результатами, потому что немецкие подростки получили по математике баллы выше среднего в тесте PISA. Это значит, что 54 % нашей международной выборки с высокими результатами – немцы. Однако Германия в разных лигах с Финляндией и Кореей – двумя странами, стоящими первыми в мире по математике, чтению и естественным наукам в тесте PISA.

Таблица

Процент ответивших школьников США и других стран

	ШКОЛЬНИКИ США			ШКОЛЬНИКИ ДРУГИХ СТРАН		
ПРИНИМАЮЩАЯ/РОДНАЯ СТРАНА	П	З	%	П	З	%
Австрия	9	1	11,1%			
Аргентина	16	0	0,0%			
Бельгия		12	1	8,3%		
Бразилия	4	2	50,0%	47	4	8,5%
Венгрия	1	0	0,0%			
Германия	16	3	18,8%	334	61	18,3%
Гондурас				4	0	0,0%
Гонконг	2	1	50,0%	22	3	13,6%
Дания	4	0	0,0%	51	6	11,8%
Доминиканская Республика	2	0	0,0%			
Египет	3	0	0,0%			
Индия	1	1	100,0%	15	0	0,0%
Исландия	1	0	0,0%	11	4	36,4%
Испания	28	4	14,3%			
Италия	33	7	21,2%	234	30	12,8%
Китай	5	0	0,0%			
Колумбия				19	2	10,5%
Коста-Рика	3	0	0,0%	5	0	0,0%
Латвия				5	1	20,0%
Нидерланды	8	3	37,5%	24	4	16,7%
Новая Зеландия	8	3	37,5%	3	1	33,3%
Норвегия	5	0	0,0%			

Панама	4	0	0,0%			
Парагвай	9	4	44,4%			
Перу	1	0	0,0%			
Португалия	8	0	0,0%			
Россия	2	1	50,0%	7	0	0,0%
Таиланд	2	0	20,0%			
Турция	1	0	0,0%			
Филиппины				14	0	0,0%
Финляндия	4	2	50,0%	38	10	26,3%
Франция	29	3	10,3%	62	14	22,6%
Чехия	2	0	0,0%			
Чили	3	0	0,0%			
Швейцария	10	2	20,0%	73	19	26,0%
Швеция	7	1	14,3%			
Эквадор	6	1	16,7%			
Япония				136	6	4,4%
СВР всего				692	114	16, %
СНР всего				412	51	12,4%
ИТОГО*	242	37	15,3%	1104	165	14,9%

**Исключая 4 ответа школьников. Трое школьников не сообщили, является ли США их родной или принимающей страной. Один сообщил, что США – это одновременно родная и принимающая страна.*

СВР – страны с высокими результатами.
СНР – страны с низкими результатами.
П – количество школьников, приглашенных к участию в опросе.
З – количество школьников, заполнивших анкету.

Сербия и Канада также согласились участвовать в опросе, но они не посылали школьников в США посредством программы AFS в 2009/2010 учебном году.

Более того, школьники из международной программы обмена – не обязательно типичные представители своих ровесников на родине. Некоторые (хотя и не все) – из обеспеченных семей и высокоэффективных школ. У них также может быть более

высокий уровень мотивации и склонности к риску, чем у тех, кто не участвовал в программе обмена школьниками. В принимающих странах к этим школьникам относятся не совсем так, как к их одноклассникам, и это отличие в сочетании с очевидным языковым барьером может ограничивать их способность оценить систему образования и культуру другой страны.

Несмотря на оговорки, результаты наблюдений этих 202 школьников обнаружили интригующие особенности. Они были одного мнения чаще, чем разных. Мы благодарны школьникам и AFS за помощь в получении информации у группы заинтересованных лиц, с которой редко советуются во время дебатов во всех странах мира, – у самих школьников.

Библиография

ACT. The Condition of College & Career Readiness 2011. August, 2011.

ACT. Crisis at the Core: Preparing All Students for College and Work. 2005.

ACT. 2010 ACT National and State Scores: Average Scores by State.http://www.act.org/newsroom/data/2010/states.html.

Adcock, Clinton. «Sallisaw: A Blue Town». Tulsa World, June 21, 2010.

Afdal, Hilde Wågsås. «Constructing Knowledge for the Teaching Profession: A Comparative Analysis of Policy Making, Curricula Content, and Novice Teachers' Knowledge Relations in the Cases of Finland and Norway». Ph.D. diss., University of Oslo, 2012.

Aho, Erkki, Kari Pitkänen, and Pasi Sahlberg. Policy Development and Reform Principles of Basic and Secondary Education in Finland Since 1968.Washington, DC: The World Bank, 2006.

Almlund, Mathilde, Angela Lee Duckworth, James Heckman, and Tim Kautz. «Personality Psychology and Economics». In Handbook of the Economics of Education, Volume 4, edited by Eric A. Hanushek, Stephen Machin and Ludger Woessmann, 1-182. Amsterdam: North-Holland, 2011.

America Achieves. Middle Class or Middle of the Pack?April, 2013.

Archer, Kim. «Bill Would Lift Required Graduation Testing». Tulsa World, December 28, 2011.

Archer, Kim. «Owasso Board Joins High-Stakes Testing Protest». Tulsa World, August 14, 2012.

Arenson, Karen W. «South Korea: 900 SAT Scores Canceled». New York Times, March 13, 2007.

Arum, Richard, and Josipa Roksa. Academically Adrift: Limited Learning on College Campuses.Chicago: The University of Chicago Press, 2011.

Aud, Susan, Mary Ann Fox, and Angelina KewalRamani. Status and Trends in the Education of Racial and Ethnic Groups.Washington, DC: The National Center for Education Statistics, 2010.

Aud, Susan, William Hussar, Grace Kena, Kevin Bianco, Lauren Frohlich, Jana Kemp, and Kim Tahan. The Condition of Education 2011 (NCES 2011-033). U.S. Department of Education, National Center for Education Statistics. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 2011.

Auguste, Byron, Paul Kihn, and Matt Miller. Closing the Talent Gap: Attracting and Retaining Top-Third Graduates to Careers in

Teaching. McKinsey & Company, September, 2010.

Barber, Michael, and Mona Mourshed. How the World's Best-Performing School Systems Come Out on Top.McKinsey & Company, September 2007.

Bernanke, Ben. «The Level and Distribution of Economic Well-Being». Speech before the Greater Omaha Chamber of Commerce, Omaha, NE, February 6, 2007.

«Bildungsstudie – Durchweg schlechte Noten». FOCUS, December 3, 2001. Translation by Theresa Buchstätter.

Bill & Melinda Gates Foundation. Learning about Teaching: Initial Findings from the Measures of Effective Teaching Project. Measures of Effective Teaching Project, December, 2010.

Boe, Erling, Henry May, and Robert Boruch. Student Task Persistence in the Third International Mathematics and Science Study: A Major Source of Achievement Differences at the National, Classroom, and Student Levels. Philadelphia: Center for Research and Evaluation in Social Policy, 2002.

Boe, Erling, and Sujie Shin. «Is the United States Really Losing the International Horse Race in Academic Achievement?» Phi Delta Kappan, 86, no. 9 (2005): 688–695.

Borgonovi, Francesca, and Guillermo Montt. «Parental Involvement in Selected PISA Countries and Economies». OECD Working Papers No. 73. OECD Publishing, Paris, 2012.

Boser, Ulrich, and Lindsay Rosenthal. Do Schools Challenge Our Students? What Student Surveys Tell Us about the State of Education in the United States. Washington: Center for American Progress, July 10, 2012.

Boser, Ulrich. Return on Educational Investment: A district-by-district evaluation of U.S. educational productivity.Washington: Center for American Progress, January 2011.

Bowles, Samuel, and Herbert Gintis. Schooling in Capitalist America: Educational Reform and the Contradictions of Economic Life.New York: Basic Books, 1976.

Bracey, Gerald W. «Another Nation at Risk: German Students Scores in Academic Tests». Phi Delta Kappan, 84, no. 3, November 1, 2002.

Bronson, Po, and Ashley Merryman. NurtureShock: New Thinking about Children. New York: Hachette Book Group, 2009.

Bureau of the Census. State & County Quick Facts, Sallisaw, Oklahoma.Washington, DC: Bureau of the Census. http://quickfacts.census.gov/qfd/states/40/4065000.html. Accessed 2012.

Bureau of Labor Statistics. «The Employment Situation: December, 2011». Bureau of Labor Statistics press release, January 6, 2012.

Catholic Information Agency».Gniezno: Nationwide Launch of the School Year». September 1, 1999. Translation by Justine Jablonska.

Cavanagh, Sean. «Out-of-School Classes Provide Edge». Education Week, April 22, 2009.

Center for Research in Mathematics and Science Education. Breaking the Cycle: An International Comparison of U.S. Mathematics Teacher Preparation. East Lansing: Michigan State University, 2010.

Center on Education Policy, George Washington University. State High School Exit Exams: A Policy in Transition.Washington, DC: Center on Education Policy, 2012.

Chae, S., J.-H. Hong, and T.J. Lee. «Anatomy of the Rank Structure of Korean Universities: Toward a Design of Integrated Policies for Education Reform in Korea». AP-EPRI/ KEDI Publications, 2005.

Chao, Ruth. «Beyond Parental Control and Authoritarian Parenting Style: Understanding Chinese Parenting through the Cultural Notion of Training». Child Development 65(1994): 1111–1119.

Chao, Ruth. «Chinese and European American Mothers' Beliefs about the Role of Parenting in Children's School Success». Journal of Cross-Cultural Psychology 27, no. 4 (July 1996): 403–423.

Choi, Álvaro, Jorge Calero, and Josep-Oriol Escardíbul. Hell to Touch the Sky: Private Tutoring and Academic Achievement in Korea.Barcelona: Barcelona Institute of Economics, 2011.

College Board, 2011 College-Bound Seniors: Total Group Profile Report, 2011.

Collins, Jim. Good to Great: Why Some Companies Make the Leap. . and Others Don't. New York: HarperCollins, 2001.

Conn, Steven. «In College Classrooms, the Problem Is High School Athletics». The Chronicle of Higher Education, April 15, 2012.

Coolahan, John, Paula Santiago, Rowena Phair, and Akira Ninomiya. Attracting, Developing and Retaining Effective Teachers: Country Note – Korea.Paris: OECD Publishing, 2004.

«Current Expenditure per Pupil in Average Daily Attendance in Public Elementary and Secondary Schools, by State or Jurisdiction, Selected Years, 1959-60 through 2007–08». National Center for Education Statistics. Accessed 2012.

Czajkowska, Agnieszka. «Kids Revolt». Gazeta Wyborcza, September 19, 2007. Translation by Mateusz Kornacki.

Daily Oklahoman».Past Out: School Officials Should Keep Moving Forward». July 8, 2012.

Darling-Hammond, Linda. The Flat World and Education.New York: Teachers College Press, 2010.

Davidson, Adam. «Making It in America». The Atlantic, January/

Feburary 2012.

Davies, Norman, and Roger Moorhouse. Microcosm: Portrait of a Central European City. London: Jonathan Cape, 2011.

Denhart, Matthew, and Christopher Matgouranis. Oklahoma Higher Education: Challenging the Conventional Wisdom.Oklahoma City: Oklahoma Council of Public Affairs, 2011.

Dervarics, Chuck, and Eileen O'Brien. Back to School: How Parent Involvement Affects Student Achievement.Alexandria: The Center for Public Education, 2011.

District of Columbia Department of Employment Services. «District of Columbia Strategic Workforce Investment Plan: For the Period of July 1, 2009 – June 30, 2010». July 10, 2009.

Duckworth, Angela L., and Martin E. P. Seligman. «Self-Discipline Outdoes IQ in Predicting Academic Performance of Adolescents». Psychological Science16, no. 12 (2005): 939–944.

Dweck, Carol S. «Caution – Praise Can Be Dangerous». American Educator, Spring 1999.

The Economist».How to Be Top». October 18, 2007.

Education Trust. «Not Good Enough: A Content Analysis of Teacher Licensing Examinations». Thinking K-163, no. 1 (Spring 1999).

Eger, Andrea. «www.school.com». Tulsa World,August 15, 2011.

Fenty, Adrian, Joseph Walsh, and Bill Dean. «District of Columbia Strategic Workforce Investment Plan». 2010.

Finnish National Board of Education. Performance Indicator for Initial Vocational Training in Finland 2011. Helsinki: Finnish National Board of Education, 2011.

Fleischman, Howard L., Paul J. Hopstock, Marisa P. Pelczar, and Brooke E. Shelley. Highlights From PISA 2009: Performance of U.S. 15-Year-Old Students in Reading, Mathematics, and Science Literacy in an International Context (NCES 2011-004). U.S. Department of Education, National Center for Education Statistics. Washington, DC: U.S. Government Printing Office, 2010.

Friedman, Thomas L. «How about Better Parents?» The New York Times,November 19, 2011.

Gamerman, Ellen. «What Makes Finnish Kids So Smart?» The Wall Street Journal, February 29, 2008.

Glenn, David. «Writing Assignments are Scarce for Students in Two Majors at Texas Colleges». The Chronicle of Higher Education, Jan. 18, 2011.

Gove, Michael. «The Benchmark for Excellence». The Independent, Jan. 6, 2011.

Greenberg, Julie, Laura Pomerance, and Kate Walsh. Student Teaching in the United States.Washington, D.C.: National Council on

Teacher Quality, 2011.

Greene, Jay P., and Josh B. McGee. «When the Best Is Mediocre». Education Next 12, no. 1 (2012): 35–40.

Greene, Wayne. «Graduation Testing Bill Advances». Tulsa World,May 18, 2012.

Hakkarainen, Pentti. «Learning and Development in Play». In Nordic Childhood and Early Education: Philosophy, Research, Policy, and Practice in Denmark, Finland, Iceland, Norway, and Sweden, edited by Johanna Einarsdottir and Judith T. Wagner. Greenwich, CT: Information Age Publishing, 2006.

Hancock, LynNell. «Why Are Finland's Schools So Successful?» Smithsonian, September, 2011.

Hanushek, Eric A., and Ludger Woessmann. Does Educational Tracking Affect Performance and Inequality? Difference-in-Differences Evidence Across Countries.Stanford: Stanford University, 2005.

Hanushek, Eric A., and Ludger Woessmann. Do Better Schools Lead to More Growth? Cognitive Skills, Economic Outcomes, and Causation.NBER Working Paper No. 14633. National Bureau of Economic Research, Cambridge, January, 2009.

Hanushek, Eric A., Paul E. Peterson, and Ludger Woessmann. «Teaching Math to the Talented: Which Countries and States are Producing High-Achieving Students?» Education Next11 no. 1 (Winter 2011): 11–18.

Hanushek, Eric A., and Ludger Woessmann. The Knowledge Capital of Nations.Forthcoming.

Hanushek, Eric A., Paul E. Peterson, and Ludger Woessmann. U.S. Math Performance in Global Perspective: How Does Each State Do at Producing High-Achieving Students? PEPG Report No. 10–19. Harvard University's Program on Education Policy and Governance and Education Next, Cambridge, November 2010.

Heckmann, Carsten. «Schlechte Schüler wegen schlecht gebildeter Lehrer?» Der Spiegel,December 4, 2001. Translation by Theresa Buchstätter.

Helliwell, John, Richard Layard, and Jeffrey Sachs, eds. World Happiness Report. New York: Earth Institute, 2012.

Henderlong, Jennifer, and Mark R. Lepper. «The Effects of Praise on Children's Intrinsic Motivation: A Review and Synthesis». Psychological Bulletin128, no. 5 (2002): 774–795.

Henderson, Anne, and Karen Mapp. A New Wave of Evidence: The Impact of School, Family, and Community Connections on Student Achievement.Austin: National Center for Family and Community Connections with Schools, 2002.

Henry, Brad. FY-2011 Executive Budget.Oklahoma City: Oklahoma Office of State Finance, 2010.

Herrold, Kathleen, and Kevin O'Donnell. Parent and Family Involvement in Education, 2006–07 School Year, From the National Household Education Surveys Program of 2007.Washington, DC: National Center for Education Statistics and U.S. Department of Education, 2008.

Hinton, Mick. «Legislature Junks High School Grad Test Requirement». Daily Oklahoman,May 21, 1992.

Hinton, Mick. «Governor to Require 'Literacy Passports.' «Daily Oklahoman, March 29, 1995.

Hofferth, Sandra L. «Changes in American Children's Time, 1997–2003». International Journal of Time Use Research6, no. 1 (2009): 26–47.

Homel, Jacqueline, Astghik Mavisakalyan, Ha Trong Nguyen, and Chris Ryan. «School Completion: What We Learn from Different Measures of Family Background». Longitudinal Surveys of Australian Youth,Research Report 59, July 5, 2012.

Huntsinger, Carol, and Paul Jose. «Parental Involvement in Children's Schooling: Different Meanings in Different Cultures». Early Childhood Research Quarterly24, no. 4 (2009): 398–410.

Huntsinger, Carol, Paul Jose, Shari Larson, Dana Balsink Krieg, and Chitra Shaligram. «Mathematics, Vocabulary, and Reading Development in Chinese American and European American Children over the Primary School Years». Journal of Educational Psychology92, no. 4, (2000): 745–760.

Ingram, Dale. «Family Plot». Tulsa World,October 18, 2009.

Jae-yun, Shim. «Shadow of Higher Education». The Korea Times,Nov. 30, 2011.

Jauhiainen, A., J. Kivirauma, and R. Rinne. «Status and Prestige through Faith in Education: The Successful Struggle of Finnish Primary School Teachers for Universal University Training». Journal of Education for Teaching: International Research and Pedagogy24, no. 3 (November 1998): 269.

Johnson, Jean, Jon Rochkind, and Amber Ott. «Are We Beginning to See the Light?» Public Agenda, June 2010.

Johnson, Sandy Scaffetta. Oklahoma Teacher Education Programs Under the Microscope: A Study of Oklahoma Elementary Education Mathematics Content Preparation. Oklahoma City: Oklahoma Business and Education Coalition, 2005.

Joerres, Jeff. «CEO Working Summit Synopsis». Panel at the Atlantic's New Work Era Summit, July 19, 2011, Washington, DC.

Jordan, Jennifer. «A Higher Standard». The Providence Journal, October 11, 2009.

Kaczorowska, Teresa. «The New Need to Improve». Gazeta Wyborcza, September 2, 1999. Translation by Sarah Zarrow.

Kalbarczyk, Adam. «Against Gymnasium». Gazeta Wyborcza,October 1, 1998. Translation by Sarah Zarrow.

Kamm, Henry. «The Past Submerged: Wroclaw, Once German Breslau, Is Now a Vigorously Polish City». The New York Times, February 19, 1966.

Kanervio, Pekka. «Challenges in Educational Leadership in Finnish Municipalities». Paper presented at the 6th International Symposium on Educational Research, Kempton Park, South Africa, July 19–23, 2010.

Kang, Shin-who. «67 Percent of Private Cram Schools Overcharge Parents». The Korea Times, April 14, 2009.

Khan, Salman. The One World Schoolhouse: Education Reimagined. New York: Hachette Book Group, 2012.

Killackey, Jim, and Mick Hinton. «Outlook Uncertain for Literacy Passport». Daily Oklahoman, March 26, 1995.

Killackey, Jim. «State Education Secretary Urges High School Graduation Test». Daily Oklahoman, July 30, 1997.

Kim. Kim's AFS Journey(blog). http:// kimsafsjourney.blogspot.com/.

Kim, Hee-jin. «BAI Finds Several Big Loopholes in Admission System». Korea JoongAng Daily, January 25, 2012.

Kim, Mi-ju, and Park Su-ryon. «Students Rely on Hagwon More Than Public Schools». Korea JoongAng Daily, February 19, 2010.

Kim, Young-hwa. «Consequences of Higher Educational Expansion in Korea: Trends in Family Background and Regional Effects on Higher Educational Attainment, 1967–1984». Korean Social Science Journal 18 (1992): 139–153.

Kivirauma, Joel, and Kari Ruoho. «Excellence Through Special Education? Lessons from the Finnish School Reform». International Review of Education/Internationale Zeitschrift Fur Erziehungswissenschaft 53, no. 3 (2007): 283–302.

Koedel, Cory. «Grading Standards in Education Departments at Universities». Education Policy Analysis Archives, 19 (2011): 1–23.

The Korea Times».Education Warning». Nov. 25, 2011.

Korean Culture and Information Service. Facts about Korea.Seoul: Ministry of Culture, Sports, and Tourism, 2009.

Kruczkowska, Maria. «Reform Without Miracles». Gazeta Wyborcza, May 27, 1998. Translation by Sarah Zarrow.

Kupiainen, Sirkku, Jarkko Hautamäki, and Tommi Karjalainen. The Finnish Education System and PISA. Helsinki: Ministry of Education Publications, 2009.

Kwon, Hyunsoo. «Inclusion in South Korea: The Current Situation and Future Directions». International Journal of Disability, Development & Education, 52.1 (2005): 62.

Landers, Jim. «Finland's Education System a Model for Dallas». The Dallas Morning News, February 8, 2009.

Langworth, Richard, ed. Churchill by Himself: The Definitive Collection of Quotations. New York: PublicAffairs, 2011.

Lee, Hyo-sik. «Private Education Costs Fall for Second Year». The Korea Times, February 17, 2012.

Lee, Ki-Bong. «The Best of Intentions: Meritocratic Selection to Higher Education and Development of Shadow Education in Korea». Ph.D. diss., Pennsylvania State University, 2003.

Lee, Robert. «18-year-old Murders Mom, Hides Body in Apartment». The Korea Herald, November 24, 2011.

Leinwand, Steven, and Alan Ginsburg. Measuring Up: How The Highest Performing State (Massachusetts) Compares to the Highest Performing Country (Hong Kong) in Grade 3 Mathematics. Washington, DC: U.S. Department of Education and The Urban Institute, 2009.

Lemov, Doug. Teach Like a Champion. San Francisco: Jossey-Bass, 2010.

Lerner, Lawrence, Ursula Goodenough, John Lynch, Martha Schwartz, and Richard Schwartz. The State of State Science Standards: Oklahoma. Washington, DC: Thomas B. Fordham Institute, 2012.

Loveless, Tom. How Well Are American Students Learning? With Special Sections on High School Culture and Urban School Achievement. Washington, DC: Brookings Institute, 2001.

Loveless, Tom. How Well Are American Students Learning? With Sections on Arithmetic, High School Culture, and Charter Schools. Washington, DC: Brookings Institute, 2002.

Luxembourg Income Study (LIS) Inequality and Poverty Key Figures, http://www.lisdatacenter.org, Luxembourg: LIS. Accessed 2012.

Lyytinen, Jaakko. «Helsinki Parents at Pains to Avoid Schools with High Proportion of Immigrants». Helsingin Sanomat, January 1, 2011.

Magnuson, Katherine, and Jane Waldfogel, eds. Steady Gains and Stalled Progress: Inequality and the Black-White Test Score Gap. New York: Russell Sage Foundation, 2008.

Mandara, Jelani. «An Empirically Derived Parenting Typology». Paper presented at the Achievement Gap Initiative Conference, Harvard University, Cambridge, June 29, 2011.

Manyika, James, Susan Lund, Byron Auguste, Lenny Mendonca, Tim Welsh, and Sreenivas Ramaswamy. An Economy That Works: Job Creation and America's Future. McKinsey & Company, June 2011.

Marshall, Paula A. Sweet as Pie, Tough as Nails. Tulsa: Expert Message Group, 2011.

May, Henry, Angela Duckworth, and Erling Boe. Knowledge vs. Motivation: What Do International Comparisons of Achievement Test Scores Really Tell Us? Unpublished manuscript, 2012.

McKinsey & Company. The Economic Impact of the Achievement Gap in America's Schools. April 2009.

MetLife, Inc. The MetLife Survey of the American Teacher: Teachers, Parents and the Economy. New York: MetLife, 2012.

Miliband, Ed. «On Social Mobility». Speech at the Sutton Trust-Carnegie Corporation Social Mobility Summit, London, UK, May 22, 2012.

Moskowitz, Eva, and Arin Lavinia. Mission Impossible: How the Secrets of the Success Academies Can Work in Any School.San Francisco: Jossey-Bass, 2012.

Mourshed, Mona, Chinezi Chijioke, and Michael Barber. How the World's Most Improved School Systems Keep Getting Better. London: McKinsey & Company, 2010.

Michigan State University News. «MSU Scholars Help Minnesota Become Global Leader in Math». December 9, 2008.

Na, Jeong-ju. «Bounty Hunters Targeting 'Hagwon.' «The Korea Times, September 18, 2012.

Na, Jeong-ju. «Cram Schools Turning to NEAT to Boost Revenue». The Korea Times, February 8, 2012.

National Council on Teacher Quality. It's Easier to Get into an Education School than to Become a College Football Player. Washington, DC: National Council on Teacher Quality, 2011.

National Council on Teacher Quality. Teacher Quality Roadmap: Improving Policies and Practices in LAUSD. Washington, DC: National Council on Teacher Quality, 2011.

National Governors Association. Benchmarking for Success: Ensuring U.S. Students Receive a World-Class Education. Washington, DC: National Governors Association, the Council of Chief State School Officers, and Achieve, Inc., 2008.

National Science Board. Science and Engineering Indicators 2010. Arlington, VA: National Science Foundation, 2010, Chapter 4.

Nixon, Ron. «Congress Blocks New Rules on School Lunch». New York Times, November 15, 2010.

Northeastern State University. Fact Book: Academic Year 2010–2011.

Obama, Barack. «State of Union address». January 25, 2011.

Obama, Barack. «Remarks by the President on the 'Education To Innovate' Campaign». Washington, D.C., November 23, 2009.

Office of State Finance, State of Oklahoma. FY 2011 Executive Budget. Accessed 2012.

Official Statistics of Finland. Special Education.Helsinki: Statistics

Finland, 2012.

OECD. Building a High-Quality Teaching Profession: Lessons from Around the World. Paris: OECD Publishing, 2011.

Oklahoma High School Indicators Project. Remediation Report, Fall 2010.

Oklahoma City: Oklahoma State Regents for Higher Education, 2010.

Oklahoma State Department of Education. Sallisaw Public School No Child Left Behind Act Annual Report Card 2008–2009. Oklahoma City, 2009.

Oklahoma State Department of Education. Sallisaw Public School No Child Left Behind Act Annual Report Card 2009–2010. Oklahoma City, 2010.

Oklahoma State Department of Education. Sallisaw Public School No Child Left Behind Act Annual Report Card 2010–2011. Oklahoma City, 2011.

Oklahoma State Department of Education. Superintendent's Salary Listing. Oklahoma City, 2011.

Oklahoma Commission for Teacher Preparation, Teacher Preparation Inventory 2012. Oklahoma City: OCTP, 2012.

Orfield, Gary, and Chungmei Lee. Historic Reversals, Accelerating Resegregation, and the Need for New Integration Strategies. Los Angeles: The Civil Rights Project/Proyecto Derechos Civiles, 2007.

Paige, Rod. «U.S. Students Average Among International Peers». U.S. Department of Education press release. Washington, DC, December 4, 2001.

Parmar, Parminder, Sara Harkness, and Charles M. Super. «Teacher or Playmate? Asian Immigrant and Euro-American Parents' Participation in Their Young Children's Daily Activities». Social Behavior and Personality: An International Journal, 36 (2008): 163–174.

Pennsylvania Department of Education. «SAT and ACT Scores». http://www.portal.state.pa.us/portal/server.pt/community/data_and_statistics/7202/sat_and_act_scores/674663. Accessed 2012.

Peterson, Paul E., and Carlos Xabel Lastra-Anadón. «State Standards Rise in Reading, Fall in Math». Education Next 58, no. 4 (2010): 12–16.

Peterson, Paul E., Ludger Woessmann, Eric A. Hanushek, Carlos X. Lastra-Anadón. Globally Challenged: Are U.S. Students Ready to Compete? The Latest on Each State's International Standing in Math and Reading. PEPG Report No: 11–03, August 2011.

Poehlman, Lindsay. 2011–2012 International Youth Exchange Statistics. Alexandria, VA: The Council on Standards for International Educational Travel, 2012.

Price, Marie, and Barbara Hoberock. «Legislative Roundup: Education Committee Backs 'High-Stakes' Student Testing.' «Tulsa World, March 8, 2005.

Rahn, Kim. «Student Kills Mother, Keeps Body at Home for 8 Months». The Korea Times, Nov. 24, 2011.

Ravitch, Diane. «What Can We Learn from Finland?» Bridging Differences(blog), Education Week. October 11, 2011.

Ravitch, Diane. Speech at «Save Our Schools» rally on the National Mall. Washington, DC, July 30, 2011.

Rich, Vera. «Minister Who Got His Sums Wrong Is Forced to Quit». THE, August 4, 2000.

Richtel, Matt. «In Classroom of Future, Stagnant Scores». New York Times, September 3, 2011.

Ripley, Amanda. «Brilliance in a Box: What Do the Best Classrooms in the World Look Like?» Slate, October 20, 2010.

Robelen, Erik W. «Study Links Rise in Test Scores to Nations' Output». Education Week, January 25, 2010.

Rolland, Megan. «National Group's Plan to be Used: Kern Decries School Standard». The Oklahoman, October 7, 2011.

Rolland, Megan, and Tricia Pemberton. «Raising Bar for Final Tests Leaves Some Feeling Worry». The Oklahoman, April 3, 2011.

Rotherham, Andrew J. «When It Comes to Class Size, Smaller Isn't Always Better». Time, March 3, 2011.

Rothwell, Jonathan. Housing Costs, Zoning, and Access to High Scoring Schools.Washington, DC: Brookings Institute, 2012.

Sachs, Jeffrey. Interviewed on Commanding Heights. Public Broadcasting System, June 15, 2000.

Sahlberg, Pasi. Finnish Lessons: What Can the World Learn from Educational Change in Finland? New York: Teachers College Press, 2011.

Schmidt, William, and Curtis McKnight. Inequality for All: The Challenge of Unequal Opportunity in American Schools. New York: Teachers College Press, 2012.

Schmidt, William, Maria Teresa Tatto, Kiril Bankov, Sigrid Blömeke, Tenoch Cedillo, Leland Cogan, Shin Il Han, Richard Houang, Feng Jui Hsieh, Lynn Paine, Marcella Santillan, and John Schwille. The Preparation Gap: Teacher Education for Middle School Mathematics in Six Countries (MT21 Report).East Lansing: Michigan State University, 2007.

Schneider, Mark. «The International PISA Test». Education Next 9, no. 4 (Fall 2009).

Scholastic and the Bill & Melinda Gates Foundation. Primary Sources: 2012 – America's Teachers on the Teaching Profession. Scholastic U.S.A., 2012.

SciMathMN. Minnesota TIMSS: The Rest of the Story: A Summary of Results as of October 2009. SciMathMN, 2009.

Scott, Joan. «Testimony by Professor Joan Wallach Scott Before the Pennsylvania General Assembly's House Select Committee on Student Academic Freedom». November 9, 2005.

Seligman, Martin E.P., Karen Reivich, Lisa Jaycox, and Jane Gillham. The Optimistic Child: A Proven Program to Safeguard Children Against Depression and Build Lifelong Resilience. New York: Houghton Mifflin, 2007.

Seth, Michael J. Education Fever: Society, Politics, and the Pursuit of Schooling in South Korea. Honolulu: University of Hawaii Press, 2002.

Shin-who, Kang. «Private Education Spending to Be Halved». The Korea Times, January 27, 2010.

Shockley, Martin Staples. «The Reception of The Grapes of Wrathin Oklahoma». American Literature 15, no. 4 (1944): 351–361.

Simola, Hannu, and Risto Rinne. «PISA Under Examination: Changing Knowledge, Changing Tests, and Changing Schools». Comparative and International Education, 11, Section V (2011): 225–244.

Song-ah, Kim. «Living in Harmony with Disabled». The Korea Times, November 25, 2009.

Sorensen, Clark W. «Success and Education in South Korea». Comparative Education Review, 38, no. 1 (1994).

Suh-young, Yun, and Na Jeong-ju. «Nation Holds Breath for Most Crucial Test». The Korea Times, November 10, 2011.

Suh-young, Y. «My Dream Is to Reshape Korea's Education». The Korea Times, September 21, 2011.

Statistics Korea. The 2010 Survey of Private Education Expenditure. 2011.

Steinbeck, John. The Grapes of Wrath. New York, NY: Penguin Group, 1939.

Tauber, Robert T. Classroom Management: Sound Theory and Effective Practice. Westport: Praeger Publishers, 2007.

Taylor, Leonore. «Finns Win, but Australian Students Are a Class Act». Australian Financial Review, December 5, 2001.

Time. «Northern Theatre: Sisu,» January 8, 1940.

Toffler, Alvin. Future Shock. New York: Random House, 1970.

Tucker, Marc S., ed. Surpassing Shanghai: An Agenda for American Education Built on the World's Leading Systems. Cambridge: Harvard University Press, 2011.

UNICEF. Child Poverty in Perspective: An Overview of Child Well-Being in Rich Countries. Florence: UNICEF Innocenti Research Centre, 2007.

U.S. Department of Education. Education Dashboard. http://dashboard.ed.gov. Accessed 2012.

U.S. Department of Education, National Center for Education Statistics. Table B.1.70: Average combined mathematics literacy scores of 15-year-old students, by national quartiles of the PISA index of economic, social and cultural status (ESCS) and jurisdiction: 2003. International Data Table Library, 2012. http://nces.ed.gov/surveys/international/tables/B_1_70.asp. Accessed 2012.

U.S. Department of Education, National Center for Education Statistics. Table B.1.71: Average combined mathematics literacy scores of 15-year-old students, by national quartiles of the PISA index of economic, social and cultural status (ESCS) and jurisdiction: 2009.International Data Table Library, 2012. http://nces.ed.gov/surveys/international/tables/B_1_71.asp. Accessed 2012.

U.S. Department of Education, National Center for Education Statistics. Digest of Education Statistics, 2010: Table 3: Enrollment in educational institutions, by level and control of institution: Selected years, 1869-70 through fall 2019.

U.S. Department of Education, National Center for Education Statistics. Digest of Education Statistics, 2010: Table 45: Children 3 to 21 years old served under Individuals with Disabilities Education Act, Part B, by type of disability: Selected years, 1976-77 through 2008-09.

U.S. Department of Education, National Center for Education Statistics. National Assessment of Educational Progress (NAEP).Various years, 1990–2011, Mathematics Assessments.

U.S. Department of Education, National Center for Education Statistics. Table 8: Average number of public school teachers and average number of public school teachers who were dismissed in the previous year or did not have their contracts renewed based on poor performance, by tenure status of teachers and state: 2007–08. Schools and Staffing Survey (SASS), Public School District Data File, 2007–08.

U.S. Department of Education, Institute of Education Sciences, National Center for Education Statistics. Table 194: Current expenditure per pupil in average daily attendance in public elementary and secondary schools, by state or jurisdiction. Various years, 1959-60 through 2007–8.

U.S. Department of Education, Institute of Education Sciences, National Center for Education Statistics. Table 135: American College Testing (ACT) Score Averages, by Sex: 1970–1997.

U.S. News and World Report. «College Ranking Lists: Top 100 Lowest Acceptance Rates, Fall 2011». Accessed December 2012.

Walsh, Kate, and Christopher O. Tracy. Increasing the Odds: How Good Policies Can Yield Better Teachers. Washington, DC: National Council on Teacher Quality, 2004.

Walsh, Kate, Deborah Glaser, and Danielle Dunne Wilcox. What Education Schools Aren't Teaching about Reading and What Elementary Teachers Aren't Learning. Washington, DC: National Council on Teacher Quality, 2006.

Wang, Aubrey, Ashaki Coleman, Richard Coley, and Richard Phelps. Preparing Teachers Around the World. Princeton: Educational Testing Service, 2003.

Whelan, Fenton. Lessons Learned: How Good Policies Produce Better Schools. London: Fenton Whelan, 2009, p. 7.

Window & Door. «Therma-Tru to Close Oklahoma Manufacturing Facility». January 26, 2009.

Winerip, Michael. «Despite Focus on Data, Standards for Diploma May Still Lack Rigor». New York Times, February 5, 2012.

Won, Seoung Joun, and Seunghee Han. «Out-of-School Activities and Achievement Among Middle School Students in the U.S. and South Korea». Journal of Advanced Academics 21 no. 4 (August 2010): 628–661.

World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2012–2013: Full Data Edition. Geneva: World Economic Forum, 2012.

Yoon, Ja-young. «Foreign Investors Eye Education Market». The Korea Times, September 12, 2008.

Yun, Suh-young. «'My Dream Is to Reshape Korea's Education.'» The Korea Times, September 21, 2011.

Алфавитный указатель

A

Advanced Academics 218, 279
AFS (Американская полевая служба) 55, 182, 183, 238, 256, 258

B

Bama Companies 11, 61, 214, 215, 219
Bowles, Samuel 264

C

CyWorld 74

D

DeVry 218

E

eBay 60

F

Facebook 74, 77

G

Gazeta Wyborcza 163, 265, 269, 270
Gintis Herbert 264
Globally Challenged (доклад) 274

H

Helsingin Sanomat 199, 271
Highest (хагвон) 206

K

Kim Song-ah 276
Kwon, Hyunsoo 271

L

LO XIII 158

M

Megastudy 207
Myungin Academy 202
Newsweek 66

O

Oklahoman 218, 265, 268, 270

P

PISA (Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся) 9, 26, 27, 29, 30–39, 48, 77, 79, 80, 91, 107, 132, 134–140, 149–156, 165–168, 177, 186, 189–199, 205, 232, 256–258
Providence Journal 269

S

SAT 49, 54, 74, 113, 120, 142, 175, 189, 207, 223, 262, 274
Scholastic 276

T

Tulsa World 50, 220, 262, 266, 267, 269, 272, 274

А

Австралия 66, 190
Автономия 163
Авторитарный режим192
Агрессия 139
Азиатоамериканцы 190
Азия Корея как крайнее выражение старой традиции в… 78
Академия Успеха, чартерные школы 252–254
Алгебра 9, 49, 54, 59, 90, 96, 99, 100, 222
Алмазный мост 68
Американская ассоциация университетских профессоров 37
Американская мечта 226
Английский язык 44, 49, 54, 58, 67, 70, 88, 109, 113, 116, 129, 113, 116, 129, 131, 142, 169, 173, 184, 187, 191, 201, 204, 213, 218, 222
Аризона, школы BASIS в 232
Арни Дункан 31
Ассоциация отделов образования Оклахомы 50
Афроамериканцы 162, 229, 231

Б

Барреси Дженет 219
Беверли-Хиллс, Калифорния 15
Бедность PISA и 79 В Корее 80, 84 В Польше 152, 155, 161, 166 В США, см. Соединенные Штаты, бедность в 18, 194, 195, 238 В Финляндии 18
Безработица 160, 213, 214
Бельгия 15, 259
Беспристрастность, см. также справедливость, объективность 188, 189, 195
Бетель Скотт 9, 109, 116–118
Библиотеки 41, 80, 126, 127, 210, 211
Биология 49, 58, 218
Блэнчард Марк 9, 171, 172–176
Бо Эрлинг 149
Богатый 13, 15, 18, 54, 65, 80, 91, 152, 158–161, 171, 191, 202, 227, 247, 253
Борух Роберт 149

Бразилия 150, 259
Бреслау, см. также Вроцлав 153, 154
Бузек Ежи 160
Бусан, Южная Корея Автор в 86, 239 Эрик в, см. Эрик в Бусане, см. также Намсан 10, 65
Буш Джордж У. 30, 43, 227

В

Вашингтон Учительство Тейлора в 228, 254 Частные школы в 246 Школы BASIS в 232
ВВП 80
Вейсман Лудгер 14
Великая депрессия 40, 50
Великобритания 31, 149, 151, 169
Венгрия 92, 252
Вероятность 91
Верховный суд Кореи 207
Вирджиния 97, 232
Виртуальная средняя школа Оклахомы 185, 216
Влияние ровесников 130, 168
Внешкольное образование В Корее 80, 83, 86, 138, 201, 206
Восточная Европа, см. также Польша 90, 157
Восьмой класс 41, 148
Вроцлав 11, 92, 154, 155, 157, 170, 174, 220, 239
Вторая мировая война 55, 89, 126, 153, 155, 158, 175
Вулф Вирджиния 213, 221
Вуоринен Хейкки 11, 193, 194, 196, 197
Выбор школ 241
Вычисления, см. также исчисления 92, 97, 100

Г

Гамбургский университет 25
Гоув Майкл 31
Геометрия 49, 96–98, 173, 216
Германия Разделение на потоки в 169 Тест PISA и 258 Учителя в 188
Геттисберг, Пенсильвания 156, 157, 169
Геттисбергская средняя школа 171, 173, 174, 222
Гибкость/податливость 99, 150, 204, 220
Гнезно 164

Гомогенность, см. также однородность 188, 189, 192
Гонка за первенство 227
Гонконг 92, 258,259
Государственный дипломный экзамен штата Нью-Йорк 187
Гражданская война в США 89
Греция 29
Гроздья гнева (Стейнбек) 40

Д

Дания 226, 258, 259
Демократия 39, 155, 192, 219
Департамент образования США 239
Депрессия 139
Дети-алкоголики 105, 223
Детские книги 104–106
Детский сад 42, 94, 145, 225, 243, 252
Дженни (корейская школьница) В Нью-Джерси 222 В хагвоне 129, 130, 205
Джист Дебора 10, 112–114, 254
Джордон Дуон 245
Директора школ В Геттисберге 9, 171, 174 Вопросы к 250 В Польше 11, 164, 167 В Финляндии 197, 198
Добровольная помощь, родительская 133
Добросовестность 150, 152, 178
Добрые палочки 73
Доверие, в Финляндии 112
Домашние задания 57, 135, 140, 144, 229, 231
Достаток, см. также богатство, состоятельность 147, 152, 194, 225
Доходы PISA и 137 Бесплатный или льготный обед в Корее 73, 74 Еда Единый комплекс государственных образовательных стандартов 94, 97, 228 Знание математики и 91 Участие родителей и 132, 134 Учителей 118 Успехи в учебе и 30

И

Игра 100, 131, 142, 156, 158, 175, 183, 224, 230, 248
Израиль 171
Иммигранты 30, 125, 136, 140, 188, 190–192, 197–199
Индекс экономического, социального и культурного статуса/развития 115

Иностранные языки, их изучение 67, 198
Институт Брукингса 257
Интеллект/умственные способности 137, 152, 253
Интерес, см. также любопытство 42, 89, 104, 138, 210, 243
Ирландия 217
Искусство и ремёсла 25, 100, 108, 124, 169, 252
Испания 118, 259
Исследование и развитие 16, 21
Исчисления, см. также вычисления 98
Италия 56, 149, 182, 258, 259

К

Как распознать образование мирового уровня 241
Калькуляторы 34, 92, 98
Канада Детская бедность в 92 Школьники по обмену из 69
Катулл 222
Кафетерии 20, 73–76, 175, 216, 249
Кейт (сестра Ким) 54, 55, 181
Керн, Салли 228
Ким (американская школьница по обмену) Бабушка и дедушка 62 Борьба с опытами над крысами 43 Возвращение домой 216 Замеченные различия 105, 121, 148 Интервью с AFS 63 Летний лагерь Дьюка и 47 Поведение 122 Поездка в Техас 54 Полученные стипендии 63 Результаты SAT 54 Решение о переводе в виртуальную школу 216 Решение участвовать в программе обмена 55 Сбор денег на поездку 6 ˚Сообщения в блоге 60 Тест штата и 218 Ужас перед математикой 58 Эрик в сравнении с 98, 143
Ким, Эндрю 11, 201
Китай, китайский, см. Макао, Шанхай 39, 61, 140, 191, 193, 211, 259
Клубы «Ротари» 20, 237
Колледж Вассара («Вассар») 213, 221, 222
Колледж штата Род-Айленд 114, 115
Колон, Мичиган 10, 123–125
Командные качества, см. также руководство, управление, лидеры 146
Коммунизм 126, 155, 160, 162, 193
Конгресс США 31, 50
Конкуренция В Корее 204, 205 В США 199, 200 Конкуренция «железных» детей 77
Конкурс по поиску талантов Университета Дьюка для

семиклассников 44
Конфуций 78
Корейская энергетическая корпорация 141
Корейский язык 79, 87, 142, 205
Коренные американцы 41, 190
Корея Таймс 82
Корея, см. Южная Корея 19, 78, 84, 86, 98, 147, 150, 151, 188, 202, 205, 227
Коррекционное образование 195, 219, 238
Критическое мышление 15, 16, 27, 37, 232
Культура 15, 17, 120, 135, 145, 150, 234, 250, 254, 256, 261
Культурный обмен 56
Курение 176

Л

Лавиния Арин 253
Лемов Дуг 139
Ли Чэй Юн, особо 10, 202
Ли Ю Хо 10
Лидеры, см. также руководство, управление, командные качества 52, 146, 159, 227, 233
Логика, математика как язык логики 91
Лоуренс Мари 238
Любопытство, см. также интерес 72, 88
Люксембург 38

М

Макдоналдс 16, 214, 215
Макпик Джерри 219
Мартенс Эрни 10, 52, 53
Маршалл Пола 11, 214–216
Массачусетс 67, 94, 106
Математика В Корее 72, 77–79, 97–100, 258 В Миннесоте 94, 96 В Оклахоме 41 В Польше 92, 165, 166, 169 В Финляндии 187, 188, 258 Готовность к учебе в колледже по 92 Как язык логики 91 Колледж 233 Критическое мышление в 15, 16, 27 Проблемы с математикой в США 85, 91, 151, 189, 190 Тесты по 34, 44, 49, 232 Трудности Тома с 88, 90, 93 Ужас Ким перед 45, 58 Учителя по, см. учителя, математика 108, 109, 116–118, 138, 176, 228, 229
Международное исследование качества математического и

естественнонаучного образования 149 Кроме PISA 49
Мексика 36
Меритократия 79, 80, 203
Меры эффективного преподавания, проект 256
Метаморфоза 153
Механики по дизельным двигателям 173
Милибэнд Эд 226
Миннесота Выпускной тест по окончании средней школы в 75 Знание математики в 66, 94, 96 Корея в сравнении с 66, 71, 76, 81, 97, 142 Миннетонка, Миннесота 65, 66, 71, 73, 81
Мировоззрение, см. также поведение, позиция, отношение 148
Мировой экономический форум 220
Миссия невыполнима (Московитц и Лавиния) 253
Многонациональность, см. также многообразие, разнородность, иммигранты, нацменьшинства, раса, нация 197, 198, 202, 253
Многообразие, см. также разнородность, многонациональность, иммигранты, нацменьшинства, раса, нация 16, 189, 194
Молодежь за взаимопонимание 20
Московитц Ева 253
Мотивация 80, 85, 120, 148, 149, 168, 177, 261
Музыка 93, 172, 252
Мэй Генри 150, 151

Н

Навыки 98–100, 148, 171, 191, 206
Наказание 197, 209, 228
Налог на имущество 191
Намсан, школа Кафетерий в 73 Первое посещение Эрика 68–69 Первый учебный день Эрика в 70–77 Процент отсева в 75
Наставники 36, 108, 115, 132, 135, 136, 248
Настойчивость/стойкость 93, 149, 184, 250
Наука В Корее 205 Критическое мышление 27, 37, 232 Стандарты Оклахомы для 46, 58 Тесты на 27, 37, 253, 258
Национальный Совет по качеству преподавания 174
Нацисты 153,155
Нация 16, 57
Нацменьшинства 113–115, 170, 188, 194
Начальные школы
Разделение на потоки 162, 169, 171

Учителя в 45, 83, 110, 113
Финляндии 170, 195
Неповиновение 139
Неравенство 165, 206
Неудача, см. также провал 17, 93, 137, 144, 145, 156, 225, 230, 248
Ни одного отстающего ребенка 166, 227
Нидерланды, изменения уровня успеваемости в 258
Новая Зеландия Изменения уровня успеваемости в 134, 190
Норвегия Изменения уровня успеваемости в 169 Подготовка учителей в 115
Носки 71, 86
Нью-Джерси 131, 222
Нью-Йорк 17, 20, 55, 85, 239, 252, 253
Нью-Йорк, штат 187, 190, 213, 221
Нью-Хэмпшир 57

О

Обама Барак 19
Обед, бесплатный или льготный 40
Обман 69
Образование
Затраты на образование 171
Изменения уровня успеваемости в разных странах 18, 22
Мирового уровня 17
Сравнение образования разных стран, см. загадка PISA об 16
Общение, сообщение 35, 56–59, 62, 182, 217
Объективность, см. также справедливость, беспристрастность 191, 205
Одаренный, применение понятия 168
Однородность, см. также гомогенность 189, 192
Ожидания 52, 53, 124, 162, 167, 178, 189, 191
Оклахома-Сити 44–46, 218
Оман 117
Онлайновое обучение, см. также техника, виртуальная средняя школа 201, 202
Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) 9, 27
Отношение, см. также поведение, позиция, мировоззрение 38, 41, 43, 51, 78, 84, 87, 107, 110, 122, 124, 139, 145–149, 160, 177, 188, 190, 194, 224, 228, 251, 254
Отсроченное разделение на потоки 162

Отчет «Уровень счастья в мире» 226
ОЭСР, см. Организация экономического сотрудничества и развития 27, 31, 239, 249

П

Париж 27
Пейдж Род 29
Пенсильвания, см. также Геттисберг, Пенсильвания 20, 89, 92, 93, 157, 168, 174, 239
Пенсильванский университет 85, 149
Пиетарсаари 64, 103, 128, 183, 184, 188
Писать, см. также писательское мастерство, письменная речь, письменная работа 29, 46, 92, 140, 187, 222, 235, 240
Письменная работа, см. также письменная речь, писать 221, 242, 252
Письменная речь, см. также письменная работа, писать 108
Плата за обучение 115
Платонова пещера 171
Поведение, см. также мировоззрение, позиция, отношение 45, 72, 76, 100, 126,134, 139, 228, 230, 231
Податливость 150
Подотчетность/ответственность 112
Позиция, см. также мировоззрение, поведение, отношение 15, 149, 226
Политика, политики 17, 22, 52, 78, 82, 83, 112, 145, 160, 172, 178, 190, 208, 221, 224, 227, 235, 236
Польский язык 158
Польша PISA в 91, 165, 177 Бедность в 152 История 155, 159, 164, 166 Корея в сравнении с 92, 188, 234 Маршалл в 214 Метаморфозы в 38, 153 Приезд автора 39, 239 Разделение на потоки в 162 США в сравнении с, см. Соединенные Штаты, Польша в сравнении с 89, 90, 92, 156 Тесты по окончании школы в 218, 224 Финляндия в сравнении с 92, 170, 188, 234
Португалия 92, 260
Постлетуайт, Томас Невилл 9, 25–27
Похвала 135, 137, 138
Президентский тест по фитнесу 223
Преступность 125, 156, 158
Привилегии 13, 15, 85, 91, 92
Призы 47, 103, 135
Прилежание, см. также прилежность, трудолюбие 151, 191
Прилежность, см. также прилежание, трудолюбие 133, 149,

150
Провал, см. также неудача 13, 48, 93, 174, 219
Программа Международного бакалавриата 66, 69, 74, 169
Программа углубленного изучения 172, 174
Программы для детей раннего возраста 100
Программы для одаренных и талантливых 47, 168–169
Промежуточные школы 45, 60, 79, 83, 90, 99, 117
Профессиональные школы 191, 198
Профсоюзы учителей
В Корее 224
В Польше 163
В Финляндии 112
Психологи 181, 183

P

Работа 12, 17, 26–29, 33, 35, 37, 48, 53, 55, 59, 75, 79–80, 93, 97–100, 106–109, 113, 118, 122, 124, 135, 143–148, 160, 174–176, 182
Развод 83, 183, 214
Разделение на потоки 162, 166, 169
Различия 13, 105, 118, 122, 126, 143–145, 150, 171–174, 186, 192, 194, 225, 256
Размер класса 150, 242
Разнородность, см. также многообразие, многонациональность, иммигранты, нацменьшинства, раса, нация 190, 192, 196
Раса 91
Расизм 113, 189
Решение задач 37
Ри Мишель 12, 229
Род-Айленд 112–115, 254
Родители, родительское воспитание Американские 15, 17, 30–31, 51–53, 69, 85, 91, 99, 125, 135–137, 144, 189–192, 194 В PISA 135, 137 География 131 Доходы 137, 170, 190, 193 Корейские 19, 78–81, 83, 132–134, 137, 141–143, 203–204 Одинокие 193 Польские 157, 164, 172 Похвала 135, 138 Родительский комитет 247 Сегрегация 170, 191–192 Стили воспитания 138–139 Убийство 81 Участие 125, 132, 138, 247 Финские 57, 121, 143, 146, 198 Читающие 89
Россия 142, 193, 258, 260
Рузвельт Франклин 50, 154
Руководство, см. также управление, командные качества,

лидеры 95, 195
Рэвич Дайан 194

C

Саллисо, Оклахома 40–41, 45, 47, 50–54, 58–63, 103, 105, 109, 118, 126, 185, 218, 239
Самоконтроль 148, 252
Самоуважение 135
Свобода В Финляндии 121, 126, 135, 139–140, 143–144, 176, 183, 216, 226 Ограничение свободы родителями 138
Северо-восточный университет 109, 116
Сегрегация 170, 191–192
Секвойя Кантри Таймс 47
Семь братьев (финская классика) 104
Семь братьев-собак (детская книга) 104
Семьи Корейские 66, 81, 143 Малообеспеченные 189, 193, 206 Неблагополучные 53 Принимающие 20–22, 66, 68, 123, 128, 184
Сеул Автор в нем 77, 86, 201, 208
Сеульский государственный университет 78, 207
Сингапур 39, 117, 170, 191–192
Сиису 183–184, 187, 220
Скандалы с мошенничеством 207
Скромность 108, 159, 237, 248
Скука 96, 243–244
Словения 171
Соединенные Штаты Америки Бедность в 18, 31, 152 Богатые дети в 85, 91 Витание в облаках в 225 Возвращение школьников из программы обмена в 184, 213, 228 Дефицит математиков в 117 Дженни в 130, 222 Корея в сравнении с 74, 130, 135, 143, 150, 202, 208 Многообразие и 16, 189, 194 Норвегия в сравнении с 15, 107, 115 Предназначение школ в 145 Преимущества 16, 41, 139, 199, 254 Польша в сравнении с 152, 155–156, 166, 169, 191 Реформа образования в 166 Родительское воспитание в 15, 17, 30–31, 51–53, 69, 85, 91, 99, 125, 135–137, 144, 189–192, 194
Спорт в 42, 66, 85, 145–146 Тест PISA и 37, 189–190, 199 Техника в 85, 249 Финляндия в сравнении с 18, 66, 186–189, 194, 196, 198, 248 Частные школы в 30, 91, 199, 246
Состоятельность, см. также богатство, достаток 15, 30, 85, 91, 206, 247
Сочувствие 193, 240
Спалка Урсула 11, 176–177
Спорт 42, 59, 66, 79, 85, 89, 109, 116, 126, 137, 145–147, 174,

194, 197, 202, 223, 238, 257
Средняя школа Миннетонки 66, 71, 81
Средняя школа Саллисо 52, 218
Сталин Иосиф 154
Стандарты Академические 111 Единый комплекс государственных образовательных стандартов 94, 97, 228
Стара Тиина 11
Статистика 25, 91, 108, 114, 159, 168, 206
Стейнбек Джон 40
Степень магистра 108, 110
Стереотипы 30, 134, 136, 140, 195
Стресс 18, 53
Строгость/серьезность/требовательность В Польше 177, 191 В Сингапуре 191 В США 147, 162, 225, 227 В Финляндии 107, 186
Суицид/самоубийство 208
Сюзанна (принимающая мать Ким) 11, 64, 181, 184

T

Таиланд 117, 260
Тайм/Time 12, 183, 238, 300
Творчество 100
Тейлор Уильям 230, 239, 254
Телевидение 59
Тестирование В Америке 16, 29, 32, 222 В Корее 162, 203 В Оклахоме 218, 220 В Польше 161, 219 В Финляндии 187, 198 При поступлении в колледж 49, 109, 113 Рейтинг стран 28
Тесты на грамотность 9 Элины 124
Техас 54, 97
Техника, чрезмерные вложения Америки в 85, 249
Тиистила, школа 192, 196,-198
Том (американский школьник из программы обмена) В Геттисбергской средней школе 90, 168, 171, 173 Возвращение домой 213 В Польше 88, 175–176 Происхождение 89 Разделение на потоки и 170 Различия, замеченные им 92 Слабое знание математики 88, 91, 93 Чтение 89
Тренер 9, 59, 109, 117, 132, 146–147, 176, 248
Третьеклассники 92
Тригонометрия 97
Тройной опрос 245
Трудности 91, 98, 119, 127, 155, 169, 172, 196, 215, 232
Трудолюбие, см. также прилежание, прилежность 16, 72, 132, 172

Тулса, Оклахома 47
Турция 42, 171
Тучность/ожирение 146, 223

У

Уверенность в себе 184
Университет Де Пола 74, 221
Университет Дьюка, летний лагерь 44, 47
Университеты и колледжи Вступительные тесты 49, 71, 109, 113, 161, 219 Коррекционные классы и 195, 238 «Лига плюща» 85
Управление, см. также руководство, командные качества, лидеры 12, 74, 112, 144, 228
Успех 33, 39, 42, 91, 93, 107, 119, 135, 148, 166–167, 171, 174, 195–196, 203, 214, 217, 252–254
Утопия 38, 103
Учеба/обучение Неравенство в 165, 206 Образование мирового уровня и 241 Серьезное отношение финских школьников к 39, 57, 122, 187, 195
Учебники 95–96, 110–11, 136, 163, 201, 230–231
Учителя Американские, их дружелюбие 19, 88, 95, 110, 115, 120, 251 В Геттисберге 172 В Миннесоте 66, 95 В Оклахоме 44, 58–59, 110 Доходы 118 Зарплаты, см. учителя, заработки 81, 118 Корейские 83–84, 72 Математики, 106, 108, 176, 228 Оценка 83–84 Подготовка/обучение 108 Польские 88, 92 Помощники учителей 48 Похвала 138 Престиж 59, 106–107, 118, 120 Профсоюзы 106–107 Увольнение 106, 174 Финские 104,106–108, 120, 197
Учить, как чемпион (Лемов) 139
Учтивость 126

Ф

Фармер Скотт 10, 50–51, 53
Фергюсон Рональд 245
Физическое воспитание/физкультура 117, 143–144, 170, 175, 223
Философия 93, 157–158, 221
Финляндия Бедность в 18 Дети-алкоголики в 105, 226 Доверие в 112 Дополнительные занятия/уроки 86, 206 Затраты/расходы на образование 112, 119, 170–171, 197 Иностранцы в 192 История 199, 234 Ким в, см. Ким, в Финляндии 103 Корея в

сравнении с 143 Министерство образования 28, 239 Нью-Хэмпшир в сравнении с 57 Однородность/гомогенность 188, 192 Польша в сравнении с 188, 224, 234 Профессиональные училища в 17 °Самостоятельность 188 Спорт в 146 Тесты по окончании школы 187, 198 Учителя в, см. учителя, финские 104, 106–108, 120, 197
Финская литература 106, 108
Финский язык 61, 104, 186
Фонд Гейтсов 244
Франция 15, 31, 56, 150, 190, 258, 260
Фэйрфакс, Вирджиния 232

Х

Хагвоны (частные академии внешкольного образования) Дженни в 130 Учебная полиция 208 Эндрю Ким и 201
Хандке Мирослав 11, 159–160, 162–165, 167, 177–178
Ханушек Эрик 14
Характер 39, 148, 184
Хельсинки 28, 62, 103, 123, 183, 192, 239
Хорватия 42

Ц

Цзи (корейский подросток) 81
Цикл обратной связи 145

Ч

Ча Бьонг Чул 10, 209
Чао Рут 140
Чартерные школы 198, 199, 205, 232, 235, 246, 252–254
Частные школы 30, 91, 198–199
Черчилль Уинстон 93, 154
Четвероклассники 98, 196, 253
Чехов Антон 90
Чирлидеры 45, 47, 132
Чтение Детям 100, 134, 138 Критическое мышление в 15, 27 Математика в сравнении с 99, 166 Родительское 135, 137 Тесты по 16, 26, 151, 156

Ш

Шанхай 188
Шарлота (мать Ким) 9, 45–48, 56–59
Шато де ла Мюетт 27
Швеция 55, 169, 260
Школьники Богатые в сравнении с малообеспеченными 189 Возвращение домой 213–234 Иммигранты, в сравнении с коренными жителями 140, 190, 192 Обмен, см. школьники, участвующие в программе обмена 20–21, 63, 85, 211, 237, 256, 261
Шляйхер Андреас 9, 25, 27, 132, 239, 249
Шмидт Уильям 95

Э

Эволюция/развитие 58, 111
Экономист 10, 29, 38, 148
Экономический рост 38, 83
Элдридж Роджер Г. Дж. 114
Элина (финская школьница из программы обмена) 123–125
Энергичность, целеустремленность, активность В Польше 148–152 В США 148–152 В Финляндии 148–152 У корейских школьников 148–152
Эрик (американский школьник из программы обмена) В Бусане 65–67 Возвращение на родину из 213–214 В программе Международного бакалавриата 73 В средней школе Миннетонки 71 Знание математики 94, 97–98 Изоляция и одиночество 86–87 Первое посещение Намсан 68 Первый день учебы 70–77 Скука … 96
Этническая принадлежность 13, 199

Ю

Ювяскюля, университет 106, 108
Южная Корея PISA в 77 Длительность учебного дня 76 Миннесота в сравнении 71 Модель «соковыжималки» в 65–88 Неакадемические занятия 76 Тест по окончании школы в 74–75

Об авторе

*А*манда Рипли – журналист, занимающийся независимыми расследованиями для журналов «Time», «The Atlantic» и др. Она автор книги «Невероятное: Кто и почему выживает в катастрофах». Ее работа помогла журналу «Time» завоевать две награды «National Magazine Awards». В настоящее время Аманда Рипли является научным сотрудником колледжа Эмерсона и занимается исследованиями для фонда «Новая Америка» в Вашингтоне, округ Колумбия, где живет с мужем и сыном.

notes

Примечания

1

Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся (англ. *Programme for International Student Assessment, PISA*) – тест, оценивающий грамотность школьников в разных странах мира и умение применять знания на практике. Проходит раз в 3 года. В тесте участвуют подростки в возрасте 15 лет. Был разработан в 1997 году, впервые прошел в 2000 году.

2

«*Американская полевая служба*» – общественная организация, ставящая целью содействие развитию международного взаимопонимания путем организации обменов школьников с 80 странами мира. Программы направлены на то, чтобы американский школьник получил возможность провести учебный год за рубежом, проживая в приемной семье, а его семья должна принять иностранного школьника. Основана в 1914 году. Штаб-квартира в г. Нью-Йорке. – *Прим. пер.*

3

«Молодежь за взаимопонимание» – крупнейшая международная организация, специализирующаяся на школьных и студенческих обменах между странами-участницами. – *Прим. пер.*

4

Международная неправительственная ассоциация «Ротари интернэшнл», объединяющая клубы «Ротари» по всему миру, основана в США в 1905 году. Клубы «Ротари» позиционируют себя как нерелигиозные и неполитические благотворительные организации, открытые для всех стран независимо от национальной и расовой принадлежности, вероисповедания и политических взглядов. Ежегодно через такие клубы осуществляются до 30 000 проектов. Местный клуб формируется из представителей различных профессий. – *Прим. пер.*

5

Тенюр(е), постоянная должность, бессрочный контракт – заключается университетом с профессором или доцентом, как правило, после прохождения испытательного срока. Решение о нем принимается ректором университета на основании характеристики отделения или факультета и заключения специальной комиссии, для которых главными критериями оценки являются обычно качество преподавания и количество публикаций. Расширение системы контрактов увеличивает социальную защищенность профессуры, позволяет закрепить в университете высококвалифицированных работников. Однако при этом в нем чрезмерно увеличивается число профессоров, а талантливая молодежь медленнее продвигается в своей научно-педагогической карьере. – *Прим. пер.*

Организация экономического сотрудничества и развития. – *Прим. пер.*

Dummkopf (нем.) – дурак, глупец. – *Прим. пер.*

8

Один из главных героев кинотрилогии Дж. Лукаса «Звездные войны». – *Прим. пер.*

9

Район пыльных бурь и ветровой эрозии на юго-западе США. – *Прим. пер.*

10

Территория в составе штата, включающая один или несколько населенных пунктов, в которых находятся подведомственные школьному совету муниципальные школы. Администрации школьных округов независимы от других местных органов власти в административном, финансовом и политическом отношении. В стране насчитывается около 16 000 школьных округов. – *Прим. пер.*

11

Вид спорта, совмещающий элементы спортивного танца, акробатики и прыжков, цель которого – заставить болельщиков поддержать определенную спортивную команду на играх и матчах. – *Прим. пер.*

12

Стандартизованный тест, проводимый централизованно Советом колледжей. Предлагается абитуриентам и студентам, в том числе иностранным, при поступлении или переводе в американский колледж или университет. Предусматривает стандартную систему оценки способностей к тому или иному виду образования. Определяет знание английского языка (грамматики и лексики) и математики в объеме средней школы. – *Прим. пер.*

13

Частный университет; находится в г. Дареме, шт. Северная Каролина. Основан в 1924 г. при получении Колледжем Троицы средств братьев-филантропов Дьюк. – *Прим. пер.*

14

В США – для детей от 10–11 до 13–14 лет. – *Прим. пер.*

15

Академический оценочный тест – тест на проверку академических способностей – необходим при поступлении в вузы США и Канады. Оценивается общее знание литературы, истории и математики. Различают два уровня тестирования: проверка базовых знаний по математике и английскому языку и тесты по различным академическим дисциплинам. – *Прим. пер.*

16

Федеральное независимое ведомство, созданное в 1935 г. по инициативе президента Ф. Д. Рузвельта и ставшее основным в системе трудоустройства безработных в ходе осуществления «Нового курса». Существовало до 1943 г.; с 1939 г. – под названием Администрация программ общественных работ. С 1942 г. ее функции стали переходить в ведение управляющего по федеральным работам. – *Прим. пер.*

17

Территория в составе штата, включающая один или несколько населенных пунктов, в которых находятся подведомственные школьному совету муниципальные школы. Администрации школьных округов независимы от других местных органов власти в административном, финансовом и политическом отношении. В США насчитывается около 16 000 школьных округов. – *Прим. пер.*

18

Общественная организация, основной целью которой является развитие навыков лидерства у молодежи, стремящейся сделать карьеру в области сельского хозяйства и агробизнеса. Организация проводит учебные курсы и публикует один раз в два месяца журнал «Нэшнл фьючер фармер мэгэзин» (National Future Farmer Magazine). Основана в 1928 г. – *Прим. пер.*

19

Американская полевая служба – общественная организация, ставящая целью содействие развитию международного взаимопонимания путем организации обмена школьников с 80 странами мира. Программы AFS направлены на то, чтобы американский школьник получил возможность провести учебный год за рубежом, проживая в приемной семье, а его семья должна принять иностранного школьника. Основана в 1914 г. Штаб-квартира в Нью-Йорке. – *Прим. пер.*

20

«*Вторники с Морри*» (англ. *Tuesdays with Morrie*) – документальная книга, написанная в 1997 году американским писателем Митчем Элбомом. Книга описывает реальную историю Морри Шварца, профессора социологии, и его взаимоотношения со своим студентом, Митчем Элбомом. В книге дается хроника уроков жизни, которые Митч получает от своего учителя, умирающего от амиотрофического латерального склероза. – *Прим. пер.*

21

И-эс-пи-эн. Один из каналов кабельного телевидения, по которому круглосуточно показывают только спортивные передачи. Создан в 1979 г. телекомпанией «Кэпитал ситиз/Эй-би-си» [Capital Cities/ABC]. Помимо телеканала, компании также принадлежит один из крупнейших спортивных ресурсов Интернета ESPN.com (от «Entertainment and Sports Programming Network»). – *Прим. пер.*

22

Одна из самых эффективных программ для изучения иностранного языка. – *Прим. пер.*

23

Сеть закусочных быстрого обслуживания в США, где продаются фирменные пончики (более 50 видов) и кофе. Основана в 1950 году в г. Куинси, шт. Массачусетс. – *Прим. пер.*

24

Частный католический университет в г. Чикаго, шт. Иллинойс. Основан в 1898 году. – *Прим. пер.*

На основании личных заслуг. – *Прим. пер.*

26

Объединение из 8 старейших привилегированных учебных заведений на северо-востоке США: Корнельский университет в Итаке, университет Брауна в Провиденс, Колумбийский университет в Нью-Йорке, Дартмутский колледж в Ганновере, Гарвардский университет в Кембридже, Принстонский университет в Принстоне, Пенсильванский университет в Филадельфии, Йельский университет в Нью-Хейвене. – *Прим. пер.*

27

Известная в США сеть крупных книжных магазинов, принадлежащих одноименной компании Barnes & Noble, Inc. Помимо книг и периодических изданий, торгует музыкальной продукцией, видео, во многих магазинах есть кафе, проводятся встречи с авторами и др. – *Прим. пер.*

«Неудовлетворительно» (самая низкая отметка по 5– или 6-балльной системе A – F, принятой в большинстве учебных заведений США и Канады). – *Прим. пер.*

29

Третий по величине университет Финляндии после Хельсинкского и университета Турку. – *Прим. пер.*

30

Один из тестов в системе тестирования студентов при поступлении в университет или переходе из одного университета в другой. Определяет общий образовательный уровень абитуриентов по английскому языку, математике, гуманитарным и естественным наукам. – *Прим. пер.*

31

Принцип взаимозависимости и взаимоограничения законодательной, исполнительной и судебной власти. – *Прим. пер.*

32

American College Test Program – один из тестов в системе тестирования студентов при поступлении в университет или переходе из одного университета в другой. Определяет общий образовательный уровень абитуриентов по английскому языку, математике, гуманитарным и естественным наукам. – *Прим. пер.*

33

Федеральные программы социального обеспечения и вспомоществования, целью которых является смягчение для наименее обеспеченных слоев населения последствий жестких правительственных мер по экономии государственных средств. Выражение введено в употребление президентом Р. Рейганом. – *Прим. пер.*

34

Государственные студенческие стипендии имени сенатора К. Пелла. Предоставляются студентам, еще не получившим степень бакалавра. Размер стипендии зависит от доходов и сбережений семьи студента, а также расходов на обучение. Финансовое положение студента определяется при помощи специального индекса. Получение стипендии по этой программе не препятствует получению иных видов государственной помощи и гарантировано в том случае, если средства, учитываемые в индексе, не превышают в сумме определенной величины. – *Прим. пер.*

35

Предоставляется абитуриентам, имеющим вместе с хорошей успеваемостью высокие достижения в спорте; при ее назначении получатели должны выступать за спортивную команду колледжа или университета. – *Прим. пер.*

«Удовлетворительно» (третья отметка по пятибалльной системе «A – F», принятой в учебных заведениях США). – *Прим. пер.*

37

Стандартизованный тест, проводимый централизованно Советом колледжей. Предлагается абитуриентам и студентам, в том числе иностранным, при поступлении или переводе в американский колледж или университет. – *Прим. пер.*

Colon (англ.) – двоеточие. – *Прим. пер.*

39

Город на юго-западе штата Мичиган на р. Каламазу. – *Прим. пер.*

Частный университет в г. Эванстоне, один из лучших в штате Иллинойс и на всем Среднем Западе. – *Прим. пер.*

41

«The Hunger Games» – первый роман в одноимённой трилогии американской писательницы Сьюзен Коллинз. В США роман вышел в 2008 г. (в России издан в 2010 г.). – *Прим. пер.*

Оценка «удовлетворительно с плюсом». – *Прим. пер.*

Оценка «неудовлетворительно». – *Прим. пер.*

Стойкость, выдержка. – *Прим. пер.*

45

В бейсболе число, выражающее достижения игрока в бэттинге. Его можно получить, разделив число отбитых игроком подач на то, сколько раз он выступал как бэттер, и выразив результат в виде десятичной дроби. Ныне употребляется в переносном смысле как мера спортивных и иных достижений. – *Прим. пер.*

«Высший». – *Прим. пер.*

47

Престижный частный гуманитарный колледж высшей ступени в г. Покипси, шт. Нью-Йорк. – *Прим. пер.*

Перемещение индивида или социальной группы в социальном пространстве, изменение их положения, социальных ролей и статусов (социальной позиции). – *Прим. пер.*